СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ

НА

ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

Историко-археологическое изслѣдованіе

А. А. Дмитріевскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(Вступительный).

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул. соб. д.
1891.

Оттискъ изъ журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« за 1887 годъ.

089
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . 1.

А. Святогорскій (аѳонскій) Типиконъ . . . . . 11.

Б. Типиконъ великой Церкви или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей . . . . . 41.

В. Великій Евхологій и другія книги, употребляемыя на востокѣ пастырями въ практикѣ . . . . . 72.

Г. Устройство храмовъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, ихъ украшенія; происхожденіе и характеръ священной живописи и богослужебныя принадлежности . . . . . 85.

Дополненія и поправки . . . . . 147.

Замѣченныя опечатки . . . . . 155.

ВВЕДЕНІЕ.

Богослуженіе въ нашей русской Церкви, съ самаго начала принятія христіанства почти до нашихъ дней, находилось въ постоянной зависимости отъ богослуженія церквей христіанскаго востока вообще и Церкви византійской греческой въ частности. Особенно живая и постоянная связь нашей Церкви держалась съ византійскою Церковью, отъ которой мы приняли христіанство, первыхъ архипастырей, богослужебныя книги и вообще просвѣщеніе. Правда, были времена, когда связь эта нѣсколько ослабѣвала, и вліяніе Византіи на Русь во всѣхъ сферахъ нашей политическо-религіозной жизни какъ бы прекращалось, но проходили неблагопріятныя обстоятельства и духовная юная дщерь съ радостію простирала руки къ своей матери—Церкви византійской. Въ силу этого во внутреннемъ строѣ и жизни русской Церкви происходили и почти одновременно однѣ и тѣ же перемѣны, одни и тѣ же явленія, какія мы видимъ въ Церкви византійской.

Снабдивъ русскую Церковь, при самомъ началѣ ея существованія, богослужебными книгами и полнымъ выработавшимся ритуаломъ православнаго христіанскаго богослуженія, византійская Церковь продолжала идти въ развитіи своего богослуженія дальше, создавала новые чины и послѣдованія, или въ старые вносила новыя обрядовыя особенности, которыхъ не было въ богослужебной практикѣ дотолѣ, замѣняла одни церковные уставы другими и т. д. и т. д. Русская Церковь въ лицѣ своего представителя митрополита Кіевскаго, въ большинствѣ случаевъ природнаго грека

или, по крайней мѣрѣ, поставленнаго съ согласія Константинопольскаго патріарха, зорко слѣдила за всѣми этими перемѣнами, чутко прислушивалась къ голосу своей матери и старалась эти выработанныя формы пересадить цѣликомъ на русскую почву, ввести въ свою богослужебную практику тѣ же чины и послѣдованія. Отсюда произошло разнообразіе въ спискахъ однихъ и тѣхъ же чинопослѣдованій, какое мы видимъ въ богослужебныхъ памятникахъ славяно-русской письменности отъ XII вѣка почти до XVIII столѣтія. Всѣ попытки лучшихъ архипастырей своего времени, какъ напр., митрополитовъ Кипріана, Фотія и Макарія разрѣшались ничѣмъ, приводили къ результатамъ совершенно обратнымъ. Вмѣсто того, чтобы уничтожить въ богослуженіи разнообразіе богослужебной практики, эти лица изданіемъ и переводомъ богослужебныхъ чиновъ въ новѣйшихъ редакціяхъ, съ особенностями, дотолѣ неизвѣстными въ нашей богослужебной практикѣ, увеличивали количество списковъ богослужебныхъ чинопослѣдованій и вносили новыя особенности въ практику [1]). Только во второй половинѣ XVII столѣтія, благодаря энергіи, настойчивости и рѣшительнымъ мѣрамъ знаменитаго Московскаго патріарха Никона удалось, наконецъ, положить предѣлъ дальнѣйшимъ наслоеніямъ въ нашей богослужебной практикѣ, ввести въ нее желаемое однообразіе и установить опредѣленный строй и чинъ. Попытка эта имѣла успѣхъ, благодаря содѣйствію въ этомъ случаѣ знаменитаго большаго Московскаго собора 1666—67 годовъ, но она вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ роковою необходимостію два въ одинаковой мѣрѣ нежелательныя историческія явленія, такъ называемый, русскій расколъ и отдѣленіе русской Церкви отъ византійской въ сферѣ богослужебнаго вліянія.

Какъ извѣстно, появленіе новаго Служебника, исправленнаго патріархомъ Никономъ по венеціанскимъ изданіямъ греческаго

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. въ нашей статьѣ: „Кто виноватъ?“ Руков. для сельск. паст. № 49 и № 50 за 1885 г.

Евхологія и одобреннаго на большомъ Московскомъ соборѣ восточными патріархами и митрополитами, вызвало со стороны приверженцевъ „стараго обряда“, старыхъ богослужебныхъ книгъ, рѣзкій протестъ и нежеланіе принимать новый Служебникъ въ церковную практику. Протестъ этотъ перешелъ въ открытое возмущеніе противъ церковной и гражданской властей, породилъ внутреннюю политически-религіозную неурядицу, подавить которую потребовалось неимовѣрныхъ усилій и даже кровавыхъ жертвъ. Этого мало. Часть русскихъ людей и довольно многочисленная отдѣлилась совершенно отъ господствующей Церкви и образовало изъ себя „послѣдователей стараго обряда“ или раскольниковъ, которые, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ прежде, но остаются и доселѣ протестантами противъ нынѣшняго строя церковнаго и церковно-богослужебныхъ порядковъ. Это печальное въ исторіи нашей явленіе, хотя и не остановило начатаго книжнаго исправленія, продолжавшагося до самаго конца XVII столѣтія въ Москвѣ, а въ южной Руси даже и чрезъ все XVIII столѣтіе, но разъ навсегда заставило духовное правительство отказаться отъ подобнаго рода рѣшительныхъ переустройствъ въ области нашего богослуженія, новаго книжнаго исправленія, съ тѣмъ чтобы не возбуждать волненій и новыхъ протестовъ въ средѣ невѣжественныхъ народныхъ массъ, готовыхъ изъ-за буквы іоты идти въ огонь на костеръ. Русская Церковь въ силу этого съ конца XVII столѣтія до настоящаго времени остается при тѣхъ же самыхъ богослужебныхъ книгахъ, какія получила изъ рукъ патріарха Никона и его ближайшихъ преемниковъ.

Между тѣмъ богослужебная практика византійской Церкви продолжала идти въ своемъ развитіи дальше, успѣла выработать новыя богослужебныя особенности, нѣкоторые новые чины, цѣлыя службы въ честь святыхъ, празднуемыхъ и въ русской Церкви, и даже создала новый Типиконъ для приходскихъ церквей, отдѣливъ эти послѣднія отъ монастырей, имѣющихъ свои уставы, свои порядки, предоставивъ этимъ послѣднимъ пользо-

ваться своими Типиконами и держаться обычаевъ, выработанныхъ условіями самыхъ обителей и историческими причинами, воздѣйствовавшими и на мирную отшельническую жизнь подвижниковъ св. Аѳонской горы, Синайской и другихъ мѣстъ. Поэтому въ настоящее время внимательный наблюдатель, интересующійся состояніемъ богослуженія на востокѣ, можетъ видѣть одни обычаи и порядки въ киновіяхъ, штатныхъ монастыряхъ, скитахъ и келліяхъ св. Аѳонской горы и другіе въ церквахъ приходскихъ Константинополя, Аѳинъ, Солуни и другихъ городовъ. Для тѣхъ и другихъ обычаевъ и порядковъ въ области богослуженія есть важныя и вполнѣ уважительныя причины и основанія, оправдываемыя и содержимыми этими церквами и монастырями Уставами и условіями даннаго мѣста и времени. Такая разность богослужебной практики на востокѣ никого не удивляетъ, никого не соблазняетъ, а напротивъ всѣмъ кажется естественною и вполнѣ понятною, потому что, какъ выражается нынѣшній болгарскій Типиконъ, „во иныхъ бо обстоятельствахъ имутъ совершати молитву сущіи въ мирѣ и отрадѣ и благосостояніи, во иныхъ сущіи въ весѣхъ и градѣхъ, а во иныхъ сущіи въ пустыняхъ и въ путешествіяхъ и въ войнѣ, во иныхъ въ священныхъ обителехъ живущіи, а во иныхъ иже въ отшельничествѣ и молчальничествѣ ангельски подвизающіися“ [1]). Лучшіе представители строгихъ Аѳонскихъ обителей, какъ намъ приходилось не разъ говорить съ ними, оправдываютъ даже тѣ сокращенія и отступленія въ нынѣшней богослужебной практикѣ, которыя мы видѣли нерѣдко въ Константинопольскихъ церквахъ и которыя не оправдываются нынѣ дѣйствующимъ церковнымъ Уставомъ.

Повидимому, въ иныхъ условіяхъ находится современная богослужебная практика русской Церкви. Получивъ свой нынѣшній

[1]) Типик. церковный по чину Христовы великія Церкви, собран. Константиномъ Протопс. велик. церкв., перев. съ греческаго и приспособленъ къ славянск. книгамъ Неофитомъ іером. Рыльскимъ, учит. богословск. Халк. школы, изд. Г. К. Протопсалт. Констант. 1860 г., стр. 4.

Типиконъ въ 1682 году, исправленный и дополненный потомъ въ 1695 году окончательно, она неизмѣнно регулируется этимъ Уставомъ. Строгіе русскіе монастыри, лавры и скиты, соборные каѳедральные храмы и глухихъ деревушекъ церкви не знаютъ другаго Устава, кромѣ „Типикона, сирѣчь изображенія церковнаго послѣдованія въ Іерусалимѣ святыя лавры преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы. Тожде послѣдованіе бываетъ и въ прочихъ въ Іерусалимѣ честныхъ обителехъ: подобнѣ и въ прочихъ святыхъ Божіихъ церквахъ“[1]). Судя по этому, можно было бы думать, что наша богослужебная практика въ своемъ развитіи остановилась, застыла въ выработанныхъ у насъ формахъ еще въ XVII столѣтіи и никакимъ новымъ осложненіямъ или вліяніямъ совнѣ не подвергается. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не такъ. Связь съ византійскою восточною Церковью, разорванная de jure, на самомъ дѣлѣ продолжаетъ неослабно держаться и до настоящаго времени, и русская Церковь негласно принимаетъ живое участіе въ поступательномъ движеніи богослужебной практики византійской Церкви. Это участіе выражается въ воздѣйствіи практики восточно-византійской Церкви на русскую съ одной стороны и въ принятіи послѣдней въ свою богослужебную практику обрядовъ, обычаевъ и службъ выработанныхъ на востокѣ въ позднѣйшее время съ другой. Правда, многіе объ этомъ воздѣйствіи или о связи современной нашей богослужебной практики съ восточною и не подозрѣваютъ, считая существующіе нынѣ обычаи въ ней за неписанное преданіе старины глубокой, но кто изучалъ, или, по крайней мѣрѣ, внимательно присматривался къ богослужебной практикѣ восточныхъ церквей нашего времени и хотя мелькомъ заглянулъ въ богослужебныя нынѣшнія книги ихъ, тотъ не можетъ отрицать этой живой, исторически сложившейся связи, разорвать которую было бы величайшею несправедливостію и грубымъ насиліемъ.

---

[1]) Типик. изд. Кіев. 1824 г.

Принятые съ востока богослужебные обряды и обычаи, входя въ современную нашу богослужебную практику, какъ мы сказали, прочно засѣдаютъ въ ней и иногда производятъ нѣкотораго рода разладъ съ обычаями и обрядами, содержащимися въ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгахъ, ставятъ въ недоумѣніе нашихъ пастырей особенно молодыхъ и вызываютъ къ разрѣшенію этихъ недоумѣній нашихъ архипастырей. Чтобы не ходить далеко за примѣрами укажемъ на множество обычаевъ въ современной богослужебной практикѣ въ Страстной седмицѣ. Всѣмъ хорошо извѣстны трогательный и умилительный обрядъ выноса Плащаницы на вечернѣ въ Великую пятницу, обнесеніе ея кругомъ храма на утрени въ субботу, чтеніе на разныхъ языкахъ Евангелія на литургіи Пасхи и другіе обычаи, а между тѣмъ всѣ эти обряды и обычаи въ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгахъ не содержатся, перешли къ намъ изъ современной греческой практики [1]) и совершаются у насъ не всегда и не вездѣ одинаково [2]). Совершаясь изъ года въ годъ, многіе изъ этихъ обрядовъ и обычаевъ еще не производятъ особенныхъ осложненій въ нашей современной богослужебной практикѣ, но тѣ изъ нихъ, которые повторяются чрезъ десятки лѣтъ, тѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ не вызывать на вопросы и недоумѣнія. Таковъ, наприм. обычай выносить Плащаницу въ Великую пятницу, если въ этотъ день случится праздникъ Благовѣщенія. Первый обычай, принятый,

---

[1]) Типик. ркп., хранящійся въ храмѣ Иверскаго Аѳонскаго монастыря, списанный въ 1878 г. архимандритами этого монастыря Иларіономъ и Аѳанасіемъ съ Діонисіатскаго Устава 1624 года, глав. 44, стр. 101; Τυπικὸν ἐκκλησιαστ. ἐν Ἀθην. 1885 г., стр. 210.

[2]) См. наши статьи: „Выносъ Плащаницы на вечернѣ въ Великій пятокъ“, „Выносъ Плащаницы и Евангелія на утрени въ Великую субботу и хожденіе съ ними кругомъ храма“, „Чтеніе Евангелія въ первый день Пасхи на разныхъ языкахъ и обряды сопровождающіе это чтеніе“. Руков. для сельск. паст. 1885 г. №№ 9, 10, 13.

какъ мы сказали съ востока, въ соединеніи со вторымъ не имѣетъ мѣста въ современной практикѣ греческой Церкви[1]), но у насъ онъ существуетъ какъ необходимость въ виду того, что въ современномъ намъ Типиконѣ имѣется на подобный случай особая, такъ называемая, Марковая глава, и подобное стеченіе службъ является дѣломъ возможнымъ[2]). Поэтому, что въ первомъ случаѣ, когда выносъ Плащаницы совершается на вечерни въ обыкновенную Великую пятницу, является дѣломъ простымъ и естественнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, то во второмъ, когда выносъ совершается въ пятницу Благовѣщенскую, когда вечерня соединяется съ литургіею, когда, наконецъ, самый моментъ, на который практика и Уставъ великой Церкви указываютъ выносъ Плащаницы, оставляется нашимъ Уставомъ, т. е. стихиры на стиховнѣ, тропарь „Благообразный Іосифъ“ послѣ „Нынѣ отпущаеши“ и Трисвятаго не поются[3]), являются сами собою вопросы: какъ же совершать этотъ выносъ Плащаницы и въ какое время? Рѣшеніе этихъ вопросовъ создало цѣлую литературу[4]), породило нѣсколько самыхъ разнорѣчивыхъ распоря-

---

[1]) Εἰ τύχοι ὁ εὐαγγελισμὸς τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ παρασκευῇ ἢ τῷ μεγάλῳ σαββάτῳ, говоритъ Типиконъ великой Церкви, μετατίθεται καὶ ψάλλεται τὴν ἰδίαν ἡμέραν τοῦ πάσχα, т. е. если случится Благовѣщеніе во святую и великую пятницу или великую субботу, то служба празднику оставляется и поется въ самый день Пасхи. Въ примѣчаніи даже объясняетъ Типиконъ и причины подобнаго перенесенія (Τοπικ. ἐκκλησ. 1885 ἐτ. ἐν. Ἀθην. σελ. 131 σημ. α). Что же касается аѳонской практики, то тамъ не бываетъ подобнаго перенесенія праздника Благовѣщенія на Пасху, но и не существуетъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются въ нашей практикѣ (Τοπικ. ркп. 1878 г. Иверск. монаст. стр. 130).

[2]) Типик. 1824 г. Кіев. изд. л. 244.

[3]) Ibid. л. 245.

[4]) Литов. епарх. вѣд. 1877 г. № 9; Изв. по Казан. епарх. 1877 г. № 1, № 3; Моск. епарх. вѣд. 1870 г. № 14; Астр. епарх. вѣд. 1877 г.

женій епархіальной власти [1]), сдѣлало извѣстнымъ нѣсколько практикъ относительно настоящаго случая и вызвало появленіе въ свѣтъ спеціальнаго указа Правительствующаго Синода 1855 года [2]), который почему-то имѣетъ малое значеніе въ дѣлѣ уригулированія нашей практики относительно даннаго случая [3]). Указанные нами примѣры ясно говорятъ за то, что богослужебную практику нельзя остановить въ своемъ развитіи, отлить въ разъ навсегда опредѣленно выработанныя формы, потому что практика находится въ полной зависимости относительно своего развитія отъ развитія и жизни самой Церкви или общества людей ея составляющихъ, потребностямъ котораго эта практика служитъ. Развиваясь и осложняясь въ своемъ постепенномъ теченіи, наша практика, по издавна установившейся связи русской Церкви съ Церковью восточною, заимствовала и заимствуетъ оттуда и доселѣ готовыя выработанныя формы, обряды и обычаи, и свои собственные мѣстные обычаи и обряды оцѣниваетъ большею частію, какъ по маштабу, согласіемъ или сходствомъ ихъ съ практикою Церкви греческой. Если присмотримся внимательно къ оффиціальнымъ распоряженіямъ нашего Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ относительно нашей богослужебной практики, то мы здѣсь увидимъ то же самое, т. е. съ одной стороны отзывчивость нашей богослужебной практики, вопреки мертвой буквѣ нашихъ современныхъ

№ 10; Ярослав. епарх. вѣд. 1877 г. № 2; Таврич. епарх. вѣд. 1877 г. № 4; Мин. епарх. вѣд. 1877 г. № 2; Рязан. епарх. вѣд. 1877 г. № 14; Харьков. епарх. вѣд. 1877 г. стр. 168; Смол. епарх. вѣд. 1877 г. № 4; Самар. епарх. вѣд. 1877 г. № 5; Тамб. епарх. вѣд. 1877 г. № 5; Тульск. епарх. вѣд. 1877 г. № 4.

[1]) См. нашу статью „Выносъ Плащаницы на вечернѣ въ Великій пятокъ“ Руков. для сельск. паст. 1885 г. № 9, стр. 252—259.

[2]) Никольск. свящ. Пособ. къ изучен. Устава богосл. Прав. Церкви. Спб. 1874 г., изд. 3-е, стр. 604.

[3]) См. цитату изъ епархіальныхъ вѣдомостей разныхъ епархій.

богослужебныхъ книгъ, на нужды и потребности даннаго времени, а съ другой большею частію негласное указаніе на зависимость новыхъ богослужебныхъ обрядовъ и обычаевъ отъ восточной греческой практики. Въ силу этого можно наблюдать весьма характерное и любопытное явленіе въ нашей современной церковной жизни, а именно то, что наша богослужебная практика иногда стоитъ внѣ всякой зависимости отъ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгъ, и регуляторъ нашего богослуженія—церковный Типиконъ (Уставъ) въ подобныхъ случаяхъ не только не оказываетъ своего авторитетнаго вліянія на нее, а напротивъ самъ становится въ полную зависимость отъ богослужебной практики и какъ бы совершенно стушевывается передъ нею, порождая вышеуказанныя затрудненія и вызывая недоумѣнія со стороны нашихъ пастырей и даже архипастырей. Въ виду всего нами изложеннаго мы находимъ не только интереснымъ, но и весьма полезнымъ и важнымъ для нашихъ пастырей, какъ людей болѣе всего заинтересованныхъ въ вопросахъ современной богослужебной практики, за что говорятъ и многочисленные вопросы, предлагаемые редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ со стороны ихъ по вопросамъ этой практики, познакомить ихъ съ состояніемъ богослуженія на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, какъ представителяхъ богослужебной практики въ приходскихъ церквахъ и въ строгихъ подвижническихъ монастыряхъ и скитахъ. Собранныя нами свѣдѣнія и замѣтки о богослуженіи церквей восточныхъ и изложенныя нами въ извѣстной системѣ дадутъ нашимъ пастырямъ возможность уяснить себѣ состояніе современнаго богослуженія на востокѣ и его отношеніе къ нашему современному богослуженію, неожиданно для нихъ самихъ просто и категорически объяснятъ и рѣшатъ многіе интересующіе ихъ вопросы изъ нашей современной богослужебной практики и, наконецъ, дадутъ отвѣтъ многимъ изъ русскихъ людей, неоднократно предлагавшимъ и намъ лично вопросъ: почему или какимъ образомъ въ русскихъ обителяхъ Аѳона богослуженіе продолжается „въ непрерывномъ порядкѣ“

до семнадцати часовъ[1]), когда эти обители руководятся Типикономъ, напечатаннымъ въ Москвѣ.

Свѣдѣнія и замѣчанія, касающіяся богослуженія современнаго христіанскаго востока, добыты нами отчасти путемъ нашего личнаго наблюденія и изученія его, во время поѣздки нашей на востокъ въ минувшее (1886 г.) лѣто, отчасти путемъ бесѣдъ и разспросовъ объ особенностяхъ этой практики у людей заинтересованныхъ этими особенностями на самомъ востокѣ[2]), а отчасти, наконецъ, путемъ нашего знакомства съ современными богослужебными книгами, употребляемыми въ практикѣ Константинополя и Аѳона и сдѣлавшимися намъ извѣстными большею частію тоже во время этого путешествія. Конечно, мы не будемъ вдаваться во всѣ тонкости разностей восточнаго богослуженія отъ нашего, такъ какъ это потребовало бы и много времени и не мало труда съ нашей стороны, да и не имѣло бы практическаго значенія для нашихъ читателей, что мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ, а сообщимъ лишь интереснѣйшія и важнѣйшія особенности, которыми восточное богослуженіе отличается отъ нашего современнаго. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ самому изложенію особенностей богослужебной практики Аѳона и Константинополя считаемъ настоятельно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ уставахъ или типиконахъ, которыми руководятся та и дру-

---

[1]) Русск. мон. св. великомуч. Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской изд. 7-е, Москв. 1886 г., стр. 115.

[2]) Въ этомъ случаѣ намъ неоцѣненную услугу оказалъ іеромонахъ Русскаго Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Мина, человѣкъ весьма заинтересованный подобными вопросами и даже для памяти ведущій у себя записи особенностямъ богослужебной практики въ своемъ монастырѣ При содѣйствіи глубокочтимаго библіотекаря Руссиковскаго монастыря о Матвѣя, о. Мина для насъ сдѣлалъ выдержки изъ своихъ записей относительно тѣхъ дней годичнаго богослуженія, которые не могли быть предметомъ нашего личнаго наблюденія. Въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать упомянутымъ отцамъ незабвенной Аѳонской обители глубокую благодарность.

гая практика, объяснить ихъ происхожденіе, историческую судьбу и сдѣлать сжатую характеристику того и другаго Типикона по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время. Прибавимъ къ этому краткія свѣдѣнія о современномъ греческомъ Евхологіѣ, какъ руководящей книгѣ пастырей во время богослуженія и дополняющей порядокъ службъ, находящихся въ Типиконѣ, и объ устройствѣ храмовъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ нынѣ, чтобы самыя особенности современной богослужебной практики востока были для насъ болѣе удобопонятны и осмысленны.

А. Святогорскій (аѳонскій) Типиконъ.

Повидимому, естественно думать, что богослуженіе аѳонскихъ монастырей и скитовъ находится въ полной зависимости отъ Типикона, который имѣетъ то же самое надписаніе, какъ и нашъ современный Типиконъ, почти болѣе половины составленный на основаніи Типикона греческой Церкви [1]). Мы говоримъ о печатномъ греческомъ Типиконѣ, носящемъ такое заглавіе: Τυπικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας τῆς ἐν ἱεροσολύμοις ἁγίας λαύρας τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σάββα. Αὕτη δὲ ἡ ἀκολουθία γίνεται καὶ ἐν ταῖς λοιπαῖς τῶν ἐν ἱεροσολύμοις μονῶν, ἔτι δὲ καὶ ἐν ταῖς κατὰ τόπον ἁγίαις τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίαις [2]), первое изданіе котораго явилось въ свѣтъ въ 1545 году, 4-го января [3]), въ Венеціи, изъ типографіи

---

[1]) И. Д. Мансветовъ. Церковный Уставъ (Типикъ) его образованіе и судьба въ греч. Церкви. М. 1885 г. стр. 324—356.

[2]) См. Τυπικ. edit. Venet. 1545 an.

[3]) Профессоръ Мансветовъ напрасно считаетъ Типиконъ 1577 года за „первое печатное изданіе греческаго Устава“ (Церк. Устав. стр. 249), потому что первое изданіе его въ собственномъ смыслѣ было сдѣлано именно въ 1545 году. Греческій Типиконъ этого изданія мы видѣли въ библіотекѣ Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго въ единственномъ экземплярѣ, но, по указанію архимандрита іерусалимской миссіи Антонина (замѣтк. поклонника св. горы. Кіев. 1864 г. стр. 170), Типиконъ этого изданія въ двухъ экзем-

родныхъ братьевъ Іоанна Антонія и Петра Савьеновъ, съ предисловіемъ Андроника Нукія Керкирскаго. Настоящее предположеніе, повидимому, имѣетъ за собою то еще основаніе, что Типиконъ этотъ первыми его издателями назначался къ „общей пользѣ“ (εἰς κοινὴν ὠφελείαν) „для желающихъ жить православно“, желающихъ знать, „когда вкушать мяса и безкровныхъ рыбъ и когда нѣтъ, когда проводить дни праздничные и когда постовые, когда совершать всенощныя бдѣнія и славословія и когда нѣтъ“ [1]). Не личныя наши наблюденія, во время путешествія по Аѳону, пока-

плярахъ хранится въ настоящее время въ библіотекѣ Аѳонскаго Филоѳеевскаго монастыря. Такъ какъ объ этомъ первенцѣ венеціанской печати церковныхъ Уставовъ въ библіографіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній, то мы считаемъ необходимымъ сообщить нѣсколько небезъинтересныхъ данныхъ. Надписывается этотъ Типиконъ на выходномъ листѣ такъ: Τυπικὸν καὶ τὰ ἀπόρρητα, каковое надписаніе въ послѣдующихъ изданіяхъ его уже не существуетъ. Здѣсь же имѣется щитъ съ изображеніемъ куницы (κουνάδιον) и надпись по бокамъ щита: Ἀνδρέου Κουνάδου. Внизу итальянская подпись: Con privilegio dello illustrissimo senato Veneto, che per anni dieci niuno ardisca presente opera graeca inti tolata Typicon, stampare, ne far staparе, ne stampata vendere in tuttii luoghi del suo Dominio, sotto le pene in esso privilegio contenute, come amplamente nel perefato appare. На послѣднемъ листѣ по срединѣ: Ἅπαντά ἐστι τετράδια πλὴν σου ρ΄, ὅπερ ἐστὶ δυάδιον и цыфровый счетъ тетрадей, указывающій на то, что это именно первопечатный Типиконъ, не имѣющій, между прочимъ, даже и счета по листамъ, какъ это дѣлалось въ послѣдующихъ изданіяхъ. Внизу: Ἐνετίησιν, ἐν οἰκίᾳ Ἰωάννου Ἀντωνίου καὶ Πέτρου τῶν Σαβιένων καὶ αὐταδέλφων, αφμε (ἔτει) Ἰαννουαρίῳ δ. Составъ Типикона немногимъ отличается отъ изданія 1577 года. Въ дисциплинарной части не достаетъ 2 и 4 статей противъ Типикона 1577 года. Пасхалія τοῦ ὀγδόου αἰῶνος принадлежитъ Василію Валерианду Керкирскому (πονηθέντα παρὰ Βασιλείου Βαλερίδος τοῦ Κερκυραίου), начинается 1545 годомъ, а оканчивается 1604 годомъ. Остальныя статьи этого Типикона, и по расположенію и по тексту, включая сюда даже и предисловіе Андроника Нукія Керкирскаго, почти цѣликомъ повторены въ изданіи 1577 года (И. Мансв. О церковн. Уставѣ стр. 252—257).

[1]) Τυπικ. edit. Venet. 1545 an. fol. 2.

дали намъ съ наглядною убѣдительностію, что этотъ Типиконъ не только не имѣетъ никакого вліянія на практику аѳонскихъ обителей, а напротивъ даже считается типикарями извѣстныхъ монастырей св. горы не стоющимъ никакого вниманія. Τοῦτο Τυπικὸν δὲν εἶναι καλόν, отвѣчали обыкновенно типикари, когда мы спрашивали ихъ о причинахъ неуваженія къ печатному Типикону св. Саввы Освященнаго. Поэтому большинство святогорскихъ типикарей и доселѣ пользуются въ богослужебной практикѣ рукописными Типиконами іерусалимской редакціи XV и XVI вѣковъ. Подобные Типиконы мы видѣли въ Лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго [1])

[1]) Рукописный Типиконъ Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго въ большой листъ, 159 листовъ, писанъ въ два столбца четкимъ почеркомъ XV—XVI столѣтія. Обложкой этого Типикона служитъ отрывокъ изъ пергаментной рукописи XI—XII в. Въ первой части (л. 1—11) содержатся замѣчанія общаго характера: относительно суточнаго богослуженія въ обыкновенные дни и постовые, въ киновіяхъ и келліяхъ, о канонархѣ, о пѣніи Богородичнаго канона вечеромъ на повечеріяхъ съ раздаяніемъ воды братіямъ, о кажденіи, о пѣніи каноновъ воскресныхъ съ минеею, о времени совершенія литургіи Василія Великаго, о чтеніи Евангелій на литургіи и толкованіяхъ на Евангелія и о другихъ чтеніяхъ на утрени, о будителѣ, о чтеніи утреннихъ Евангелій отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ и о кажденіи священника. Каждая изъ этихъ статей носитъ особое заглавіе. Во второй части (л. 11—78) излагаются особенности службъ по Мѣсяцеслову, при чемъ это изложеніе прерывается на л. 56 вставкою статей: о чтеніи утреннихъ Евангелій отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ и о кажденіи священника. За второю частію помѣщены въ безпорядкѣ слѣдующія статьи: служба въ недѣлю мытаря и фарисея (л. 78 об.), суточная служба въ постъ апостоловъ Петра и Павла (л. 77), о сохраненіи со всякимъ вниманіемъ предписаній Типикона (л. 77 об.), прокимны и аллилуаріи на разные случаи, стихи во время пѣнія „Богъ Господь“, свѣтильны Октоиха и молитва надъ всякимъ плодомъ (л. 80). Въ третьей части (л. 81—103) 86 Марковыхъ главъ, тропари на Рождество Христово и Богоявленіе послѣ Евангелія, чинъ надъ тѣстомъ, отпустительные тропари Октоиха, сѣдальны Ангелу хранителю съ молитвою ему, тропари и кондаки Богородицѣ изъ Октоиха, тропари и кондаки на различные случаи, извлеченіе изъ каноническихъ постановленій митрополита Диррахійскаго Кавасилы, снова статья о соблюденіи со всякимъ внима-

и въ Пандократорѣ [1]). Въ монастыряхъ Иверскомъ [2]) и Русикѣ [3]) (въ греческомъ соборѣ) руководятся Типиконами, списанными съ Типикона монастыря Аѳоно-Діонисіатскаго [4]), кото-

---

ніемъ предписаній Устава, и всѣ тѣ статьи, которыя встрѣчались раньше (отъ л. 77 до 80). Въ составъ же третьей части должны войдти особенности службъ по Тріоди Постной и Цвѣтной (л. 107—136), снова Марковыя главы и въ томъ же количествѣ (л. 137) и всѣ тѣ статьи, которыя мы видѣли на л.л. 99—102. Помимо своего состава, текстъ этого Типикона значительно разнится отъ печатнаго венеціанскаго и не всегда объ одномъ и томъ же предметѣ говоритъ одинаково и послѣдовательно.

[1]) Церковный Типиконъ этого монастыря, рукопись въ четвертку, 300 листовъ, писанъ мелкою убористою скорописью XV вѣка. На концѣ рукописи имѣется такая подпись: Τυπικὸν μονῆς τοῦ Παντοκράτορος καὶ Σωτῆρος Χριστοῦ τὴν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἄθωνος. Въ первой его части (л. 1—21) заключены тѣ же статьи, что и въ Типиконѣ Лавры св. Аѳанасія, съ особымъ заглавіемъ надъ каждой статьей; во второй (л. 22—162) — особенности службъ по Мѣсяцеслову, и въ третьей (л. 191 об.—236) особенности службъ по Тріодямъ. Къ этой части прибавлены статьи: о сохраненіи со всякимъ вниманіемъ предписаній Типикона и всѣ тѣ статьи вмѣстѣ съ 86 Марковыми главами, которыя мы видѣли въ церковномъ Типиконѣ Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго. Текстъ первой части этого Типикона буквально сходенъ съ лаврскимъ, но въ остальныхъ частяхъ значительно разнится отъ него. Типиконъ этотъ играетъ видную роль въ исторіи греческаго Типикона: онъ, по просьбѣ вселенскаго патріарха Іоакима III, былъ списанъ для него типикаремъ этого монастыря Агатономъ, когда патріархъ задумалъ начать исправленіе Устава великой Церкви (грам. къ типикарю Пандократора о. Агатону отъ 1881 г. 19 мая за № 2344).

[2]) Объ этомъ Типиконѣ выше мы будемъ говорить подробнѣе, а здѣсь лишь скажемъ, что эта рукопись въ листъ, 137 листовъ, и написана четкою скорописью въ 1878 году трудами архимандритовъ Иверскаго монастыря Иларіона и Аѳанасія.

[3]) Типиконъ рукописный Русика писанъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія четкимъ красивымъ почеркомъ на полулистѣ, 558 листовъ, и имѣетъ весьма много интереснѣйшихъ примѣчаній. Составъ его и происхожденіе мы кратко объяснимъ выше.

[4]) Монастырь основанъ трапезундскимъ царемъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1118 г., по просьбѣ здѣсь подвизавшагося Діонисія, отъ имени кото-

рый имѣетъ большое вліяніе на богослужебную практику Аѳона за свою древность, и списки котораго, какъ намъ сообщали, находятся во многихъ обителяхъ св. горы. Долголѣтній обитатель святой Аѳонской горы, хорошо, знакомый съ строемъ жизни и богослужебныхъ порядковъ монастырей и скитовъ ея, извѣстный Никодимъ святогорецъ въ своемъ сочиненіи „Ὁμολογία πίστεως“ говоритъ, что на Аѳонѣ въ дѣйствующей богослужебной практики находятся многіе и другіе Уставы[1]), кромѣ указанныхъ нами. Поэтому нынѣ на Аѳонѣ можно наблюдать чрезвычайно разнообразные богослужебные порядки, обусловливаемые и содержимымъ тою или другою обителію Уставомъ и тѣми богослужебными книгами, которыя вызываетъ къ жизни современный дѣйствующій Уставъ. Само собою понятно, что, имѣя у себя особенные, отличные отъ печатнаго Типикона въ Венеціи Уставы, обители св. горы не могутъ пользоваться и печатными Минеями и даже Тріодями, которыя принаровлены и приспособлены лишь къ печатному венеціанскому Уставу. Въ силу этого въ большинствѣ аѳонскихъ обителей употребляются въ богослужебной практикѣ рукописныя Минеи, Тріоди и другія богослужебныя книги, которыя, расходясь съ венеціанскимъ Типикономъ, принаровлены или къ рукописному Уставу, содержимому въ данной обители, или къ мѣстнымъ порядкамъ, переходящимъ по преданію отъ одного типикаря (τυπικάριος) къ другому. Отсюда на востокѣ и особенно на Аѳонѣ играютъ не маловажную роль въ дѣлѣ урегулированія или направленія богослужебной практики типикари и типикарницы, какъ хранители—первые богослужебныхъ порядковъ и обычаевъ,

---

раго получилъ названіе и монастырь, роднаго брата трапезундскаго архіерея Ѳеодосія (Путеш. по св. мѣст. въ Европѣ, Азіи и Африкѣ въ 1723—1747 г. В. Григор. Барск. Спб. 1778 г. стр. 725). Монастырь этотъ находится на западной сторонѣ св. Аѳонской горы.

[1]) Мансвет. О церковн. Уставѣ стр. 227, прим. 1. Здѣсь въ примѣчаніи перечислены всѣ Типиконы, о существованіи которыхъ на Аѳонѣ зналъ въ свое время святогорецъ Никодимъ.

содержимыхъ тою или иною обителію, а другія тѣхъ богослужебныхъ книгъ и Уставовъ, которые необходимы для отправленія богослуженія въ этихъ обителяхъ. Типикарь не только свѣдующій человѣкъ въ Уставѣ, хорошо знакомый съ мѣстными обрядами и особенностями богослуженія данной обители, что онъ пріобрѣтаетъ въ самой обители большею частію путемъ долголѣтней практики, но и поставщикъ богослужебныхъ книгъ, нерѣдко писатель ихъ, когда необходимо имѣть въ практикѣ ту или иную богослужебную книгу, хроникеръ, отмѣчающій въ своихъ записяхъ всѣ особенности богослужебной практики своей обители, или записывающій обычаи другихъ монастырей [1]), изъ которыхъ потомъ создаются какъ бы сокращенные Типиконы и, наконецъ, библіотекарь своей типикарницы, въ которой иногда, помимо богослужебныхъ книгъ, имѣющихъ значеніе въ дѣйствующей практикѣ, находятся весьма цѣнныя богослужебныя рукописи: Уставы, Тріоди, Минеи [2]) и другія книги. Поэтому типикарь пользуется уваженіемъ на востокѣ наравнѣ съ вліятельнѣйшими старцами обители, особенно если къ тому же типикарь человѣкъ и почтенныхъ лѣтъ по возрасту. Особенную же силу и значеніе типикари пріобрѣтаютъ на Аѳонѣ, въ такъ называемыхъ, „штатныхъ монастыряхъ“, гдѣ, при соборномъ управленіи десяти старцевъ (γέροντα) или проестосовъ (προεστῶς), власть первенствующаго проестоса весьма часто переходитъ отъ одного лица къ другому, гдѣ нѣтъ никакой возможности предстоятелю изучить всѣ порядки и обычаи своей обители въ короткое время и гдѣ, слѣдовательно, типикарь стоитъ

---

[1]) Подобныя записи мы видѣли у типикарей Лавры св. Аѳанасія и въ монастырѣ Пандократорскомъ. Первый изъ нихъ любезно предложилъ намъ свои записи даже въ наше личное распоряженіе. Съ этими записями мы познакомимъ читателей въ своихъ настоящихъ замѣткахъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Особенною славою, какъ хранительница древнихъ богослужебныхъ рукописей, пользуется на Аѳонѣ типикарница Ватопедскаго монастыря, но съ нею мы лично, по недостатку времени, не успѣли познакомиться въ настоящую свою п е р в у ю поѣздку на Аѳонъ.

внѣ всякаго почти контроля со стороны геронта и распоряжается своими полномочіями единолично. Гораздо ограниченнѣе значеніе типикаря въ киновіяхъ, гдѣ онъ исполнитель приказаній игумена, пользующагося полномочіями, которыя предоставляетъ ему Типиконъ (аще изволитъ настоятель), въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но и здѣсь онъ почетное лицо въ монастырѣ и, можно сказать, первое при самомъ актѣ богослуженія. Нѣкоторые типикари за свою опытность и знаніе церковнаго Устава и богослужебныхъ порядковъ сферу своего вліянія на богослужебную практику значительно разширяютъ и выносятъ за предѣлы своего монастыря и даже далеко за черту св. Аѳонской горы [1]). Но какъ бы ни было

---

[1]) Такою славою извѣстнаго знатока церковнаго Устава пользовался на Аѳонѣ и даже въ Константинополѣ монахъ Пандократорскаго монастыря о. Агатонъ, 80-лѣтній старецъ, скончавшійся въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1886 года. Съ этимъ типикаремъ мы познакомились лично въ бытность нашу въ Пандократорѣ въ концѣ августа (22—25 ч.) 1886 года, т. е. за нѣсколько дней до его смерти, и убѣдились изъ разговоровъ въ его обширныхъ познаніяхъ церковнаго Устава и богослужебной аѳонской практики даже и въ это время, не смотря на то, что почтенная цыфра лѣтъ, оказавшая не незамѣтное вліяніе на память старца и его предсмертный недугъ, только что начавшійся въ ту пору, въ значительной степени помѣшали намъ извѣдать всю глубину его познаній и многоопытности. На сколько о. Агатонъ пользовался извѣстностію на востокѣ, это съ очевидностію, между прочимъ, видно изъ тѣхъ грамотъ патріарха Іоакима III, когда онъ задумалъ начать исправленіе Типикона, которыя были адресованы на имя этого старца и которыя были имъ любезно предоставлены въ наше распоряженіе. Въ первой изъ этихъ грамотъ, указывая на побужденія, заставившія предпринять исправленіе Типикона великой Церкви, патріархъ проситъ прислать ему, какъ можно скорѣе, (ὅσον τάχιον) списокъ (ἀντίγραφον) Типикона, которымъ пользуются на Аѳонѣ, для дополненія своего Типикона новыми послѣдованіями и присоединить къ сему свой „опытъ и стараніе“ (πεῖρας καὶ μελέτης) для скорѣйшаго исполненія порученія (грам. отъ 15 октября 1880 г. за № 5346). Во второй грамотѣ отъ 1 декабря 1880 г. на него возлагается обязанность вмѣстѣ съ старцемъ архимандритомъ Ватопедскаго монастыря Варѳоломеемъ, какъ бы отъ лица Церкви (ὡς

велико значеніе игумена въ дѣлѣ урегулированія богослужебной практики, какъ бы ни былъ опытенъ и многосвѣдущъ типикарь, заправляющій богослуженіемъ въ храмѣ, ни тотъ, ни другой не простираютъ своихъ полномочій до того, чтобы свое „я“ ставить мѣриломъ и оцѣнкою существующаго богослужебнаго строя въ обители. Тотъ и другой ставятъ самихъ себя въ зависимость отъ Типикона, который принятъ въ обители, будетъ ли то рукопись древнѣйшаго времени, или записи позднѣйшія, составленныя типикарями и одобренныя старцами; съ нимъ они свѣряются, приготовляясь къ богослуженію, и нерѣдко просматриваютъ его въ моментъ самой службы.

Руководясь въ богослуженіи рукописными Типиконами древнѣйшаго времени іерусалимской редакціи, монастыри св. Аѳонской горы въ то же самое время не оставляютъ обычаевъ и порядковъ, выработанныхъ условіями этой горы и положеніемъ самыхъ монастырей на ней. Лучше сказать, монастыри Аѳона весьма часто въ дѣлѣ урегулированія своей богослужебной практики прибѣгаютъ къ такъ называемому святогорскому Типикону, который соединилъ въ себѣ порядки іерусалимскаго Устава съ мѣстными аѳонскими обычаями и строемъ жизни отшельниковъ святогорцевъ. Весьма часто упомянутыя нами выше записи богослужебныхъ порядковъ, сдѣланныя типикарями, суть ничто иное какъ обшир-

---

ἐκ προσώπου τῆς ἐκκλησίας), обойти всѣ скиты и келліи и развѣдать о томъ, какимъ образомъ относятся къ этому благому дѣлу старцы обителей и готовы ли они оказать при семъ свое содѣйствіе (№ 6212). 10 января 1881 г. ему съ сотрудникомъ для успѣшнаго исполненія возложеннаго порученія посылается особенная грамота (№ 93). Порученіе святѣйшаго патріарха было исполнено въ точности (см. грам. 19 мая 1881 г. № 2344) и за свои труды о. Агатонъ получилъ почетное титло „великаго екклисіарха“ (μεγάλου ἐκκλησιάρχου) (грам. 13 мая 1882 г. № 2304), каковое титло о. Агатонъ, чуждый во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мірской суеты и желанія къ занятію почетныхъ мѣстъ въ своей обители, носилъ не безъ гордости до самой своей мирной кончины.

ныя или краткія извлеченія изъ святогорскаго Типика, списанныя ими или съ древнѣйшихъ списковъ этого Устава, или же составленныя въ самомъ монастырѣ на основаніи существующей богослужебной практики, ведущей свое начало изъ глубокой древности.

Время происхожденія святогорскаго Устава можно относить къ глубокой древности. Монашество на Аѳонѣ процвѣтало далеко раньше[1]) прихода на св. гору (въ 960 г.) знаменитаго основателя извѣстной на Аѳонѣ лавры св. Аѳанасія, который здѣсь уже нашелъ „уставы, какъ письменно изложенные, такъ и неписанно преданные“ (οἱ τε ἐγγράφως ἐκτεθέντες καὶ ἀγράφως παραδοθέντες) и по частямъ (μερικῶς) передалъ основанной имъ лаврѣ[2]). Для той же обители онъ потомъ написалъ спеціальный Уставъ въ видѣ завѣщанія подъ названіемъ: Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου[3]), который, по своимъ особенностямъ и по тексту изложенія, стоитъ на столько близко къ Ὑποτύπωσις σὺν Θεῷ καταστάσεως τῆς εὐαγεστάτης μονῆς τῶν Στουδίου[4]), что легко можетъ

[1]) Порфир. Успенск. Истор. Аѳона ч. III, Кіев. 1877 г., стр. 7 и дал.

[2]) Рук. Иверск. мон. περὶ τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν ὑβήρων к. т. λ. № 754 (228).

[3]) Ibid. Русскій переводъ этого завѣщанія съ неисправной рукописи, съ значительными пропусками противъ подлинника, напечатанъ архимандритомъ Антониномъ въ его „Замѣткахъ поклонника св. горы“. Въ настоящее время это завѣщаніе въ лаврѣ св. Аѳанасія не имѣетъ никакого значенія въ практикѣ. Обитатели лавры большею частію знаютъ лишь по слухамъ о немъ, но не видѣли и не знаютъ его содержанія. На нашу просьбу показать автографъ завѣщанія св. Аѳанасія мы получили рѣшительный отказъ. Главный проестосъ и нѣкоторые старцы прямо заявили, что такого завѣщанія они не знаютъ и о нахожденіи его въ ихъ лаврѣ ничего не слыхали. Объяснять отказъ старцевъ не берусь, но завѣщаніе св. Аѳанасія хранилось въ лаврѣ долго и его видѣлъ здѣсь покойный епископъ Порфирій во время перваго своего путешествія по Аѳону и даже сдѣлалъ изъ него въ переводѣ на русскій языкъ небольшую выдержку (Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скиты. Кіев. 1877 г., ч. I, стр. 185, 187).

[4]) Списокъ этотъ Ὑποτύπωσις-а напечатанъ у Миня въ его Patrol. Curs. Complet. t. 99, pag. 1704, а русскій переводъ въ „Исторіи Рус-

быть принятъ за передѣлку этого послѣдняго, съ сокращеніями въ текстѣ и незначительными измѣненіями примѣнительно къ обы-

---

ской Церкви" Е. Голубинскаго. М. 1881 г., т. I, пол. II, стр. 671, примѣчанія, и довольно обстоятельныя къ нему, находятся въ книгѣ проф. Мансветова „О церковномъ Уставѣ" стр. 112—116, примѣчанія. Въ своихъ статьяхъ „Богослуженіе въ Русской Церкви въ первые пять вѣковъ" мы напечатали пасхальную службу изъ этого Ὑποτύποσις-а, извлеченную изъ рукописи М. Синод. библ. № 456, л. 141, съ варіантами, заимствованными у Миня (Прав. Собесѣдн. 1882 г., кн. 1, стр. 269). Въ настоящее время мы располагаемъ новымъ полнымъ спискомъ Ὑποτύποσις-а, открытаго нами въ рукописи 1298 г. М. Синод. библ. № 456 и въ бомбицинной рукописи XIII—XIV в. Аѳонской Ватопедской библіотеки № 323 (133). Какъ напечатанный нами отрывокъ, такъ и вновь открытый полный списокъ Ὑποτύποσις-а значительно разнятся отъ напечатаннаго у Миня и говорятъ за то, что списки краткаго Устава Ѳеодора Студита не одинаковы по своимъ особенностямъ. Кромѣ текстуальныхъ особенностей въ новомъ спискѣ имѣются слѣдующія любопытныя особенности со стороны обряда: замѣчаніе о началѣ утрени на Пасху въ притворѣ и о причинахъ этого обычая, подробное описаніе обряда цѣлованія священнослужащихъ съ игуменомъ и остальными братіями, замѣчаніе о томъ, что по Уставу великой Церкви, на каждый господскій праздникъ внутри алтаря (ἔσωθεν τοῦ βήματος) діаконъ произносилъ прокименъ, апостолъ и аллилуарій, а протопреторъ (ὁ πρωτοπρέτωρος)—св. Евангеліе, обстоятельное описаніе крестнаго хода, который совершался въ понедѣльникъ во второй часъ дня, послѣ троекратнаго звона (κρούων τὰ τρία ὁ κανονάρχης), замѣчанія о постриженіи въ великую схиму (ἅγιον καὶ μέγα σχῆμα) желающихъ братій во вторникъ, о совершеніи въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли утрени съ особенностями ея въ самое Ѳомино воскресеніе, о пѣніи канона на первомъ часѣ. Всѣ эти особенности нашего Ὑποτύποσις-а падаютъ собственно на первую его часть, которая озаглавливается „О святой Пасхѣ", а у Миня—„Какъ поступаемъ въ собраніяхъ святаго и славнаго тридневнаго воскресенія нашего Спасителя. О билѣ". Что же касается остальныхъ главъ, то въ нихъ уже замѣчается менѣе разностей. Въ Ὑποτύποσις-ѣ Миня въ главѣ „О святой Четыредесятницѣ" имѣются первыя четыре замѣчанія: 14, 15, 16 и 17, отсутствующія въ нашемъ спискѣ, въ которомъ замѣчаніе объ епистимонархѣ и будителѣ непосредственно примыкаетъ къ первой главѣ „О святой Пасхѣ"; но за то въ этомъ послѣднемъ есть подробное наставленіе о пищѣ и питьѣ на весь

чаямъ мѣстно-аѳонскимъ [1]). Отсюда, слѣдовательно, ясно, что первоначальныя записи Церковнаго Устава на Аѳонѣ, по своему характеру, относились къ отрасли уставовъ студійскихъ, которые, вышедши

Великій постъ въ главѣ „О святой великой Четыредесятницѣ“, тогда какъ у Миня лишь краткое упоминаніе о пищѣ въ воскресные дни св. Четыредесятницы. Наконецъ въ нашемъ спискѣ замѣчаніе о навечеріи Богоявленія стоитъ, какъ и слѣдуетъ, въ концѣ Ὑποτύποσις-а, а не въ главѣ „О соразмѣрности въ службахъ“, какъ у Миня, и содержитъ въ себѣ любопытныя особенности противъ послѣдняго. При выходѣ священника для водоосвященія изъ алтаря поется трижды стихира: „Гласъ Господень на водахъ“, а у Миня—„Во Іорданѣ крещающуся“, что поется, по этому списку, уже при погруженіи креста въ водѣ. На возвратномъ пути въ церковь положено пѣть трижды: „Днесь Троица въ единицѣ Божества“, тогда какъ у Миня послѣ окропленія братіи и освященія воды поютъ: „Гласъ Господень на водахъ“ съ припѣвами: „Море видѣ и побѣже“ и „Что ти есть море“, а при возвращеніи въ церковь тропарь: „Одѣяйся свѣтомъ божественнѣ“. Въ виду произведеннаго нами сличенія двухъ извѣстныхъ въ настоящее время списковъ Ὑποτύποσις-а, сдѣланное г. Мансветовымъ въ его книгѣ „О церковномъ Уставѣ“ изложеніе особенностей церковной службы по первоначальнымъ записямъ студійскаго Устава (стр. 107—112) требуетъ значительныхъ и весьма существенныхъ для характеристики этихъ записей пополненій и поправокъ, а самый Ὑποτύποσις Ѳеодора Студита—новаго изданія.

[1]) Чтобы яснѣе представить взаимное отношеніе записей Церковнаго Устава Ѳеодора Студита и Аѳанасія Аѳонскаго, г. Мансветовъ сравнилъ въ своей извѣстной уже намъ книгѣ ту и другую между собою (стр. 66—68). Но такъ какъ, при сравненіи, онъ имѣетъ въ виду запись Аѳанасія Аѳонскаго только въ русскомъ переводѣ архимандрита Антонина (замѣт. поклон. св. горы), черезъ который она и извѣстна только въ наукѣ, то поэтому и сравненіе его отличается тѣми же недостатками, какіе присущи переводу почтеннаго о. Антонина. Въ сравненіи г. Мансветова нѣтъ ни полноты, ни точности, ни даже, наконецъ, необходимой въ подобныхъ случаяхъ для выводовъ правильности. Мы въ настоящее время имѣемъ греческій списокъ Διατύποσις-а Аѳанасія Аѳонскаго и считаемъ не лишнимъ въ интересахъ науки сдѣлать нѣсколько поправокъ въ упомянутомъ сравненіи г. Мансветова, оставляя болѣе обстоятельное сличеніе записей Аѳанасія Аѳонскаго и Ѳеодора Студита до болѣе благопріятнаго времени. Чтецій на утрени Пасхи два: одно послѣ третьей пѣсни изъ Григорія Богослова „Ἀναστάσεως ἡμέρα“,

изъ мѣста своего происхожденія, сдѣлались регуляторами богослуженія на всемъ востокѣ до тѣхъ поръ, пока въ XII вѣкѣ [1]), какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не были замѣнены уставами іерусалимской редакціи.

Но эти упомянутыя нами первоначальныя записи уставовъ на Аѳонѣ были по всей вѣроятности лишь оффиціально главными регуляторами богослужебныхъ порядковъ св. горы. Что же касается обычаевъ мѣстныхъ, особенностей практики монастырской, то для нихъ имѣлись другія записи, употреблявшіяся наравнѣ съ господствую-

---

а другое, послѣ цѣлованія, дневное (ἡμέρας), нынѣшнее Слово Іоанна Златоуста: „Аще кто благочестивъ и боголюбивъ". Такъ по обѣимъ записямъ. Въ записи Ѳеодора Студита (по нашему списку) подробно описывается обрядъ цѣлованія, и есть замѣчанія относительно собранія въ папертѣ предъ началомъ утрени канонарха и будителя, о крестномъ ходѣ въ понедѣльникъ, о постриженіи въ мантію во вторникъ, а въ записи св. Аѳанасія всего этого нѣтъ. Замѣчанія о повечеріяхъ съ понедѣльника Ѳоминой недѣли буквально сходны въ обѣихъ записяхъ. Въ записи Ѳеодора Студита подробно излагается порядокъ суточной службы до Воздвиженія креста и дальше, а въ записи Аѳанасія Аѳонскаго лишь замѣчено о количествѣ псалмовъ за это время. Другія статьи изложены или приблизительно сходно съ записями Ѳеодора Студита, или же вовсе опущены, такъ какъ св. Аѳанасій Аѳонскій, при написаніи своей записи, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дисциплинарныя правила, а Ѳеодоръ Студитъ особенности богослужебнаго характера.

[1]) Это положеніе мы основываемъ отчасти на одномъ голословномъ указаніи преосв. Порфирія, что грузинецъ Георгій Мтацминдели († 1072) между множествомъ другихъ богослужебныхъ книгъ перевелъ для Иверскаго монастыря между прочимъ и Уставъ Саввы Освященнаго (Истор. Аѳона ч. III, отд. I, стр. 195, прим., изд. Кіев. 1877 г.), а главнымъ образомъ на томъ основаніи, что Савва сербскій въ своемъ Уставѣ, данномъ (между 1200—1208 г.) Хиландарскому монастырю, воспроизводитъ уже порядки и обычаи іерусалимскаго Устава (Хиланд. Тип. по ркп. XIII в. опис. архим. Леонид. у Београд. 1868 г.). Св. же Савва, какъ извѣстно, написалъ св. Типикъ, послѣ тщательнаго изученія уставовъ современныхъ ему аѳонскихъ монастырей, въ которыхъ, слѣдовательно, уже успѣлъ утвердиться Типикъ іерусалимскій.

ицимъ Уставомъ и составленныя или изъ записей игуменовъ, или, какъ мы уже говорили и какъ это дѣлается нынѣ, изъ записей типикарей. Эти-то побочныя записи и дали начало такъ называемому Святогорскому Уставу, существованіе котораго на Аѳонѣ въ XI столѣтіи уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Извѣстный литургистъ этого время Никонъ Черногорецъ въ своихъ Пандектахъ и Тактиконѣ, характеризуя особенности богослужебныхъ порядковъ своего времени, пользуется Уставомъ святогорскимъ наравнѣ съ списками уставовъ редакцій студійской и іерусалимской. 57 слово его Пандектъ, напр., представляетъ намъ три слѣдующія выдержки изъ Устава святогорскаго: a) отъ Типика св. горы о еже снѣдѣхъ и питіихъ количества и качества, b) о праздницѣхъ, когда ямы масло и піемъ вино и c) отъ собранія, рекше Типика св. горы о праздницѣхъ и о работѣ [1]). Кромѣ этихъ выдержекъ изъ первоначальнаго святогорскаго Типикона и нѣкоторыхъ другихъ (напр., о полномъ неяденіи въ Чистый понедѣльникъ, о невкушеніи рыбы на Страстной седмицѣ, еслибы даже и случился праздникъ Благовѣщенія въ одинъ изъ дней этой недѣли и др.), такъ сказать, дисциплинарнаго характера, у Никона Черногорца можно находить весьма немного свѣдѣній касательно обрядовъ и особенностей богослуженія на Аѳонѣ, по древнѣйшему святогорскому Уставу [2]). Но всѣ эти выдержки въ сопоставленіи съ особенностями богослужебнаго характера получаютъ для насъ тотъ интересъ, что по нимъ намъ представляется нѣкоторая возможность составить болѣе или менѣе вѣрное сужде-

---

[1]) Ркп. Кіев. церк.-археол. музея изъ собр. м. Макарія № 179, л. 489 об.—491.

[2]) Многія особенности богослужебнаго характера первоначальнаго святогорскаго Устава, хотя далеко и не всѣ, указаны проф. Манств. въ книгѣ „О церк. Устав.“ стр. 224, прим. 2. Напр., объ отсутствіи всенощныхъ бдѣній, о количествѣ каѳизмъ отъ 26 сентября до великой Четыредесятницы, о перенесеніи памяти Предтечи и 40 мучениковъ со службою имъ съ первой недѣли поста на сырную недѣлю и др.

ніе о характерѣ этого первоначальнаго Устава св. горы и объ его отношеніи къ записямъ Ѳеодора Студита и Аѳанасія Аѳонскаго. Связь съ этими записями устанавливается самая живая и тѣсная, если мы обратимъ вниманіе на то, что статья „о спѣдѣхъ и питіихъ количества и качества“ содержится въ обѣихъ записяхъ [1]), а статья „о праздницѣхъ, когда ямы масло и піемъ вино“—въ записи св. Аѳанасія Аѳонскаго [2]). Особенности бого-

---

[1]) Заглавіе этой статьи: περὶ τῆς ἐν βρώμασι καὶ πόμασι ποσότητος καὶ ποιότητος καὶ τῆς ἐν ταῖς τραπέζαις εὐταξίας, но въ изложеніи Никона Черногорца она отличается немалыми особенностями.

[2]) Намъ думается, что мы болѣе вѣрный источникъ укажемъ для настоящей главы, если сошлемся на одну извѣстную намъ статью, еще ненапечатанную, но весьма любопытную для исторіи Типикона, носящую такое заглавіе: „Ἐπιστολὴν ἀδελφῶν προεστῶτος πρὸς γέροντα τελίον καὶ κατάκριτον καὶ σόφον περὶ δηλώσεως καὶ λύσεως ζητημάτων ἀναγκαίων εἰς ἀγωγὴν μοναχῶν καὶ κατάστασιν“ (Топик. ркп. Ватопедск. библ. на Аѳонѣ № 322, л. 230 об.) и вызвавшую обширный отвѣтъ подъ заглавіемъ: Εὐσύνοντος εἴδησις καὶ ἀπόκρισις περὶ τῶν ἐρωτηθεισῶν ὑποθέσεων (л. 231 об.). Въ эту послѣднюю отвѣтную статью указанная выдержка Никона Черногорца входитъ цѣликомъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ. Отвѣтъ же неизвѣстнаго старца заимствованъ изъ Διατύποσις-а св. Аѳанасія Аѳонскаго, въ которомъ имѣется глава „περὶ τῆς ἐν ταῖς διακονίαις συμμετρίαις“, т. е. О соразмѣрности въ службахъ. Въ подтвержденіе нашего предположенія относительно вышеуказаннаго источника для Никона Черногорца мы можемъ сослаться отчасти на собственныя его слова. Такъ, въ главѣ „О праздницѣхъ и о работѣ“ Никонъ Черногорецъ говоритъ слѣдующее: „Подобаетъ вѣдѣти, яко сіи вчиненію въ предпразднцы отъ святыя горы написаны быша отъ разумнѣйша и велика отца къ нѣкоему въ странахъ Антіохія Сирскія безмолствующу о постѣхъ же и колѣнопреклоненіихъ“ (Тактик. ркп. Церк.-археол. муз. Кіев. дух. Акад. № 179, л. 491). Подъ именемъ „разумнѣйшаго и великаго отца отъ святыя горы“ Никонъ Черногорецъ разумѣлъ не Аѳанасія Аѳонскаго, который за свой Уставъ и свою добродѣтельную жизнь пользовался славою и извѣстностію повсюду, а кого-то иного, но во всякомъ случаѣ мужа „разумнѣйша и велика отца“, каковымъ и могъ быть авторъ упомянутыхъ намн отвѣтовъ, называемый „мудрымъ старцемъ“ и въ самой рукописи.

служебнаго характера древнѣйшаго святогорскаго Типикона не противорѣчатъ устанавливаемой нами связи, а напротивъ приводятъ къ тому несомнѣнному положенію, что, по характеру своему, этотъ Типиконъ примыкалъ къ отрасли уставовъ редакціи студійской, господствовавшей въ ту пору на всемъ востокѣ въ богослужебной практикѣ, съ которой, какъ мы уже сказали выше, Ὑποτύποσις и Διατύποσις стоятъ въ прямой генетической родственной связи. Само собою понятно, что въ дальнѣйшей исторіи, когда студійскій господствующій Уставъ уступилъ мѣсто свое іерусалимскому, и на Аѳонѣ въ судьбѣ святогорскаго Типикона произошли крупныя видоизмѣненія. Святогорскій Уставъ этого времени оставилъ особенности порядковъ студійскаго монастыря и принялъ въ себя обычаи обители св. Саввы Освященнаго. Говоря проще, Уставъ святогорскій слился съ Уставомъ іерусалимскимъ. Представителями подобнаго рода святогорскаго Устава мы можетъ считать рукописный Типиконъ, находящійся нынѣ въ Ватиканской библіотекѣ (cod. palatin.) и надписываемый такъ: Τυπικὸν τῆς λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα καὶ τῆς ἁγίας λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου τοῦ Ἄθω[1]), т. е. Типиконъ лавры святаго Саввы и святыя лавры святаго Аѳанасія на Аѳонѣ и Τυπικὸν τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης μονῆς ἐγράφη ἐν τῇ ἐμῇ μονῇ, τῇ μεγάλῃ λάβρᾳ, τῇ συγκειμένῃ τῷ τοῦ Ἀθῶνος ὄρει[2]), т. е. Типиконъ святаго и великаго монастыря написанъ въ моемъ монастырѣ, въ великой лаврѣ, находящейся на горѣ Аѳонской. Первый Типиконъ написанъ въ 1373 г. неизвѣстнымъ лицомъ, называющимъ себя именемъ Георгія, а второй—въ 1432 г. монахомъ Діонисіемъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, мы къ глубокому сожалѣнію ничего не знаемъ объ упомянутыхъ Типиконахъ, а поэтому и не можемъ сказать что нибудь ни о редакторской работѣ, при сліяніи этихъ разнохарактерныхъ уставовъ, ни объ особенностяхъ богослужеб-

[1]) Мансв. О церковномъ Уставѣ, прилож. стр. 402.

[2]) Ibid. стр. 401.

ныхъ порядковъ, по святогорскому Уставу, этого времени, которыя безъ всякаго сомнѣнія представляли немало разностей отъ рукописнаго тоговременнаго Устава іерусалимской редакціи. Что это такъ, можно отчасти догадываться изъ того обстоятельства, что въ пергаменномъ рукописномъ Типиконѣ 1336 г. Лаврентіанской (во Флоренціи) библіотеки (cod. 15), написанномъ рукою Іоанна Ставадеры изъ Сарагусы, писецъ помѣстилъ, кромѣ обычныхъ статей, входящихъ въ составъ Типиконовъ іерусалимской редакціи, между прочимъ и слѣдующую статью: Κεφάλαια ἐν ἐπιτόμως δηλοῦντα τὴν συνηθῆ τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως τοῦ ἁγίου ὄρους[1]), т. е. Главы въ сокращеніи извѣстныхъ обычаевъ церковнаго Устава святой горы. Статья эта начинается изложеніемъ утренняго богослуженія (Περὶ τῆς στιχολογίας τοῦ ὄρθρου) и состоитъ изъ семнадцати главъ, содержаніе которыхъ тоже остается къ глубокому сожалѣнію неизвѣстнымъ[2]). Въ виду всего этого намъ приходится ограничить исторію святогорскаго Типикона въ періодъ времени отъ XII столѣтія до XVI включительно лишь тѣми немногими отрывочными данными, которыми располагаетъ наша наука въ настоящее время и которыя мы указали выше[3]), и должны перейти прямо къ судьбѣ свято-

---

[1]) Красносельц. Свѣдѣн. о нѣкотор. литургич. рукоп. Ватиканск. библ. Казан. 1885 г. стр. 24.

[2]) Проф. Красносельцевъ, упрекнувшій Бандини за то, что онъ описалъ настоящій списокъ Устава „слишкомъ общё“ (Bandin. Cat. cod. graec. monuscript. bibliot. Med. Laurent. t. 1 p. 485), самъ въ своемъ спеціальномъ описаніи литургическихъ рукописей недалеко ушелъ отъ него въ полнотѣ и обстоятельности относительно этого списка. Услуга литургической наукѣ была бы оказана несомнѣнно, еслибы почтенный профессоръ, кромѣ перечня рукописей и ихъ краткаго содержанія, въ свой оффиціальный „Отчетъ“ о заграничной командировкѣ вносилъ бы и самые тексты важнѣйшихъ литургическихъ памятниковъ, къ которымъ безспорно принадлежитъ настоящая выдержка изъ древнѣйшаго святогорскаго Устава.

[3]) Сюда мы должны отнести и вышеуказанные отвѣты неизвѣстнаго старца мудреца, подъ заглавіемъ: Εὐσύνοντος εἴδησις καὶ ἀπόκρισις περὶ

горскаго Типикона въ XVII столѣтіи и позже до нашихъ дней. За это время мы уже имѣемъ положительныя данныя для этого вопроса, собранныя нами во время нашего путешествія по Аѳону. Эти данныя, появляющіяся въ печати въ первый разъ, такъ какъ доселѣ мы знали со словъ Никодима святогорца лишь о томъ, что списковъ святогорскаго Устава встрѣчается немало въ аѳонскихъ монастыряхъ, но ничего не знали объ особенностяхъ службъ по этому Уставу и о характерѣ самаго Устава, то, помимо новизны, эти свѣдѣнія, какъ намъ кажется, въ значительной степени будутъ восполнять тотъ весьма истересный пробѣлъ въ исторіи этого Типикона, на который мы указали выше и который явился, по отсутствію положительныхъ данныхъ. Обстоятельное описаніе современнаго святогорскаго Типикона, ведущаго свою генеалогію отъ Типикона монастыря Діонисіатскаго 1624 года, и дастъ намъ эти интересныя и важныя въ научномъ отношеніи данныя.

„Сокращенный Типиконъ въ соединеніи съ мѣстнымъ, содержащій въ себѣ яснѣйшее истолкованіе Минологія, Тріоди и Пендикостарія съ иными необходимѣйшими главами во святыхъ отца нашего Марка Евгеника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, написанный въ первые нѣкіимъ іеромонахомъ Игнатіемъ въ 1624 году, въ мѣсяцѣ генварѣ, въ святой Діонисіатской обители, а съ него уже переписывается настоящій Типиконъ для нашей святой Иверской обители, какъ имѣющій неизмѣненный составъ перваго Типикона сей самой священной обители нашей, истребленнаго огнемъ 13 декабря 1865 года. Написанъ Типиконъ заботами и подъ надзоромъ святыхъ архимандритовъ сего монастыря господъ Иларіона и Аѳанасія и пожертвованъ въ

τῶν ἐρωτηθεισῶν ὑποθέσεων (Топик. ркп. Ватопед. библ. № 322, л. 231 об.), которые для исторіи первоначальнаго святогорскаго Устава могутъ дать нѣсколько интересныхъ данныхъ въ силу ихъ близости къ Уставу Ѳеодора Студита и записи св. Аѳанасія Аѳонскаго.

неотъемлемую собственность святой Иверской обители съ тѣмъ, чтобы никто никоимъ образомъ не могъ присвоить его. Написанъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1878, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ 1878 года". Такое обширное заглавіе (въ буквальномъ переводѣ съ греческаго) носитъ рукописный Типиконъ, хранящійся нынѣ въ храмѣ Иверскаго Аѳонскаго монастыря и употребляемый въ этой обители типикаремъ, какъ руководство, при отправленіи имъ своихъ богослужебныхъ обязанностей.

Какъ показываетъ и самое заглавіе (сокращенный Типиконъ), Типиконъ этотъ представляетъ собственно передѣлку или сокращеніе святогорскаго Типикона съ присоединеніемъ обрядовъ и обычаевъ, имѣющихъ мѣсто лишь въ названной обители (Τυπικὸν τυπικόν) и, быть можетъ, въ немногихъ другихъ монастыряхъ Аѳона. Что касается имени „во святыхъ отца нашего" Марка Евгеника, яснѣйшаго истолкователя Минологія, Тріоди и Пендикостарія и другихъ необходимыхъ главъ, то это есть ни больше ни меньше, какъ одна изъ безплодныхъ пока немногочисленныхъ попытокъ[1]) уяснить себѣ личность Марка, „многогрѣшнаго іеромонаха" или просто монаха, именемъ котораго надписываются въ іерусалимскомъ Уставѣ дополнительныя главы относительно стеченія важнѣйшихъ праздниковъ и памятей великихъ святыхъ съ воскресною службою и службами по Тріодямъ Постной и Цвѣтной. Отсутствіе болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о личности соста-

---

[1]) Эти попытки къ уясненію личности составителя дополнительныхъ главъ Церковнаго Устава собраны въ книгѣ покойнаго проф. И. Д. Мансветова о „Церковномъ Уставѣ" стр. 216 и прим., который старался и самъ лично тоже сказать что нибудь для рѣшенія настоящаго вопроса, но и его попытки, по нашему мнѣнію, остались безплодными. Онъ даже не опредѣлилъ правильно количество редакцій Марковыхъ главъ и первичный ихъ составъ въ древнѣйшихъ іерусалимскихъ уставахъ. Его отрицаніе участія въ данномъ случаѣ епископа индрутскаго Марка, на что указываютъ нѣкоторые памятники (Τυπικ. ркп. М. Синод. библ. № 380, л. 260 об.), внушающіе довѣріе, малодоказательно и почти голословно.

вителя упомянутыхъ главъ заставило іеромонаха Діонисіатскаго монастыря Игнатія, съ именемъ котораго связывается происхожденіе извѣстнаго на Аѳонѣ Діонисіатскаго Устава, или вѣрнѣе списателя Устава Иверскаго монастыря, такъ какъ въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ Діонисіатскаго Устава имя Марка Евгеника не упоминается, предполагать, что упомянутыя дополнительныя главы Устава принадлежатъ этому святителю. Имя Марка Евгеника, знаменитаго ефесскаго митрополита († 1452 г.), пожизненнаго борца православія и ненавистника латинянъ, противника неудавшейся извѣстной флорентійской уніи, пользуется большимъ почетомъ на всемъ православномъ востокѣ и свято чтится тамъ доселѣ. Это имя къ тому же не безъизвѣстно своими трудами и въ области православнаго богослуженія[1]). Посему нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые святогорцы связали происхожденіе этихъ главъ съ именемъ столь почетнымъ на востокѣ, немало потрудившимся и въ области православнаго богослуженія, или истолкованіемъ существовавшаго въ ту пору богослуженія, или прямо составленіемъ стихиръ и каноновъ на праздники и въ честь святыхъ. Настоящій Типиконъ называется сокращеннымъ (συνοπτικόν) въ надписаніи; это подтверждается и самымъ содержаніемъ его.

Въ настоящемъ Типиконѣ Иверскаго монастыря содержанію его предпосылается статья отъ составителя Типикона 1624 года Діонисіатскаго монастыря, іеромонаха Игнатія[2]), который, указывая на побужденія древнѣйшихъ отцовъ обычаи, содержимые ими, по преданію, отъ болѣе древняго времени, излагать пись-

---

[1]) Труды Марка Евгеника въ области православнаго богослуженія перечислены почти всѣ въ книгѣ преосв. Филарета „Историческ. обозрѣн. пѣснопѣвц. и пѣснопѣн. греческ. Церкви“, изд. II, Черниг., 1864 г., стр. 459, 460.

[2]) Ὁ ἐν ἱερομονάχοις ἐλαχίστος Ἰγνάτιος, ὁ γράψας τὸ παρὸν Τυπικὸν κατὰ τὸ ἔτος αχκδ (1624) τοῖς ἐν τευξαμένοις ἐν Κυρίῳ χαίρειν. Такое заглавіе носитъ эта статья.

менно, въ Типиконахъ, дабы не стерло ихъ изъ памяти всесокрушающее и все предающее забвенію время, рѣшается, по ихъ примѣру и въ частности по примѣру св. Аѳонской лавры, изложить древнѣйшіе обычаи своего монастыря въ Уставѣ, и это изложеніе начинаетъ съ мѣсяца сентября, когда начинается и самый церковный годъ. Все содержаніе Типикона составитель раздѣляетъ на три части: первая состоитъ изъ 125 главъ, содержащихъ въ себѣ особенности службъ по мѣсяцеслову[1]), вторая—

[1]) Первая часть содержитъ въ себѣ службы: 1 глава—Новаго года вмѣстѣ съ службами Симеону Столпнику и святымъ женамъ, 2 глава—ту же самую службу, но для воскреснаго дня, 3 глава—предпразднества Богородицы и мученика Созонта, 4 глава—Рождества Богородицы, 5 глава—праведныхъ Акима и Анны и мученика Севериона, 6 глава—обновленія храма воскресенія, мученика Корнилія и предпразднества Крестовоздвиженія, 7 глава—обновленія храма въ воскресный день, 8 глава—Воздвиженія креста, 9 глава—великомученика Никиты, 10 глава—зачатіе Крестителя Іоанна, 11 глава—Успенія евангелиста Іоанна Богослова, 12 глава—исповѣдника Харитона, 13 глава—седьмаго вселенскаго собора, 14 глава—великомученика Димитрія, 15 глава—Архистратига Михаила, 16 глава—Іоанна Златоуста, 17 глава—мучениковъ Гурія, Самона и Авивы, 18 глава—предпразднества Введенія во храмъ Богоматери, Григорія Декаполита и Прокла Константинопольскаго, 19 глава—Введенія во храмъ Богоматери съ воскресною службою, 20 глава—апостола Андрея, 21 глава—святаго Саввы Освященнаго, 22 глава—Николая Чудотворца, 23 глава—мучениковъ Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ореста, 24 глава—недѣли праотцевъ, 25 глава—пророка Даніила и трехъ отроковъ, 26 глава—недѣли предъ Рождествомъ, когда она приходится раньше 20 декабря, или предпразднества, 27 глава—той же недѣли, если она случится отъ 20 до 23 декабря, 28 глава—той же недѣли, но 24 декабря, 29 глава—мученика Игнатія и предпразднества, 30 глава—преподобномученицы Евгеніи, 31 глава—о навечеріи Рождества Христова, если приходится оно въ субботу или въ воскресеніе, 32 глава—навечеріе этого праздника, 33 глава—службу собора Богоматери и священномученика Евѳимія Сардикійскаго, 34 глава—праведныхъ Іосифа, Іакова брата Божія и царя Давида, 35 глава—отданія праздника въ воскресеніе, 36 глава—первомученика Стефана архидіакона и исповѣдника Ѳеодора, 37 глава—дѣтей отъ Ирода избіенныхъ и преподобнаго Маркелла,

изъ 45 главъ съ особенностями службъ по Тріоди Постной[1]) и

38 глава—Обрѣзанія Господня и Василія Великаго въ воскресеніе, 39 глава—предпразднества Богоявленія и папы Сильвестра, 40 глава—мучениковъ Ѳеопемпта и Ѳеоны, 41 глава—навечерія Богоявленія, 42 глава—пророка Предтечи, 43 глава—Ѳеодосія пустынножителя, 44 глава—Антонія Великаго, 45 глава—Евѳимія великаго, 46 глава—Григорія Богослова, 47 глава—Іоанна Златоуста, 48 глава—трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, 49 глава—предпразднества Срѣтенія и мученика Трифона, 50 глава—Срѣтенія Господня, 51 глава—того же праздника, но въ воскресный день, 52 глава—того же праздника въ недѣли предъуготовительныя, 53 глава—того же праздника, или предпразднества и попразднества въ субботу Мясопустную, 54 глава—того же праздника въ недѣлю Сырную, 55 глава—того же праздника, если онъ въ среду и пятницу этой недѣли, 56 глава—того же праздника въ субботу Сырную, 57 глава—того же праздника въ святую и великую Четыредесят-

[1]) Вторая часть Типикона имѣетъ слѣдующія главы: 1 глава о службѣ мытаря и фарисея, 2 глава—блуднаго, 3 глава—вечера пятницы Мясопустной, 4 глава—воскресенья Мясопустнаго, 5 глава—вечера того же воскресенья, 6 глава—недѣли Сырной, 7 глава—воскресенья Сырнаго, 8 глава—вечера этого воскресенья, 9 глава—Четыредесятницы, 10 глава—о стихословіи Псалтири, 11 глава—о чтеніи утрени, 12 глава—объ уничтоженіи наградъ, 13 глава—о чтеніяхъ дня, 14 глава—о стихословіи пѣсенъ пѣлой недѣли, 15 глава—объ удареніи въ тяжкая, 16 глава—о великомъ повечеріи, 17 глава—о субботней службѣ, 18 глава—о субботѣ первой недѣли, 19 глава—объ утрени этой субботы, 20 глава—о первой недѣли поста, 21 глава—о вечерни этой недѣли, 22 глава—о пѣніи каноновъ въ трехъ субботахъ, 23 глава—о второй недѣли поста, 24 глава—о третьей недѣли поста, 25 глава—о поклоненіи кресту въ понедѣльникъ, среду и пятницу этой недѣли, 26 глава—о средѣ этой недѣли, 27 глава—о четвергѣ и пятницѣ этой недѣли, 28 глава—о четвертой недѣли поста, 29 глава—о послѣдованіи великаго канона, 30 глава—о послѣдованіи акаеиста, 31 глава—о пятой недѣли поста, 32 глава—о чтеніи Евангелія, 33 глава—о субботѣ Лазаря, 34 глава—о недѣлѣ Ваій, 35 глава—о вечернѣ этой недѣли, 36—39 главы—о первыхъ четырехъ дняхъ Страстной седмицы, 40 глава—о елеосвященіи, 41 глава—о вечерѣ четверга, 42 глава—о Великой пятницѣ, 43 глава—о пятницѣ вечеромъ, 44 глава—объ утрени въ Великую субботу и 45 глава—о вечернѣ Великой субботы.

третья—изъ 50 главъ съ особенностями службъ по Тріоди Цвѣтницу, 58 глава—объ отданіи этого праздника, 59 глава—попразднества, если оно бываетъ въ Сырную недѣлю, 60 глава—отданія въ недѣлю Сырную, 61 глава—отданія въ субботу Сырную, 62 глава—отданія въ воскресенья предъуготовительныхъ недѣль, 63 глава—отданія въ недѣлю прежде начала Тріоди, 64 глава—Обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, 65 глава—того же праздника въ воскресенье Мясопустное и Сырной недѣли, 66 глава—того же праздника Сырной недѣли, 67 глава—того же праздника въ субботу Сырную, 68 глава—того же праздника въ первую недѣлю святой Четыредесятницы, 69 глава—того же праздника въ субботу святыхъ постовъ, 70 глава—того же праздника въ воскресенье крестопоклонное, 71 глава—того же праздника въ одинъ изъ дней Четыредесятницы, 72 глава—40 мучениковъ севастійскихъ, 73 глава—замѣчаніе объ этой памяти въ субботу и воскресенье первой недѣли, 74 глава—того же праздника въ субботу акаѳиста, 75 глава того же праздника въ средокрестную недѣлю, 76 глава—повечерія и полунощницы праздниковъ Предтечи и 40 святыхъ, 77 глава—праздниковъ Предтечи и 40 святыхъ въ субботу, 78 глава—предпразднества Благовѣщенія, 79 глава—Благовѣщенія Богоматери, 80 глава—Благовѣщенія внѣ великой недѣли, 81 глава—того же праздника въ субботу, 82 глава—въ воскресеніе, 83 глава—навечерія этого праздника въ воскресеніе, 84 глава—того же праздника въ 3-ю недѣлю поста, 85 глава—тоже въ среду крестопоклонную, 86 глава—тоже въ четвертокъ великаго канона, 87 глава—тоже въ субботу акаѳиста, 88 глава—тоже въ субботу Лазаря, 89 глава—тоже въ недѣлю Ваій, 90—95 главы—тоже во всю Страстную седмицу, 96 глава—тоже въ первый день Пасхи, 97 глава—тоже въ понедѣльникъ Пасхи, 98 глава—замѣчаніе относительно того, что случаи стеченія службъ Благовѣщенія съ разными днями поста и Пасхи хорошо составлены, 99 глава—собора архангела Гавріила, 100 глава—великомученика Георгія, 101 глава—евангелиста Іоанна Богослова, 102 глава—царей Константина и Елены въ воскресенье, 103 глава—Обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, 104 глава—мученицы Агрипины и предпразднества Предтечи, 105 глава—Предтечи, 106 глава—преподобномученицы Февроніи, 107 глава—апостоловъ Петра и Павла, 108 глава—собора двѣнадцати апостоловъ, 109 глава—Аѳанасія Аѳонскаго, 110 глава—священномученика Аѳиногена и десяти его учениковъ, 111 глава—пророка Иліи, 112 глава—Маріи Магдалины и священномученика Фоки, 113 глава—великомученика Пантелеимона, 114 глава—предпразднества креста и праведнаго Евдокима,

ной[1]). Къ этимъ тремъ основнымъ частямъ присоединяется еще небольшая дополнительная часть Типикона[2]).

115 глава—семи Маккавеевъ, Елеазара и Соломоніи, 116 глава—перенесенія мощей архидіакона Стефана, 117 глава—предпразднества Преображенія и мученика Евсигнея, 118 глава—Преображенія Господня, 119 глава—мученика Дометія, 120 глава—архидіакона Евпла и Никифора, архіепископа Константинопольскаго, 121 глава—Успенія Богоматери, 122 глава—нерукотвореннаго образа и мученика Діомида, 123 глава—Усѣченія главы Іоанна Крестителя, 124 глава—патріарховъ константинопольскихъ Александра, Іоанна и Павла и попразднества Предтечи и 125 глава—положенія пояса Богоматери.

[1]) Третья часть состоитъ изъ службъ Тріоди Цвѣтной: 1 глава содержитъ службу на первый день Пасхи, 2 глава—часы Пасхи, 3 глава—вечерню Пасхи, 4 глава—утреню понедѣльника, 5 глава—вечерню этого дня, 6 глава—литію во вторникъ, 7 глава—часы среды, четверга, пятницы и субботы, 8 глава—службу пятницы, 9 глава—субботы, 10 глава—вечера этого дня, 11 глава—Ѳомина воскресенья вечера, 12 глава—понедѣльника этой недѣли, 13 глава—начало часовъ, 14 глава—службу святаго, имѣющаго икону, въ субботу, внутри Пятидесятницы, 15 глава—великомученика Георгія, 16—20 главы—разныя стеченія той же службы, 21 глава—Іоанна Богослова и Арсенія великаго, 22 глава—Іоанна Богослова въ одно изъ воскресеній Пятидесятницы, 23 глава—Іоанна Богослова съ средою преполовенія, 24 глава—того же праздника съ отданіемъ Пасхи, 25 глава—того же праздника съ вознесеніемъ, 26 глава—того же праздника съ недѣлею св. отцевъ, 27 глава—съ недѣлей третьей по Пасхѣ, св. женъ мvроносицъ и праведнаго Іосифа, 28 глава—службу святаго, имѣющаго икону, въ одно изъ воскресеній Пятидесятницы, 29 глава—недѣли мvроносицъ, 30 глава—четвертой недѣли по Пасхѣ, 31 глава—среды преполовенія, 32 глава—недѣли пятой по Пасхѣ, 33 глава—недѣли шестой по Пасхѣ,

[2]) Въ дополнительную часть входятъ статьи: о Благовѣщеніи въ пятницу, оглавленіе состава Типикона, главы 52—57, оставленныя списателемъ Типикона, а именно: о святомъ, имѣющемъ „Блаженъ мужъ“ и поліелей въ воскресный день, о святомъ, имѣющемъ икону и коливо въ недѣлю предпразднествъ или попразднествъ, о предпразднествахъ и попразднествахъ въ недѣлю, о стихословіи пѣсни: „Поимъ Господеви“, о пѣніи и непѣніи „Честнѣйшую херувимъ“ и о томъ, какъ поются катавасіи въ теченіе цѣлаго года.

Кромѣ неполнаго или сокращеннаго святогорскаго Типикона, о которомъ мы сейчасъ говорили, въ практическомъ употребленіи аѳонскихъ монастырей мы видѣли и полные его списки, которые такъ же, какъ и упомянутый Иверскій списокъ, происхожденіе свое ведутъ отъ Діонисіатскаго Типикона, пользующагося на Аѳонѣ большимъ авторитетомъ и глубокимъ уваженіемъ. Къ подобнаго рода полнымъ спискамъ принадлежитъ Типиконъ греческаго собора въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ[1]) и надписываемый такъ: Τυπικὸν ἀκριβὲς τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας, ἀπό τε

34 глава—отданія Пасхи, 35 глава—Вознесенія, 36 глава—недѣли седьмой, 37 глава—поминальной субботы, 38 глава—недѣли Пятидесятницы, 39 глава—того же праздника вечеромъ, 40 глава—понедѣльника утромъ, 41 глава—недѣли по Пятидесятницѣ, 42 глава—недѣли всѣхъ святыхъ, 43 глава—служба поста св. апостоловъ, 44 глава—о перемѣнѣ гласа, 45 глава—о предпразднествахъ и попразднествахъ въ недѣлю, 46 глава—о праздникахъ Богородицы въ недѣлю, 47 глава—о праздникахъ Господскихъ въ недѣлю, 48 глава—объ отданіи Господскихъ праздниковъ, 49 глава—объ отданіи ихъ въ недѣлю и 50 глава—службу святаго съ всенощнымъ бдѣніемъ въ недѣлю.

[1]) Намъ извѣстенъ пока еще одинъ списокъ полнаго святогорскаго Типикона, принадлежащій антипросопу русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Нафанаилу. Типиконъ, написанный рукою XVIII столѣтія, полученъ имъ въ знакъ благословенія отъ бывшаго игумена этого монастыря, архимандрита грека Герасима, у котораго о. Нафанаилъ былъ долгое время грамматикомъ. Этотъ Типиконъ, бывшій когда-то тоже въ практическомъ употребленіи въ Руссикѣ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ послужилъ во многомъ оригиналомъ для нынѣ дѣйствующаго тамъ Устава. Кромѣ того, въ этомъ спискѣ мы можемъ видѣть древнѣйшій текстъ святогорскаго Устава. Позднѣйшія наслоенія въ Уставѣ, мѣстно-аѳонскіе обычаи и порядки здѣсь вошли въ качествѣ лишь примѣчаній къ этому Уставу, разсѣянны во множествѣ по полямъ рукописи и написанныхъ мелкимъ едва разбираемымъ почеркомъ. Красиво и четко эти примѣчанія переписаны подъ строками въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ Руссика. Съ Типикономъ о. Нафанаила мы, къ глубокому сожалѣнію, познакомились лишь поверхностно, а поэтому и не можемъ сообщить о немъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя были бы весьма умѣстны въ данномъ мѣстѣ.

τοῦ ἁγίου Σάββα καὶ ἑτέρων ἀθροισθὲν διαφόρων, ἔχον καὶ τὰ κεφάλαια τοῦ μοναχοῦ κὺρ Μάρκου, ἐν οἷς ἕκαστον αὐτῶν ζητεῖται χωρίοις μεθ' ἑτέρων ἀναγκαίων σημειώσεων, т. е. Полный Типиконъ церковнаго послѣдованія, собранный изъ Типикона святаго Саввы и изъ другихъ различныхъ, имѣющій въ себѣ главы монаха господина Марка, въ какихъ мѣстахъ каждая изъ нихъ находится вмѣстѣ съ другими необходимыми замѣчаніями. Въ этомъ Типиконѣ, хотя и нѣтъ столь яснаго раздѣленія на части, какъ въ предыдущемъ Иверскомъ спискѣ, но, при внимательномъ пересмотрѣ наличнаго его содержанія, нельзя не видѣть, что онъ тоже можетъ быть легко раздѣленъ на четыре части. Въ первую часть входятъ статьи общаго характера (24 главы)[1], во вторую—главы Марка монаха[2], къ коимъ присоединяются и

---

[1]) Въ эту часть входятъ главы, содержащія въ себѣ службы суточныя (гл. 1, 3, 7, 11, 12, 14 и 18), указаніе о стихословіи Псалтири (гл. 4), о звонѣ къ службѣ (гл. 5), о прокимнахъ и аллилуаріяхъ, о чтеніяхъ на трапезѣ и др. (гл. 6), о поклоненіи канонарха и собраніи двухъ хоровъ на средину для того же (гл. 8), о кажденіи іерея и вообще о кажденіи храма и предстоящихъ (гл. 9, 10), о пѣніи каноновъ Октоиха съ Минеею (гл. 13), правила касательно благоповеденія въ церкви (гл. 16), о перемѣнѣ хоровъ (гл. 17), о тропаряхъ на навечеріяхъ предпразднествъ и попразднествъ (гл. 19), о чтеніи Евангелія и толкованій на него (гл. 20), о времени совершенія литургіи (гл. 21), о чтеніи утреннихъ Евангелій по Пасхѣ до Пятидесятницы (гл. 22), о будителѣ въ церкви (гл. 23) и о каждодневномъ совершеніи повечерія и благоповеденіи монаховъ послѣ него (гл. 24). Всѣ эти главы, за исключеніемъ развѣ одной 8 главы, можно находить и въ обычныхъ іерусалимскихъ уставахъ, напр., Рпк. М. Синод. библ. 1542 г. № 380.

[2]) Количество Марковыхъ главъ въ іерусалимскихъ уставахъ простирается до 86, 95 и даже до 100 (въ печатныхъ венеціанскихъ изданіяхъ), въ настоящемъ же Уставѣ ихъ 25; но если взять ихъ вмѣстѣ съ главами изъ Минологія, то общая цыфра ихъ достигаетъ 89. Въ составъ первыхъ 25 главъ входятъ: 25 гл. о службѣ Богородичныхъ праздниковъ въ недѣлю, 26 гл. о литіяхъ въ отданіи этихъ праздниковъ, 27 гл. о службѣ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 28 гл. объ отданіи этихъ праздниковъ,

главы, трактующія о службахъ по мѣсяцеслову (гл. 24—112), въ третью—службы по Тріоди Постной[1]) (гл. 114—136) и въ четвертой—службы по Тріоди Цвѣтной (гл. 137—145). Къ этимъ четыремъ основнымъ частямъ присоединено нѣсколько главъ въ качествѣ прибавочныхъ. Сюда входятъ замѣчанія о евангельскихъ чтеніяхъ на утрени и на литургіяхъ въ тѣ дни празднуемыхъ святыхъ, которые не попали въ настоящій Типиконъ, указанія

---

29 гл. объ отданіи ихъ въ недѣлю, 30 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ этихъ праздниковъ въ недѣлю, 31 гл. о кондакахъ предпразднествъ и попразднествъ вмѣсто ипакои гласа, 32 гл. о двухъ святыхъ съ двумя тропарями въ воскресенье, 33 гл. о тропаряхъ предпразднествъ и попразднествъ въ недѣлю съ святымъ, имѣющимъ свой тропарь, 34 гл. о тропаряхъ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 35 гл. о тропаряхъ предпразднествъ и попразднествъ и святыхъ на каждый день, 36 гл. о канонахъ предпразднествъ и попразднествъ съ Минеею, 37 гл. о кондакахъ двухъ святыхъ съ кондаками предпразднества и попразднества, 38 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ съ двумя святыми въ недѣлю, 39 гл. о святомъ, имѣющемъ бдѣніе въ недѣлю, 40 гл. о святомъ съ поліелеемъ и празднуемымъ на 6 въ недѣлю, 41 гл. о святомъ, празднуемымъ на 6 въ недѣлю, 42 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 43 гл. о тропаряхъ святыхъ и первобогородичныхъ вечеромъ пятницы, субботы и воскресенія, 44 гл. о богородичныхъ, если празднуемый святой на 8 случится въ среду или пятницу, 45 гл. о томъ же, если празднуется святой на 6 и имѣетъ поліелей, 46 гл. о первобогородичныхъ въ субботу и воскресеніе, 47 гл. о первыхъ богородичныхъ святаго, имѣющаго входъ, 48 гл. о пѣніи „Поимъ Господеви“, 49 гл. о томъ, когда поется „Честнѣйшую“ и когда нѣтъ и 50 гл. о литіи, когда она бываетъ и когда не бываетъ. Что касается Марковыхъ главъ, разсѣянныхъ по Мѣсяцеслову, то количество ихъ нѣсколько больше обыкновеннаго сравнительно съ іерусалимскими уставами. Такъ напр. здѣсь есть, глава (61) о памяти трехъ святителей въ недѣлю, нѣсколько главъ (102—103) относительно памяти апостола и евангелиста Іоанна Богослова и нѣкоторыя немногія другія главы.

[1]) Указанія тріодныхъ службъ вообще немногимъ разнятся отъ Устава іерусалимскаго, хотя текстъ ихъ имѣетъ весьма много характерныхъ особенностей, съ которыми подробно мы познакомимся, при изложеніи этихъ службъ, по святогорскому Типикону, въ своемъ мѣстѣ.

прокимновъ и аллилуаріевъ на разные случаи и выдержка изъ Діонисіатскаго Типикона о перемѣнѣ гласа и о пѣніи катавасіи въ теченіе всего года.

Такимъ образомъ, въ общемъ содержаніе настоящаго Типикона во многомъ напоминаетъ собою содержаніе обычныхъ рукописныхъ Типиконовъ іерусалимской редакціи позднѣйшаго времени, XV—XVI вѣковъ. Но если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя частности этого списка Устава, то мы увидимъ и его особенности, указанныя нами отчасти и въ примѣчаніяхъ къ настоящей статьѣ, которыми онъ отличается отъ Устава іерусалимскаго. Отношеніе святогорскаго Устава къ іерусалимскому Саввы Освященнаго, генетическая связь съ нимъ перваго, а также и обрядовыя разности того и другаго для насъ станутъ болѣе понятны, если мы сравнимъ текстъ того и другаго. Для примѣра укажемъ на текстъ вечерней службы въ Великую пятницу по тому и другому Уставу. Вотъ какъ описываетъ святогорскій Типиконъ эту вечерню (Ркп. Иверск. монаст. 1878 г. стр. 100).

Во святую[1]) Великую пятницу вечеромъ, около 10 часа, знаменаютъ въ великое било, т. е. верхнее клепало (σημαίνει τὸ μέγα ἦχουν τὸ ἄνω σήμαντρον), и начинаемъ вечерню. На „Господи воззвахъ“ послѣ предначинательнаго псалма ставимъ шесть стиховъ и поемъ стихиры самогласны[2]), съ повтореніемъ ихъ и гласа 6, слава тотъ же гласъ „О како беззаконное сонмище“, и нынѣ тотъ же гласъ „Странное и преславное таинство“, входъ съ Евангеліемъ, „Свѣте тихій“, прокименъ гласъ четвертый „Раздѣлиша ризы моя себѣ“[3]) и три чтенія,

[1]) Для варіантовъ текстъ заимствуемъ изъ рукописи М. Синод. библ. 1542 г. № 380. Слова, напечатанныя курсивомъ, въ упомянутой рукописи и вообще во всѣхъ іерусалимскихъ рукописныхъ Типиконахъ не существуютъ.

[2]) Самогласенъ дня, т. е. гласъ первый „Вся тварь“ съ повтореніемъ его (δευτεροῦντες αὐτὸ τοὺς γ΄ δευτέρους) и 6 гласа „Днесь Владыка и Господь“.

[3]) Стихъ: „Боже, Боже мой, вонми ми“ и чтенія Исхода „Глагола Господь къ Моисею“, потомъ прокименъ гласъ 4 „Суди ми, Господи“, стихъ

Апостолъ и Евангеліе. Во время же чтенія Евангелія, когда чтецъ скажетъ: „Сущу же поздѣ, пріиде человѣкъ богатый отъ Аримаѳеи“, тогда берется съ мѣста поклоненія святая икона „Распятія“ и полагается (икона) „Положеніе во гробъ“, послѣ же Евангелія поставляется на поклонъ въ центрѣ храма (ἐν τῷ ὀμφαλίῳ), а по обѣ стороны ея ставятся большіе подсвѣчники (μανουάλια). Діаконъ, по Евангеліи, говоритъ: „Рцемъ вси“ по порядку. И послѣ возгласа выходитъ священникъ съ діакономъ и становятся близъ аналоя, а всѣ мы, стоя кругомъ мѣста поклоненія, поемъ стиховны: „Егда отъ древа тя мертва“ и, когда достигнемъ стихиры на слава, тогда бываетъ поклоненіе и цѣлованіе святой иконы, братія кланяются чинно по два. Послѣ „Нынѣ отпущаеши“ поемъ тропарь: „Благообразный Іосифъ“ и бываетъ отпустъ вечерни. И снова тотчасъ, по совершеніи іереемъ „Благословенъ Богъ нашъ“ внутри алтаря, поемъ малое повечеріе съ кажденіемъ на „Достойно есть“, говоримъ кондакъ: „Бездну заключивый“ и прочее и отпустъ и, получивши прощеніе, исходимъ въ келліи.

„Пріими оружіе“, чтеніе изъ Іова „Благослови Господь послѣдняя Іова“, третье чтеніе изъ Исаіи „Се разумѣетъ отрокъ мой“, потомъ псаломъ Давида, прокименъ 6 гласа „Положиша мя въ ровѣ“, стихъ „Господи Боже спасенія моего“, апостолъ къ Коринѳянамъ „Братіе, слово крестное“, аллилуія, гласъ 5 „Спаси мя Боже, яко внидоша воды“, стихъ „Поношеніе чаяше душе моя“, стихъ 3 „Да помрачатся очи ихъ“, Евангеліе отъ Матѳея „Совѣтъ сотвориша вси архіереи“, потомъ „Рцемъ вси“ и ектенья „Исполнимъ молитву нашу“ и по возгласѣ стихиры гласъ 2 „Егда отъ древа тя мертва“, стихи „Господь воцарися“ и другой „Ибо утверди вселенную“, слава и нынѣ гласъ 5 „Тебѣ одѣющагося“, „Нынѣ отпущаеши“, Трисвятое, тропарь гласъ 2 „Благообразный Іосифъ“ и отпустъ. Повечеріе же послѣ въ келліяхъ нашихъ.

Мы остановились не безъ цѣли на этомъ весьма характерномъ примѣрѣ. Изъ сдѣланнаго нами сличенія, какъ нельзя болѣе ясно, устанавливается для насъ тотъ несомнѣнный фактъ, что святогорскій Уставъ позднѣйшаго времени создался на основѣ древнѣйшаго, или, по крайней мѣрѣ, допечатнаго іерусалимскаго Типикона. Этотъ послѣдній послужилъ для святогорцевъ какъ бы канвою, по которой они вышили красивый и сложный церемоніальный обрядъ, вызываемый обстоятельствами воспоминаемаго великаго въ христіанствѣ событія и тѣмъ, что даютъ самыя богослужебныя пѣснопѣнія и чтенія, оставивъ болѣе подробное указаніе самаго порядка службы этого дня на отвѣтственности другихъ богослужебныхъ книгъ, необходимыхъ въ данномъ случаѣ. Такими нерѣдко сложными церемоніями и богослужебными обрядами переполнены въ святогорскомъ Типиконѣ службы по Тріодямъ Цвѣтной и Постной и главнымъ образомъ седмицъ Страстной и Пасхальной, потому что на это вызываютъ самыя событія настоящихъ дней. Поэтому гораздо проще по изложенію, но ближе по тексту къ первоосновѣ своей, іерусалимскому Типикону, стоитъ этотъ Уставъ, когда излагаются въ немъ службы круга годичнаго и по преимуществу службы дней обычныхъ. Даже въ изложеніи Марковыхъ главъ, какъ мы уже замѣтили, святогорскій Уставъ весьма часто повторяетъ особенности Устава іерусалимскаго. Правда, и въ этой части святогорскаго Устава есть особенности и нерѣдко довольно крупныя, отличающія его отъ іерусалимскаго (напр. служба, если Срѣтеніе или обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи случится постомъ, если Благовѣщеніе будетъ въ субботу постомъ, глава 76 о повечеріи и полунощницы въ праздники Предтечи и сорока святыхъ и др.), но онѣ не таковы, чтобы говорить объ нихъ въ общей характеристикѣ этого Устава, а главнымъ образомъ онѣ объясняются легко тѣми источниками, изъ которыхъ заимствованы въ этотъ Типиконъ.

Но указавъ на іерусалимскій Уставъ, какъ на свою первооснову или первоисточникъ, и открыто заявляя объ этомъ самымъ

заглавіемъ (Τυπικόν..., ἀθροισθὲν ἀπὸ τοῦ Τυπικοῦ ἁγίου Σάββα), святогорскій Типикопъ не скрываетъ и того, что это былъ не единственный для него источникъ, что были и другіе Типиконы, своимъ содержаніемъ, хотя и отчасти, вошедшіе въ составъ его. „Собранный изъ другихъ“ (ἑτέρων), какъ говоритъ Типиконъ Руссика, или „иныхъ“ (ἄλλων) уставовъ, какъ читаемъ въ надписаніи Типикона Иверскаго монастыря, святогорскій Уставъ самымъ текстомъ подтверждаетъ свое надписаніе и указываетъ источники по именамъ. Такъ называемые, Типиконы лѣваго хора (ἐκ τοῦ Τυπικοῦ τοῦ ἀριστεροῦ χοροῦ стр. 34, 116) и праваго (Γνώμη τοῦ δεξιοῦ χοροῦ Τυπικοῦ стр. 116), неизвѣстный (ἐν δὲ ἑτέρῳ Τυπικῷ стр. 35), Большой Типиконъ Андріанополита (ἐν τῷ μεγάλῳ Τυπικῷ τοῦ Ἀνδριανοπολίτου стр. 67) и Типикъ лавры (ἐν τῇ ἁγίᾳ λαύρᾳ τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου стр. 48)—вотъ тѣ другіе или иные уставы, выдержки которыхъ можно видѣть, напр., въ Иверскомъ Типиконѣ. Эти-то выдержки, указывая на эклективность святогорскаго Устава, въ то же время объясняютъ намъ, между прочимъ, и то обстоятельство, почему этотъ Уставъ далеко ушелъ въ развитіи своей обрядовой стороны, осложнилъ ихъ на столько, что основной текстъ іерусалимскаго Устава въ немъ, благодаря этимъ особенностямъ, едва замѣтенъ. Такимъ образомъ, сходство съ іерусалимскимъ Уставомъ, на которомъ какъ на краеугольномъ камнѣ создался нынѣшній святогорскій Уставъ, осложненіе его особенностями мѣстной святогорской практики, взятой изъ мѣстныхъ аѳонскихъ уставовъ, развитая обрядность, церемоніальность и торжественность службъ, особенно тріодныхъ, для того, чтобы придать богослуженію большую торжественность и величіе—вотъ характеристическія и существенныя особенности позднѣйшаго и современнаго святогорскаго Устава.

Примѣчаніе. Мы говорили лишь объ Уставѣ святогорскомъ аѳонскомъ, имѣющемъ нынѣ значеніе въ богослужебной практикѣ штатныхъ монастырей и киновій, и ни слова не сказали о такъ называемомъ скитскомъ Уставѣ, который держался

когда-то по одиночнымъ келліямъ аѳонскихъ пустынножителей. Это мы сдѣлали отчасти потому, что о древнѣйшемъ скитскомъ Уставѣ и его представителяхъ въ Греціи и на Руси сказано весьма обстоятельно въ книгѣ покойнаго профессора И. Д. Мансветова „Церковный Уставъ“ стр. 225 и дал., а главнымъ образомъ потому, что мы лично имѣемъ намѣреніе говорить лишь о богослужебныхъ порядкахъ важнѣйшихъ господствующихъ аѳонскихъ монастырей, практика которыхъ была предметомъ нашего наблюденія и изученія.

Б. Типиконъ Великой Церкви, или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей.

Приходскія церкви Константинополя, Аѳона и другихъ городовъ православнаго востока регулируются, при отправленіи богослуженія, Уставомъ, который весьма значительно отличается отъ Устава святогорскаго и даже Устава Саввы Освященнаго. Уставъ этотъ называется Τυπικὸν ἐκκλησιαστικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, т. е. Церковный Типикъ по чину Великой Христовой Церкви. Въ своемъ настоящемъ видѣ этотъ Типиконъ недавняго происхожденія. Его первое изданіе явилось въ свѣтъ лишь только въ 1838 году. Но начало существованія Типикона Великой Церкви почти одновременно съ началомъ появленія въ Константинополѣ „Великой Церкви“, или извѣстнаго Софійскаго храма, построеннаго императоромъ Юстиніаномъ въ VI в. Воздвигнувъ храмъ, удивившій современниковъ своимъ величіемъ и красотою, безпредѣльностію его какъ бы висящаго на воздухѣ купола, храмъ, сдѣлавшійся предметомъ подражанія до нашихъ дней въ области христіанскаго строительнаго искусства, императоръ Юстиніанъ надѣлилъ его богатою утварью, блестящею ризницею, многочисленнымъ штатомъ духовенства, клириковъ и пѣвчихъ. Храмъ сдѣлался каѳедральнымъ; въ немъ постоянно отправлялось богослуженіе архіерейское, въ присутствіи патріарха, или даже лично самимъ патріархомъ. Въ силу этого вскорѣ же и

кругъ богослуженія седмичнаго и годичнаго осложнился многими обрядами и обычаями, только благодаря тому положенію, въ которое былъ поставленъ храмъ св. Софіи, и явился Уставъ съ особенностями богослужебныхъ порядковъ этого храма. Ясныя и иногда довольно обстоятельныя указанія на этотъ Уставъ можно видѣть въ книгѣ Константина Порфиророднаго „De ceremoniis aulae Byzantinae", которая знакомитъ насъ съ обрядами патріаршей службы, съ обстановкою царскихъ выходовъ, съ нѣкоторыми данными касательно тогдашняго церковнаго года, праздничной службы, съ особенностями соборной службы въ большихъ городахъ и т. п. Книга Кодина „De officiis curiae et ecclesiae Constantinopolitanae" дополняетъ эти свѣдѣнія о порядкахъ и обычаяхъ Софійскаго храма. Ссылки на этотъ же Уставъ мы находимъ въ Ὑποτύποσις-ѣ Ѳеодора Студита[1]), въ сочиненіяхъ Никона Черногорца[2]), въ древнѣйшихъ греческихъ іерусалимскихъ Типиконахъ[3]), въ славянскомъ Уставѣ патріарха константинопольскаго (съ 1025—1049) Алексѣя[4]) и въ толкованіяхъ соборныхъ правилъ Валь-

---

[1]) Τυπικὸν ркп. М. Синод. библ. № 456, л. 142 об.; ркп. Ватопед. Аѳонск. библ. № 323. См. стр. 19, прим. 4.

[2]) Пандект. слово 29. Ркп. Церк.-археол. муз. при Кіев. дух. Акад. № 179, л. 795 об.

[3]) Такъ напр., относительно службы Благовѣщенія въ постные дни и въ первые дни Пасхи Типиконы замѣчаютъ, что послѣдованія на этотъ праздникъ изложены между прочимъ и на основаніи Типика Великой Церкви (τῷ Τυπικῷ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ἀκολουθίσαντες). Ркп. XIII в. лавры Аѳан. Аѳон. (Галис.) и многія другія рукописи этого времени.

[4]) Въ Уставѣ патріарха Алексѣя о пѣвцахъ на Воздвиженіе креста замѣчается: „старѣйшина надъ обѣма сторонама и съ тѣми отъ пѣвцевъ, иже добрѣйшая гърла имѣютъ, предъ святыми дверьми на срѣдѣ ликъ ставльше поютъ тропарь, иже во Велицѣй Церкви обычаимъ поется, сирѣчь „Днесь пророческое" (№ 330 ркп. М. Синод. библ. л. 262 об.). Обрядъ воздвиженія дѣлается „по Уставу Великія Церкви" л. 263. По Уставу Великой Церкви предпразднество Воздвиженія начинается съ 10 сентября л. 78. Чтеніе Евангелія на Пасху съ Благовѣщеніемъ совершалось

самона [1]). Непосредственное знакомство съ нѣкоторыми особенностями службъ, съ Мѣсяцесловомъ константинопольской Церкви мы можемъ сдѣлать въ настоящее время на основаніи рукописныхъ евангелій и апостоловъ, описанныхъ Мансветовымъ [2]), Ивановымъ [3]) и др. Конечно, полнаго обзора службъ, по Уставу Великой Церкви, мы не можемъ сдѣлать теперь, потому что не имѣемъ цѣльныхъ списковъ этого Устава, но со временемъ можетъ быть восполненъ и этотъ пробѣлъ въ литургической литературѣ. Наша увѣренность коренится на убѣжденіи, что со временемъ могутъ быть найдены полные списки этого Устава или въ греческомъ оригиналѣ, или же въ славянскомъ переводѣ. Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ быть отрывокъ изъ этого Устава, найденный покойнымъ А. Поповымъ въ рукописяхъ библіотели А. И. Хлудова [4]). Заглавіе этого отрывка читается такъ: „Уставъ Великія Церкви святыя Софія списанъ боголюбивымъ

„по образу синоксаря Великія Церкви“ л. 161. „Раздѣленіе службы Благовѣщенія, бывающая въ дни поста и въ Великую недѣлю обычаю Великыя Церкве въслѣдующе установихомъ“ л. 162. Пѣніе въ Великую субботу стихиры: „Преблагословенна еси Богородице Дѣво“ было по обычаю, „якоже и Великая Церквы поетъ“ л. 34. Нѣсколько выдержекъ изъ Устава № 330, указывающихъ на практику Устава Великой Церкви, сдѣлано г. Мансветовымъ въ его книгѣ „Церковн. Устав.“ стр. 231 прим. 1 и 2.

[1]) Σύνταγμα κανόνων... Πόπλη καὶ Ράλλη Αθην. 1852—59, t. IV, 448, 449.

[2]) Описаніе ркп. Апостола XI—XII в. А. Н. Муравьева, хранящагося нынѣ въ библіотекѣ М. дух. Акад., сдѣлано проф. Мансветовымъ въ книгѣ „Церковн. Устав.“ стр. 242—249.

[3]) Описаніе рукописныхъ греческихъ Евангелій и Апостола, принадлежавшихъ когда-то Таврической дух. Семинаріи, а нынѣ хранящихся въ Церк.-археол. музеѣ при Кіев. дух. Акад., сдѣлано г. Ивановымъ въ Извѣст. Императ. Спб. археол. общ. т. I (нов. сер.) и въ отдѣльныхъ брошюрахъ.

[4]) Первое прибавл. къ Описс. ркп. и кат. книгъ церковн. печати библ. А. И. Хлудова М. 1875 г. стр. 13.

архіепископомъ новгородскымъ Климентомъ“[1]). Къ упомянутымъ нами матеріаламъ для установленія того положенія, что Уставъ Великой Церкви древнѣйшаго времени представлялъ изъ себя настоящій полный списокъ Типикона примѣнительно къ богослужебнымъ порядкамъ Юстиніанова храма, можетъ быть отнесенъ слѣдующій греческій отрывокъ: Τάξις (μεγάλης ἐκκλησίας), γινομένη ἐπί τε τῷ ἑσπερινῷ, τῷ ὄρθρῳ, τῇ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ καὶ ἐπὶ τῇ χειροτονίᾳ τοῦ ἐπισκόπου. Этотъ отрывокъ открытъ нами въ канонической рукописи XV вѣка русско-аѳонскаго Андреевскаго скита. Всѣхъ перечисленныхъ нами указаній, замѣтокъ и отрывковъ достаточно для того, чтобы мы смѣло могли приступить къ знакомству съ богослужебными особенностями древнѣйшаго Устава Великой Церкви и къ его краткой характеристикѣ. Открытый нами отрывокъ суточной службы даетъ намъ весьма любопытныя особенности состава этой службы, который доселѣ оставался неизвѣстенъ, по отсутствію положительныхъ данныхъ, а посему съ него мы и начнемъ свое знакомство.

Въ субботу вечеромъ, по собраніи клира, приходитъ въ келлію митрополита остіарій[2]) (ὀστιάριος) или одинъ, или же съ

---

[1]) Упоминаемый въ настоящемъ спискѣ Устава „боголюбивый архіепископъ новгородскій Климентъ“ († 1299) былъ поставленъ въ епископа въ Кіевѣ, послѣ смерти въ 1274 году новгородскаго владыки Долмата. Онъ принималъ участіе въ усмиреніи мятежей новгородцевъ противъ князя Дмитрія въ 1281 году и противъ посадника новгородскаго Симеона Михайловича въ 1287 году, и не безъуспѣшно, а также въ неоднократномъ построеніи церквей. Его „стяжаніемъ“ была написана и положена въ церкви св. Софіи „на почитанье священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе души“ Кормчая, нынѣ хранящаяся подъ № 132 въ М. Синод. библ. Настоящій Уставъ былъ списанъ имъ, очевидно, для новгородскаго Софійскаго собора, чтобы клиръ его могъ руководствоваться имъ, при совершеніи архіерейской службы.

[2]) О должностныхъ лицахъ патріаршаго византійскаго двора, съ указаніемъ ихъ обязанностей, говорится въ письмѣ Мелетія ко всѣмъ вообще православнымъ русскимъ польской державы отъ 22 іюля 1597 года, напе-

кѣмъ нибудь изъ церковниковъ, беретъ моновамвулъ (μονοβάμβουλον)[1]) и зажигаетъ свѣчу. Въ предшествіи клира и народа впереди архіерея, входитъ архіерей въ церковь, дѣлаетъ поклонъ на срединѣ храма, потомъ цѣлуетъ по срединѣ храма стоящую св. икону и входитъ въ свою стасидію, клирики поютъ трижды, по вшествіи его туда, Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε φύλαττε. По исполненіи ими этого, архіерей трижды благословляетъ ихъ, при возглашеніи ему: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα. Потомъ бываетъ начало послѣдованія, послѣ того какъ діаконъ возгласитъ: „Благослови, владыко“, а священникъ—„Благословенъ Богъ“ или „Благословенно царство“ и по порядку обычно совершается послѣдованіе.

На „слава“ священники облачаются внутри алтаря въ фелони свои (φαινόλια), а также и діаконы, выходятъ со стороны предложенія (ἀπὸ τοῦ μέρους προθέσεως) и приходятъ къ самымъ краснымъ вратамъ храма (πλησίον τῶν ὡραίων πυλῶν τοῦ ναοῦ). По установленіи рядами іереевъ и діаконовъ тамъ по чину, приходитъ иподіаконъ, одѣтый въ короткій стихарь (καμίσιον), держа кадило и подсвѣчникъ. Подсвѣчникъ ставитъ впереди ихъ, на срединѣ, кадило отдаетъ второму изъ діаконовъ, а самъ приходитъ и становится сзади между первымъ священникомъ и вторымъ діакономъ. Когда окончена будетъ стихира, второй діаконъ, немного выступивши впередъ, возглашаетъ: „Премудрость прости“, дѣлая крестъ кадиломъ. Тогда послѣдніе діакона приходятъ, берутъ подсвѣчники и предшествуютъ входу. Входъ направляется внутрь святаго алтаря. Иподіаконъ же возвращается въ ту сторону, откуда вышелъ входъ, и оттуда входитъ во свя-

---

чатанномъ въ книгѣ проф. Кіев. дух. Акад. И. И. Малышевскаго „Александрійск. патр. Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русск. Церк.“ т. II Кіев. 1872 г., стр. 55—57. Въ упомянутомъ письмѣ патр. Мелетія эти названія должностныхъ лицъ переводятся на русскій языкъ. „Первый остіарій, держай двери къ рукоположенію“. „Вторый остіарій, держай моновамвило“.

[1]) Нѣчто въ родѣ подсвѣчника съ одною свѣчою.

той алтарь, куда направляется и самый входъ. Второй діаконъ съ кадиломъ предшествуетъ входу, останавливается предъ стасидіею архіерея и кадитъ его, потомъ отходитъ, при пѣніи священниковъ, и первый входитъ на солею. Такимъ образомъ совершается входъ. Во время пѣнія послѣ сего прокимна доместикомъ [1]) (δομέστικος) или лаосинактомъ [2]) (λαοσύναχτος) на амвонѣ, при участіи сошедшихся къ нему пѣвцовъ, архіерей садится и всѣ находящіеся здѣсь епископы, также садятся и ексокатакилы [3]) (ἐξωκατάκηλοι).

Послѣ же окончанія послѣдованія, поютъ всѣ вмѣстѣ: „Утверди, Боже, царей нашихъ, ей, Господи, на многія лѣта сохрани святое царство ихъ“ и еще Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε φύλαττε. По исполненіи сего, славословитъ архіерей и бываетъ отпустъ отъ священника. Поютъ по обычаю клирики громогласно: „Многолѣтно сотвори, Боже, святое царство ихъ на многія лѣта“ и Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε φύλαττε. Послѣ этого благословляетъ ихъ трижды архіерей, при пѣніи внизу стоящихъ: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα, выходитъ изъ своей стасидіи и, въ предшествіи клириковъ съ подсвѣчникомъ, какъ и въ началѣ, доходитъ до келліи своей. Здѣсь по обычаю, при восклицаніи народа: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα, архіерей благословляетъ ихъ однажды и отпускаетъ. Это такимъ же образомъ дѣлаетъ архіерей всегда, когда выходитъ изъ келліи своей съ тѣмъ, чтобы идти въ церковь, т. е. въ субботу вечеромъ, въ воскресенье утромъ и въ дни чтимыхъ праздниковъ.

На утро же берутъ люди архіерейскіе моновамвулъ, зажигаютъ на немъ свѣчу и идутъ съ архіереемъ въ храмъ. Когда соберутся находящіеся тамъ клирики и остальной народъ, то

---

[1]) Доместикъ перваго і втораго лику.

[2]) Народа събиратель.

[3]) Это были шесть первыхъ діаконовъ Великой Церкви, а именно: великій экономъ, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій и протекдикъ. Εὐχολογ. Goar. pag. 240 not. 54.

выходятъ на встрѣчу ему и говорятъ: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα. Архіерей благословляетъ однажды, входитъ въ свою стасидію и совершается послѣдованіе по обычаю [1]).

На великомъ славословіи совершается снова выходъ, какъ описано въ чинѣ вечерни. При пѣніи священниковъ: „Преблагословенна еси Богородице Дѣво“ до конца на таковый выходъ, впереди подсвѣчниковъ въ промежуткѣ идетъ чтецъ въ фелони, съ большимъ крестомъ въ рукахъ. Чтецъ съ крестомъ становится по срединѣ подсвѣчниковъ. Когда возвращаются въ алтарь, то онъ предшествуетъ, идетъ даже до солеи и здѣсь останавливается. Послѣ входа священниковъ въ алтарь, чтецъ входитъ на двѣ ступени амвона и читаетъ мелодично (λέγει μετὰ μέλους) „Слава въ вышнихъ Богу“. По исполненіи великаго славословія внутри алтаря священниками и діаконами, входитъ снова чтецъ и поетъ мелодично (ψάλλει μετὰ μέλους) псаломъ Давида, потомъ „Воскресни Господи“ и остальные стихи. Этотъ чтецъ сходитъ, и входитъ доместикъ или лаосинактъ на третью ступень амвона и поетъ вмѣстѣ съ остальными чтецами прокименъ. На концахъ доместикъ поетъ громко (ἦχισμα). Въ то время, когда поетъ этотъ прокименъ доместикъ, выходятъ два чтеца съ лампадами и два діакона, позади же ихъ идетъ священникъ съ святымъ Евангеліемъ въ рукахъ, одѣтый во всю священническую одежду (ἐνδεδυμένος τὴν ἱερατικὴν ἅπασαν στολήν), входитъ на амвонъ съ задней стороны и сидитъ [2]) съ діаконами до тѣхъ поръ, пока

---

[1]) Къ особенностямъ утренней службы, по Уставу Великой Церкви, нужно, между прочимъ, отнести обычай въ двунадесятые праздники читать по одной каѳизмѣ (А. Попов. перв. прибавл. къ Описан. ркп. библ. А. И. Хлудова стр. 15, 17; Горск. и Невостр. Опис. ркп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 273; Toscani ad typic. graecor. Rom. 1864 an. pag. 48, 60, 68), которая по своему содержанію была близка къ празднуемому событію.

[2]) Обычай этотъ имѣлъ мѣсто и въ практикѣ древне-русской Церкви. По поводу этого сидѣнія митрополитъ Іоаннъ II (1080—1089) въ своихъ

чтецы съ доместикомъ произносятъ прокименъ, и „Многолѣтно сотвори святое царство ихъ“ и Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Когда говорятъ „Многолѣтно сотвори“ и т. д., встаетъ священникъ и діакона. Діакона спускаются до третьей ступени амвона, чтецы съ подсвѣчниками становятся на второй ступени амвона, а на верху амвона полагается святое Евангеліе священникомъ. Второй діаконъ изъ святаго алтаря говоритъ: „Премудрость прости, услышимъ святаго Евангелія“. Священникъ имя святаго Евангелія и по порядку читаетъ святое Евангеліе. По прочтеніи его, одинъ изъ діаконовъ беретъ святое Евангеліе, относитъ къ архіерею, который цѣлуетъ святое Евангеліе, и благословляетъ его. Священникъ становится на послѣдней ступени амвона и ожидаетъ возвращенія діакона. Затѣмъ входятъ въ святый алтарь: сначала идетъ чтецъ съ крестомъ, затѣмъ чтецы, съ святымъ Евангеліемъ діаконъ и священникъ.

Во время произнесенія вторымъ діакономъ утреннихъ прошеній, священники и діаконы, находящіеся въ алтарѣ, снимаютъ облаченія свои и выходятъ, остается одинъ только священникъ, читавшій святое Евангеліе, и совершаетъ отпустъ. По отпустѣ снова бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей, по обычаю вышеуказанному на вечерни, архіерей трижды благословляетъ тогда. Остальное послѣдованіе совершается, какъ описано на отпустѣ малой вечерни (μικροῦ ἑσπερινοῦ).

На литургію архіерей является съ тѣми, которые случатся на лицо, становится въ стасидію свою, и совершается послѣдованіе по обычаю. Послѣ возвышенія святыхъ даровъ, архіерей выходитъ изъ своей стасидіи, становится передъ нею и раздаетъ народу

каноническихъ отвѣтахъ даетъ такое разъясненіе: „иже въ пѣніи „Вескресни Господи“ и „Всяко дыханіе“, „Аллилуія“ и прокименъ вечерніи церковныхъ ерѣемъ и архіерѣемъ сѣдати бѣльцемъ или простьцемъ никакоже, аще князь или царь будетъ“. Русск. Истор. библ, т. VI, 1880 г., стр. 5.

антидоръ. По окончаніи литургіи, бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей по обычаю и благословеніе народа архіереемъ.

Когда архіерей намѣревается литургисать, то собираются ексокатакилы и прочіе начальники діаконовъ и всѣ желающіе литургисать внутри стасидіи его и одѣваются въ стихари свои, равнымъ образомъ одѣваются канстрисій (καναστρίσιος)[1]) и іеромнимонъ (ἱερομνήμων)[2]). Облачается архіерей въ одежду свою двумя вышеуказанными начальниками, т. е. канстрисіемъ и іеромнимономъ и вручаетъ архіерей канстрисію канстрисій[3]), который при этомъ цѣлуетъ ему руку, а іеромнимону кондакій[4]), который подобнымъ же образомъ цѣлуетъ руку владыки. Потомъ выходитъ оттуда архіерей и приходитъ на правую сторону красныхъ вратъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ двумя первенствующими изъ ексокатакиловъ, если же ихъ нѣтъ, то канстрисіемъ и іеромнимономъ. По выходѣ архіерея изъ своей стасидіи, пѣвцы поютъ громогласно: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα, а онъ благословляетъ ихъ однажды. Прежде архіерея на опредѣленное мѣсто, какъ сказано, приходитъ подстилающій установленное подножіе (ὑφαπλοίων τὴν τεταγμένην ποδαίαν τῆς ἀλλαγῆς)[5]) и становитъ обычное сѣдалище (σέλλιον). Архіерей садится, а его окружаютъ со всѣхъ сторонъ

---

[1]) Констрисіе, надъ кошемъ, и еже измѣняти різы святителъскіа. Нѣчто въ родѣ нашего ризничаго.

[2]) Іеромнимонъ, еже възирати молитвы на задѣ архіереа, держа столецъ, и пѣснь ноа рукоположенія, иже надъ колѣны, повѣшаай надъ колѣньми образъ святителева. Это должностное лицо во многомъ напоминаетъ намъ нашего архіерейскаго чиновника.

[3]) Сосудъ для благовонныхъ ароматовъ, употребляемыхъ при патріаршемъ служеніи.

[4]) Свитокъ пергаменный или бомбицинный, намотанный на скалку и содержащій въ себѣ литургическія молитвы, писанныя съ начала свитка до конца его и обратно.

[5]) І иже на священныхъ подеахъ. Лицо, напоминающее собою нынѣшняго посошника, обязаннаго подстилать орлецы, при архіерейскихъ выходахъ изъ алтаря. Это лицо состояло послѣднимъ въ числѣ девятой пятерицы.

намѣревающіеся священнодѣйствовать діаконы. Здѣсь онъ, если пожелаетъ, поставляетъ чтецовъ, иподіаконовъ и оффиціаловъ, потомъ совершается начало божественной литургіи.

Во время послѣдованія приходятъ изъ святаго алтаря одни только священники безъ священника, совершившаго начало, и становятся по обычаю остальныхъ близъ красныхъ воротъ. Предъ входомъ приходитъ хартофилаксъ [1]) или другой изъ ексокатакиловъ вмѣстѣ съ канстрисіемъ и іеромнимономъ, или же кто нибудь иной изъ находящихся на лицо и имѣющихъ право первенства діаконовъ съ двумя другими діаконами, призываетъ епископовъ и, приводя ихъ, ставитъ на мѣсто выше, потомъ священники становятся тамъ же, архіерей восходитъ на опредѣленное мѣсто входа и становится съ епископами и священниками. Когда они станутъ тамъ, приходитъ священникъ дѣлавшій начало вмѣстѣ съ діакономъ. Діаконъ несетъ передъ грудью святое Евангеліе, священникъ такимъ образомъ слѣдуетъ за нимъ, предшествуютъ же имъ впереди чтецы съ лампадами. Чтецы становятъ подсвѣчники на опредѣленномъ мѣстѣ и уходятъ, а діаконъ передаетъ святое Евангеліе второму діакону и цѣлуетъ его архіерей на рукахъ его и, по цѣлованіи его, благословляетъ священника, совершившаго начало литургіи, и читаетъ архіерей молитву входа. По молитвѣ второй діаконъ говоритъ къ архіерею: „Благослови, владыко, святый входъ“. Архіерей благословляетъ по срединѣ и говоритъ: „Благословенъ входъ святыхъ твоихъ всегда нынѣ“. Тогда, нѣсколько отступивши отъ мѣста входа, второй діаконъ или, въ его отсутствіе, другой изъ діаконовъ произноситъ громогласно, начертывая крестъ святымъ Евангеліемъ: „Премудрость прости“, тогда удаляются крайніе діаконы, взявши подсвѣчники и совершается входъ по два въ рядъ. Когда двинется архіерей, стоящіе

---

[1]) Книгохранитель, держай церковныя книжныя оправданіа, судіа всѣхъ правъ церковныхъ, имѣай брачевныя вины, но і въ прочихъ причетниковъ винахъ отмститель, яко дѣснаа святителева рука.

по обѣимъ его сторонамъ чтецы говорятъ: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα и поютъ это трижды до тѣхъ поръ, пока онъ войдетъ на солею. Когда онъ намѣревается войдти во святый алтарь, запираютъ святыя врата его и цѣлуетъ архіерей святыя иконы, какія находятся на нихъ. Тогда пѣвцы часто и громогласно поютъ: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα. Отворяютъ двери, входитъ архіерей, при пѣніи отпустительнаго тропаря дня святаго, архіерей кадитъ кругомъ святую трапезу, потомъ беретъ у иподіакона дикирій, дѣлаетъ крестъ имъ впереди его и поклоняется и совершаетъ это трижды, потомъ отдаетъ его иподіакону. Послѣ этого совершается благожеланіе святымъ царямъ и находящемуся тогда архіерею. Доместикъ на одной изъ указанныхъ ступеней амвона произноситъ: „Господи, спаси царей“, а лаосинактъ „И услыши ны“, другой изъ чтецовъ „Слава“, потомъ произносятъ кондакъ. Второй діаконъ, обращаясь къ архіерею, говоритъ: „Благослови, владыко, трисвятую пѣснь“, показывая правою рукою конецъ ораря. Архіерей отвѣчаетъ: „Яко святъ еси Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ“ и показываетъ второй діаконъ ко внѣ стоящимъ орарь. Пѣвцы внѣ алтаря поютъ трисвятую пѣснь трижды, а архіерей произноситъ молитву трисвятой пѣсни. Поютъ однажды и внутри алтаря священнослужители. Пѣвецъ внѣ: „Благословите возвѣстить славу“, пѣвцы поютъ „Славу“ мелодично и медленно. Тогда архіерей беретъ трикирій у иподіакона, дѣлаетъ впереди святаго Евангелія, лежащаго на святой трапезѣ, три креста, поклоняется и на каждое поклоненіе говоритъ: „Господи, Господи, посѣти виноградъ сей и утверди и, егоже насади десница Твоя“. Снова поется трисвятая пѣснь внутри алтаря, стоящими кругомъ святой трапезы священнослужителями, а пѣвцы внѣ поютъ τὸ δύναμις [1])

[1]) Это вставочное слово въ нотныя богослужебныя греческія книги, когда-то обозначавшее характеръ самаго пѣнія, но въ настоящее время утратило свое первоначальное значеніе и поется на ряду съ текстомъ „Святый Боже“, какъ бы его неотъемлемая принадлежность (Разумов. церк. пѣн. въ Россіи вып. I, М. 1867 г., стр. 109).

и произносятъ мелодично и медленно трисвятую пѣснь, чтобы архіерей дошелъ и сталъ на сопрестоліе; тогда снова поютъ находящіеся въ алтарѣ священнослужители всѣ вмѣстѣ трисвятую пѣснь медленно. И когда говорятъ: „Святый Боже“, архіерей благословляетъ, также онъ благословляетъ на „Святый крѣпкій“ и на „Святый безсмертный помилуй насъ“. По исполненіи этого, архіерей садится на сопрестоліе, епископы и священники раздѣляются по ту и другую сторону предстоящихъ епископовъ.

Апостолъ читается на амвонѣ. Архіерей благословляетъ перваго епископа или священника и, по прочтеніи Апостола, епископъ или священникъ, получившій благословеніе, говоритъ къ чтецу Апостола: „Миръ ти“. Пѣвцы поютъ „Аллилуія“. Въ то время, когда поютъ это, второй діаконъ кадитъ кругомъ святую трапезу, архіерея и всѣхъ священнослужителей. Тогда хартофилаксъ или другой кто нибудь изъ имѣющихъ первенство оффиціаловъ, долженствующій читать Евангеліе, удаляется отъ архіерея съ двумя діаконами, становится предъ святою трапезою, трижды покланяется и беретъ святое Евангеліе. Послѣ того какъ онъ возьметъ его, говоритъ архіерею: „Благослови, владыко, евангелиста Матѳея, или Марка, или Луки, или Іоанна“. Архіерей отвѣчаетъ: „Богъ молитвами святаго славнаго и всехвальнаго евангелиста Матѳея, или Марка, или Луки, или Іоанна да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующихъ силою многою царь силъ“. При выходѣ его изъ алтаря, предшествуютъ два чтеца съ подсвѣчниками, за ними два діакона, потомъ чтецъ, имѣющійся на лицо, выходятъ съ правой стороны солеи, восходятъ съ задней стороны на амвонъ и становятся каждый на установленномъ ихъ мѣстѣ. При пѣніи же чтецами послѣдняго „Аллилуія“ мелодично и медленно, архіерей встаетъ съ сопрестолія, снимаетъ омофоръ свой, и обращается на востокъ и, стоя тамъ, читаетъ псаломъ: „Приклони, Господи, ухо Твое“ до конца. И когда скажетъ второй діаконъ „Премудрость прости, услышимъ святаго Евангелія“, тогда архіерей обращается къ Евангелію. По прочтеніи святаго Евангелія, архіерей произно-

сить къ читавшему св. Евангеліе „Миръ ти“. Потомъ сходитъ архіерей и остальные, архіерей приходитъ и становится предъ святою трапезою, а прочіе на установленномъ ихъ мѣстѣ. Благовѣститель приноситъ святое Евангеліе, архіерей цѣлуетъ Евангеліе и благословляетъ чтеца. Потомъ совершается по обычаю послѣдованіе, при чемъ іеромнимонъ держитъ свитокъ (χονταχιον) архіерея и прислуживаетъ ему во всемъ съ полною аккуратностію и вниманіемъ къ исполненію священныхъ и божественныхъ молитвъ.

На входъ святыхъ даровъ приходитъ иподіаконъ, подаетъ архіерею воду, и умываетъ онъ руки свои. Затѣмъ удаляются всѣ, кромѣ только архіерея и епископовъ, въ предложеніе и беретъ каждый изъ нихъ: одинъ священный сосудъ святыхъ даровъ, другой же, чтецъ Евангелія, держитъ св. дискосъ, имѣющій въ себѣ Тѣло Господне. При выходѣ оттуда святаго входа, предшествуетъ второй діаконъ, который несетъ въ правой своей рукѣ святую кадильницу, въ лѣвой же посредине локтя—омофоръ архіерея. Сзади всѣхъ святыхъ іереевъ діаконъ на плечахъ своихъ несетъ воздухъ. Впереди этого—иподіаконъ, неся въ рукахъ рукомойникъ и на плечахъ своихъ утиральникъ.

Когда совершается по обычаю послѣдованіе, во время тайныхъ молитвъ выходитъ иподіаконъ съ правой стороны святаго алтаря и становится сзади амвона. И когда возгласитъ архіерей: „Побѣдную пѣснь“, этотъ иподіаконъ поетъ мелодично: „Елицы вѣрніи“ [1]). И снова, когда архіерей возглашаетъ: „Пріимите, ядите“, иподіаконъ снова поетъ мелодично: „Елицы вѣрніи“ трижды и опять когда архіерей возглашаетъ: „Изрядно о Пресвятѣй, Пречистѣй“, этотъ иподіаконъ трижды говоритъ: „Елицы вѣрніи“. Потомъ возвращается въ святой алтарь черезъ лѣвую сторону, и тогда совершается обычное послѣдованіе божественной литургіи.

---

[1]) На эту обязанность иподіаконовъ указываетъ между прочимъ и Вальсамонъ въ толкованіи на 22 правило Лаодикійскаго собора (Прибавл. къ Чтен. Общ. любит. духовн. просв. 1878 г. кн. 3, стр. 1134).

По причащеніи святыхъ даровъ, иподіаконъ подастъ умывать руки архіерею и эти ополоски относитъ потомъ и выливаетъ въ опредѣленное мѣсто, гдѣ умываютъ руки и священники. Заамвонную молитву „Благословляя благословляющія Тя“ читаетъ совершитель проскомидіи [1]) и начинавшій божественную литургію. По прочтеніи этой молитвы, архіерей возлагаетъ орарь, раздаетъ народу антидоръ и совершается обычный отпустъ литургіи священникомъ, читавшимъ заамвонную молитву. Послѣ отпуста бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей и остальной чинъ, какъ сказано на вечерни и утрени. Потомъ входитъ въ діаконникъ, снимаетъ облаченіе при помощи двухъ начальниковъ, канстрисія и іеромнимона, и надѣваетъ свою обычную мантію тамъ въ діаконникѣ, дѣлаетъ небольшое наставленіе священнослужащимъ и удаляется въ свою келлію [2]).

Литія съ благословеніемъ хлѣбовъ, по древнѣйшему Уставу Великой Церкви, не совершалась на вечерни, но за то въ дни великихъ праздниковъ литія совершалась послѣ утрени на городской площади. Подобныя литіи имѣли мѣсто въ практикѣ византійской Церкви очень часто и отличались иногда необыкновенною торжественностію [3]). Для примѣра сдѣлаемъ описаніе литіи въ первый день мѣсяца сентября въ начало индикта. Послѣ утрени архіерей сходилъ съ своего мѣста и шелъ въ алтарь, причемъ читалась молитва схожденія. Начало не бываетъ, но діаконъ про-

---

[1]) По обычаю Великой Церкви иногда Агнецъ для литургіи вынималъ діаконъ (Мансв. Митроп. Кипріан. въ его литург. дѣятельн. М. 1882 г. стр. 139).

[2]) Канонич. сборн., ркп. аѳон. Андреев. русск. скита, XV вѣка, л. 322—326.

[3]) Литіи эти въ Великой Церкви совершались по особенному обряду, который потомъ вошелъ въ общій Уставъ и составилъ „Чинъ бываемый въ литію хотящіи Великія Церкви исходити“ (Опис. ркп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 129; Добрян. Опис. ркп. Виленск. публичн. библ., Вильн. 1882 г. стр. 314).

износитъ „Господу помолимся“. Послѣ возгласа архіерей „Миръ всѣмъ“, архидіаконъ „Главы наша“. Чтецы поютъ трисвятое, и всѣ шли на площадь. Послѣ чтецовъ пѣлъ то же самое народъ на площади и, діаконъ произносилъ молитву антифоновъ безъ возгласа „Благослови владыко“, но прямо „Миромъ Господу помолимся“. Поются антифоны: „Блаженъ мужъ“ съ припѣвомъ: „Заступи мя Господи“ [1]), „Вскую шаташася языци“ съ тройнымъ „Аллилуіа“ и „Тебѣ подобаетъ пѣснь Боже въ Сіонѣ“ съ тропаремъ „Прибѣжище и сила“. За антифонами слѣдовалъ тропарь: „Яко сущая во истину Богородица“ и ектенья, произносимая архіереемъ: „О благосостояніи всего міра“, „О благочестивыхъ нашихъ царяхъ“, „О еже неколеблему и несожигаему и необагряему“. По ектеньи архіерей благословляетъ народъ трижды, садится на сѣдалищѣ и читается Апостолъ, послѣ котораго читаетъ архіерей Евангеліе. Діаконъ повторяетъ за архіереемъ читаемое: „Во время оно вниде Іисусъ въ Назаретъ“. Во время сугубой ектеньи, архіерей благословлялъ народъ и возглашалъ „Яко милостивъ“ и „Миръ всѣмъ“, архидіаконъ „Главы наша“, архіерей читалъ молитву на главопреклоненіе и произносилъ возгласъ „Твое бо есть еже миловати“. При пѣніи тропаря „Всея твари Содѣтелю“ процессія возвращалась въ халкопратію и совершалась литургія съ антифонами по обычаю [2]).

При обозрѣніи богослужебныхъ особенностей круга годичнаго, по Уставу Великой Церкви древнѣйшаго времени, мы не будемъ перечислять ихъ всѣхъ подробно, а остановимся для своей

---

[1]) Это мѣсто настоящей рукописи г. Ивановъ (греческое ркп. Еванг., находящ. въ библ. Тавр. дух. Семин. стр. 25), а за нимъ и о. протоіерей К. Никольскій (О служб. русск. церкв., бывшихъ въ прежн. печатн. богосл. книгахъ, СПБ. 1885 г. стр. 110) читаютъ не вѣрно, а именно такъ: „вмѣсто аллилуія, Господи помилуй“, чему противорѣчитъ даже греческій текстъ, приводимый ими въ указанныхъ мѣстахъ.

[2]) Εὐαγγελ. ркп. Церк.-археол. муз. при Кіев. дух. Акад. № 502, л. 222 об., 223 об., 224.

цѣли лишь на болѣе или менѣе выдающихся. „Поклоненіе честному древу ствяряется въ Велицѣй Церкви“ съ 10 сентября. 11 сентября пѣли тропарь „Спаси Господи“ и вмѣсто трисвятаго—„Кресту Твоему“. Чтенія изъ Апостола и Евангелія положены примѣнительно къ воспоминаемому событію. По поводу предпразднества вообще въ Уставѣ замѣчено: „Подобаетъ вѣдати[1]), яко 4 дни поклоненіе честнаго древа преже ствяряется въ сборнѣй церкви отъ заутрьняго часа до воздвиженія честнаго и Божественнаго дрѣва. На литургіи, мужемъ и женамъ съходящемъся, по обычаю, глаголются антифоны, а въ трисвятаго мѣсто „Кресту Твоему“. Прежъ празнуимъ Кресту 4 дни, по четвертомъ же на 10 дни мѣсяца не поется“.

Канунъ праздника Воздвиженія описывается такъ: „По литургіи, по вознесеніи Честьнаго Креста катихуми (въ катихуменъ?) хартофилареве помыютъ съсудохранильницю теплою водою и обяжитии багряными гоитаны и поясомъ, посемъ изидетъ епископъ въ фелони и въ омофорѣ посредѣ катихуменъ, выше церковьныхъ двьрии и перекрестивъ 3-шьд, видящемъ долѣ людемъ и славящемъ Бога, и положитъ паки въ крестильници, и по сѣмь вносить въ прѣтворы. По отворени же церковьнѣмь и по всѣмь пѣніи и по коньчьнѣмь „Господи помилуй“, бываетъ въходъ святителеви и абіе прокименъ „Господь воцарися“ и по 3-мь антифонѣ и по малыхъ дьяконьницѣхъ бываетъ паремья, чьтеніе 1 отъ Исхода „Поятъ Моиси“, конецъ „Ицѣляя“, чтеніе 2 отъ Приточь „Сыну не изнемагай“, конецъ „Яко на Господа тверда“, чтенье 3 отъ Пророчествъ „Тако глаголетъ Господь отвьръста

---

[1]) Греческій текстъ этого замѣчанія можно видѣть въ Апостолѣ рукоп. Церк.-арх. муз., но съ прибавленіемъ: „Это послѣдованіе бываетъ въ Великой Церкви, во внѣшнихъ же церквахъ говорятся антифоны по обычаю, а на третьемъ антифонѣ говорится вышеписанный тропарь: „Спаси Господи“, слава и нынѣ, кондакъ „Вознесыйся на крестъ“. Вмѣсто трисвятаго „Кресту Твоему“.

будуть", конецъ „Богъ израилевъ" писана на ряду, и абіе поютъ пѣвьци трьпарь гласъ 1 „Спаси Господи люди Своя", стихъ 1 „Господь воцарися да гневаются людіе", стихъ 2 „Возносите Господа Бога нашего". И по скончаньи панухиди, и идуть съ кресты на торговище, поюще кондакъ „Вознесыйся" и бываетъ октѣнія, 40 „Господи помилуй" и молитва, посемь главъ поклонѣніе и отпустить людіе" [1]).

22 декабря праздновалось воспоминаніе отверзенія Великой Церкви, при освященіи ея, послѣ возобновленія въ 562 г. Въ этотъ день предъ началомъ литургіи совершалась литія на площади. На пути пѣли тропарь гл. 4 „Градъ твой, Богородице, въ тебе царствующій", а при возвращеніи въ храмъ—тропарь „Градъ нашъ, Господи, яко вселенныя око отъ всякаго Твоего праведнаго прещенія свободи". По возвращеніи оттуда, когда подойдутъ къ великой иконѣ Спасителя, то поютъ „Слава Тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвала", а когда станутъ у серебряныхъ вратъ Великой Церкви, то говорятъ „Возьмите врата" и входятъ въ церковь. По входѣ пѣли кондакъ 4 гласа „Яко высшую тверди", затѣмъ слѣдовало трисвятое, прокименъ гласъ 3 „Велій Господь нашъ", Апостолъ и по порядку литургія.

Если этотъ день приходится въ недѣлю св. отецъ, то литія совершалась по окончаніи утрени. Патріархъ входилъ въ алтарь боковою дверью, облачался и выходилъ на амвонъ, гдѣ дѣлалъ начало. Спустившись на третью ступень, кандиловозжигатели зажигали свѣтильники патріарха, такъ какъ, по окончаніи утрени, свѣчи тушились. Процессія направлялась изъ храма на площадь, а оттуда возвращалась съ тѣми же церемоніями, которыя описаны выше [2]).

---

[1]) Поповъ. Первое прибавл. къ опис. ркп. библ. А. И. Хлудов. стр. 16, 17.

[2]) Мансвет. Церковн. Устав. стр. 239; Иванов. греческ. ркп. Апостолъ, принадлеж. ц. въ г. Керчи стр. 9.

23 декабря праздновалось освященіе св. Божіей Великой Церкви. Тропарь пѣли „Возьмите врата князи ваша“, а вмѣсто Херувимской „Да молчитъ всякая плоть“ [1]).

На канунѣ Рождества Христова и Богоявленія совершаются такъ называемыя царскіе часы, за которыми присутствовалъ царь и произносилось многолѣтіе ему. Многолѣтіе это имѣло такую форму: „Многолѣтно сотвори Богъ святое царство ихъ на многа лѣта“. Немного помедливъ, діаконъ произносилъ: „Многолѣтно сотвори Богъ державное и святое царство ихъ на многа лѣта“ и „Многолѣтно сотвори Богъ боговѣнчанное, богопареченное, богособлюдаемое державное царство ихъ на многа лѣта“. Многолѣтіе произносилось на девятомъ часѣ, послѣ пѣнія стихиръ [2]).

Наканунѣ Богоявленія совершалось водоосвященіе въ самой церкви въ сосудѣ предъ престоломъ [3]).

Если праздникъ Срѣтенія приходился въ понедѣльникъ первой недѣли поста, то служили полную литургію съ часами [4]).

Въ какой бы день поста не приходился праздникъ Благовѣщенія, даже еслибы случился на Страстной недѣли въ пятницу, совершалась полная литургія [5]).

1 августа совершался выносъ креста и поклоненіе ему. Въ ближайшее воскресеніе къ этому дню крестъ выносился изъ дворца и съ нимъ, при пѣніи стихиръ кресту, обходили всѣ дворцовыя

---

[1]) Иванов. греческ. ркп. Апост. стр. 10.

[2]) Τυπικ. ркп. М. Синод. библ. № 381, л. 199; № 484, л. 138; Τάκτικ. ркп. той же библ. № 279, л. 202 об., 168, 180; Устав. ркп. Солов. библ. № 1128, л. 132 об., 133; ркп. св. казанск. Варсонофія л. 263; ркп. Типограф. библ. № 288, л. 166 об., 167; № 289, л. 200 об., 201; ркп. М. Сѵнод. библ. № 331, л. 131 об.; № 337, л. 189 об.; Изв. Имп. археол. общ. 1863 г., т. VI, стр. 141.

[3]) Мансвет. стр. 240; Иванов. стр. 11.

[4]) Мансвет. стр. 235.

[5]) Указаніе на это находимъ во всѣхъ рукописныхъ типиконахъ греческихъ и славянскихъ.

помѣщенія. Затѣмъ каждый день съ нимъ ходили по городу и городскимъ стѣнамъ, а 13 числа переносили въ обычное мѣсто его храненія, т. е. во дворецъ [1]).

Въ среду и пятницу Сырной недѣли служили литургію преждеосвященныхъ даровъ [2]).

Наканунѣ перваго воскресенія поста или недѣли Православія патріархъ со всѣми епископами и софійскимъ клиромъ служилъ всенощное бдѣніе во Влахернскомъ храмѣ. Утромъ крестный ходъ шелъ сначала на площадь изъ этого храма для совершенія литіи, а потомъ въ Великую Церковь, гдѣ распорядитель читалъ исповѣданіе истинныхъ догматовъ [3]).

Въ первые три дня Страстной седмицы положены панихиды съ прокимнами и чтеніями Евангелія. Кромѣ этого на „Да исправится молитва моя“ читали 4 псаломъ и Евангеліе [4]).

Въ Великій четвергъ обрядъ умовенія ногъ совершался предъ литургіею въ притворѣ. Послѣ третьяго и шестаго часовъ совершалось омовеніе святой трапезы. Въ этотъ же день освящали муро. На вечернѣ пѣли тропарь „Покланяемся копію“, по случаю поклоненія копію, которымъ былъ пробожденъ Спаситель на крестѣ. Послѣ входа не было трисвятаго и ектеньи, но тотчасъ патріархъ входилъ на горнее мѣсто [5]).

Въ Великую пятницу совершалась литургія преждеосвященныхъ даровъ [6]).

На утрени въ Великую субботу „Блажени непорочніи“ и съ припѣвами пѣлись „народа ради“, т. е. чтобы народъ собрался въ храмъ, не прежде канона, но послѣ девятой пѣсни его

---

[1]) Мансвет. стр. 238.

[2]) Migu. Curs. Complet. t. 155 pag. 905.

[3]) Мансвет. стр. 236.

[4]) Ibid. стр. 244; Иванов. стр. 5.

[5]) Ibid. стр. 237; ibid. стр. 5, 6.

[6]) Ibid. стр. 244; Иванов. греческ. ркп. Евангел., наход. въ библ. Тавр. дух. Сем. стр. 23.

и свѣтильна. Самое пѣніе этихъ непорочныхъ совершалось съ тѣми же особенностями, которыя не чужды и современной намъ практикѣ. Пѣлись непорочны предъ иконою „Уныніе Господа нашего Іисуса Христа“. Предъ великимъ славословіемъ совершался выходъ. Впереди шелъ діаконъ съ Евангеліемъ, прочіе діаконы съ кадиломъ, а священники—со свѣчами. Пѣвцы пѣли въ это время „Днешный тайно“. Послѣ „слава“ святитель съ архидіакономъ возглашали „Премудрость“, а священники пѣли стихиру „Преблагословенна еси, Богородице“ и затѣмъ великое славословіе. Священники и діаконы, по окончаніи великаго славословія, поднимали плащаницу надъ головою святителя, который держалъ въ рукахъ малое Евангеліе. Впереди святителя шелъ архидіаконъ, имѣя въ рукахъ большое Евангеліе. Святитель пѣлъ три раза „Святый Боже“, священники и народъ повторяли то же трижды. На срединѣ храма пѣніе возобновлялось, а затѣмъ шли въ алтарь, гдѣ Евангеліе и плащаница полагались на престолѣ. Клиръ пѣлъ „Благообразный Іосифъ“ и нынѣ „Мѵроносицамъ женамъ“ и читали тропарь пророчества и пареміи [1]).

На литургіи пѣли два антифона: первый и послѣдній, „Господи воззвахъ“ со стихирою „Живоначальное Твое возстаніе славимъ“ и другой 3 гл. „Живоносное Твое возстаніе славимъ“. Послѣ произнесенія „слава“ восходитъ патріархъ на сопрестоліе и преподаетъ миръ. Тотчасъ говорится прокименъ „Вся земля да поклонится Тебѣ“ съ стихами „Воскликнете Господеви“ и „Рцыте Богу коль страшна дѣла“ и читаются пареміи. На второмъ чтеніи „Свѣтися, свѣтися“ патріархъ сходитъ съ сопрестолія, идетъ въ великую крестильницу и совершаетъ крещеніе. На его мѣстѣ и на сопрестоліи полагается Евангеліе до втораго входа. Чтенія прерывались пѣніемъ стиховъ: „Поимъ Господеви“ и „Благословите вся дѣла“. Во время послѣдней пѣсни священники

---

[1]) Требн. ркп. М. Синод. библ. № 310, л. 84—92; слич. Иванов. Греческ. ркп. Апост. стр. 6.

и діаконы облачаются въ бѣлыя одежды. Возвращаются новокрещенные изъ крестильницы. Имъ предшествуетъ пѣвецъ съ пѣніемъ „Блажени ихъже оставишася“. Второй стихъ произносился въ серебрянныхъ вратахъ, а третій—на амвонѣ, когда пѣвецъ перемѣнитъ свой стихарь на бѣлый и замѣнитъ поющаго „Благословите“. Совершается второй входъ въ молчаніи (ἡσυχῇ), поется „Елицы во Христа“ и читается безъ прокимна Апостолъ [1]). Вмѣсто аллилуія пѣли „Воскрени Боже“ до конца весь псаломъ. На 3 стихѣ садились и „сидѣли до конца псалма“. При пѣніи снова „Воскресни Боже“, встаютъ и стоятъ до конца Евангелія „на востокъ зрящемъ“ [2]).

Звонъ къ заутренѣ на Пасху начинался въ 9 часу ночи „како есть Великая Церковь узаконена“. Патріархъ и священники, облачившись, начинали „агриннію“, по окончаніи которой пѣли кондакъ и икосъ и совершали отпустъ. Начиналось чтеніе „въ адъ сошествіе“. Затѣмъ патріархъ, священники и народъ выходили въ притворъ, становились предъ вратами церковными и дѣлали крестъ „на вратахъ“. Въ церкви для отвѣтовъ оставался одинъ изъ священниковъ. Патріархъ кадилъ церковь и народъ, громко произносилъ „Слава святѣй“ и трижды пѣли на 5 гласъ „Христосъ воскресе“. Патріархъ произносилъ стихи: 1) „Да воскреснетъ Богъ“, 2) „Яко исчезаетъ дымъ“, 3) „Яко таетъ воскъ“, 4) „Исповѣдайтеся Господеви“, 5) „Да речетъ нынѣ домъ израилевъ“, 6) „Да рекутъ нынѣ вси боящіися“ и 7) „Сей день иже сотвори Господь“. При пѣніи „Христосъ воскресе“, всѣ входили въ церковь. Патріархъ останавливался предъ царскими дверями и произвосилъ „Составите праздники“, „слава“ и „и нынѣ“, на что клиръ отвѣчалъ пѣніемъ „Христосъ воскресе“. Всѣ становились на свои мѣста и начинали пѣть канонъ: ирмосъ по дважды, а тропари по 4 раза. Послѣ канона пѣли стиховны, во время которыхъ выносили Евангеліе и

[1]) Мансвет. стр. 244—246; Иванов. стр. 6.

[2]) Устав. XII в. ркп. Типогр. библ. № 285, л. 9.

полагали на срединѣ церкви. Евангеліе цѣловали патріархъ и священники, которые затѣмъ христосовались другъ съ другомъ и расходились по своимъ мѣстамъ. При цѣлованіи Евангелія народомъ, пѣли „слава и нынѣ“, „Воскресенія день“. Пѣніемъ тропаря „Веселитеся небеса и радуйся земле“, слѣдовавшимъ за стиховнами непосредственно, ектеніею и отпустомъ чинъ пасхальной утрени оканчивался [1]).

Такимъ образомъ съ несомнѣнностію можно констатировать на основаніи настоящихъ данныхъ, что Мѣсяцесловъ и Тріоди отличались по Уставу Великой Церкви полнотою хотя и не въ такой степени, какъ это было присуще преемникамъ настоящаго Устава—студійскому и іерусалимскому. Службы были обставлены необыкновенною церемоніальностію, торжественностію, благодаря многочисленному штату духовенства Софійскаго храма и множества оффиціаловъ, исправлявшихъ тѣ или другія обязанности при патріархѣ, а также преобладаніемъ пѣнія, благодаря большому количеству прекрасныхъ пѣвцовъ, состоявшихъ въ штатѣ при соборѣ. Во множествѣ богослужебныхъ обрядовъ и церемоній видна живая связь богослужебной практики съ первохристіанскою практикою. Всенощныя бдѣнія не составляютъ неотъемлемой принадлежности Устава Великой Церкви, какъ въ Уставѣ іерусалимскомъ св. Саввы Освященнаго, но они и не отсутствуютъ совершенно, какъ въ Уставѣ Ѳеодора Студита. Всенощныя бдѣнія, которыя въ Уставѣ Великой Церкви называются иногда панихидами, совершались торжественно наканунѣ великихъ праздниковъ и мѣстныхъ константинопольскихъ торжествъ по поводу какихъ нибудь знаменательныхъ событій въ исторіи политической или религіозной. Количество стихиръ на „Господи воззвахъ“ не превышаетъ шести, даже и для великихъ праздниковъ. Въ службахъ вечернихъ и утреннихъ особенною торжественностію обставляются

[1]) Сборн. апост. и еванг. чтен., болгар. ркп. аѳонск. русск. Пант. мон. л. 52.

выходы. Великое славословіе читалось. Евангеліе утреннее произносилось въ концѣ утрени послѣ великаго славословія.

Уставъ Великой Церкви, образовавшійся по потребностямъ лицъ не монашескаго чина, благодаря тому положенію какое занимала церковь св. Софіи, какъ храмъ каѳедральный, въ которомъ часто происходили богослуженія патріарха и епископовъ и притомъ въ присутствіи царя и синклита, по своей примѣнимости и удобству пользованія, былъ принятъ и въ другихъ каѳедральныхъ храмахъ разныхъ провинцій византійской имперіи. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что „изъ этого божественнаго храма (т. е. св. Софіи), говоритъ Симеонъ Солунскій, какъ потоки, потекли по всей землѣ іерархи, орошая и оживляя церкви и души вѣрующихъ“, которые въ своемъ теченіи увлекали и заносили обряды и обычаи константинопольской Церкви въ подражаніе этой послѣдней [1]). Само собою понятно, тѣмъ же подражаніемъ, но уже мѣстнымъ соборнымъ церквамъ, объясняется распространеніе Устава Великой Церкви по церквамъ приходскимъ, городскимъ и даже сельскимъ [2]). Вообще принятіе этого Устава въ другихъ церквахъ не было никогда дѣломъ обязательнымъ, хотя попытки подобнаго рода со стороны единичныхъ личностей и существовали [3]), а потому на ряду съ этимъ Уставомъ продолжали существовать Уставы мѣстные - ктиторскіе [4]).

---

[1]) Mign. Patrol. Curs. Complet. t. 155 pag.

[2]) Ἕτερον δε ἐστὶ (Τυπικὸν) τὸ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ὅπερ δὴ καὶ πάσαι εἶχον ἐκκλησίαι. Mign. t. 155 pag. 908.

[3]) Примѣръ въ этомъ случаѣ можно видѣть въ отвѣтѣ Вальсамона патр. александрійскому Марку. „Всѣ Церкви Божіи, говоритъ Вальсамонъ, должны слѣдовать обычаю новаго Рима или Константинополя“ (Σύνταγμα κανόνων IV, 448).

[4]) „И сія (т. е. особенности въ вечернѣ и Сыропустной недѣли) сущихъ ради во градѣхъ, говорится въ современномъ греческомъ Уставѣ Великой Церкви, а иже суть въ монастырѣхъ да послѣдуютъ древнимъ ктиторовъ ихъ уставомъ (Типикомъ)“. Типик. Велик. Церк. 1860 г., стр. 132.

Появленіе уставовъ іерусалимскаго и студійскаго въ практикѣ византійской Церкви вытѣснило многіе порядки и обычаи Великой Церкви, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ вошли прямо цѣликомъ въ уставы эти и главнымъ образомъ въ Уставъ Ѳеодора Студита. Симеонъ Солунскій, сообщившій весьма немало свѣдѣній о первональномъ Уставѣ Великой Церкви, указываетъ причину упадка литургическаго значенія этого Устава между прочимъ въ стѣсненныхъ политическихъ обстоятельствахъ Византіи, которыя наступили въ XIII столѣтіи со времени нашествія крестоносцевъ. Частнымъ же образомъ эти обычаи продолжали еще держаться въ Солуни и во время Симеона Солунскаго и не прекращались даже совершенно послѣ взятія Константинополя турками 1453 года. Хранительницею этихъ преданій была патріаршая константинопольская церковь, хотя обычаи и порядки этой церкви въ это время не отличались уже ни тѣмъ блескомъ, ни тою торжественностію, какіе мы видѣли въ храмѣ св. Софіи. Тяжкія времена для греческой Церкви заставили отъ многаго отказаться изъ прежней своей практики и ютиться исключительно въ стѣнахъ своихъ полутемныхъ базиликъ. Преданія и обычаи древнѣйшаго времени держались отчасти въ практикѣ, отчасти перешли въ патріаршій евхологій, а отчасти, наконецъ, въ рукописныя записи, существованіе которыхъ едва ли можетъ подлежать какому нибудь сомнѣнію. Что касается приходскихъ церквей провинцій, то тамъ былъ принятъ печатный венеціанскій Типиконъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1545 году, конечно, съ соблюденіемъ прежнихъ богослужебныхъ порядковъ. Однако венеціанскій Типиконъ не могъ удовлетворить приходское духовенство, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ монастырскую практику. Стѣсненное положеніе греческой Церкви среди иновѣрнаго мусульманскаго царства, мірскія хлопоты и заботы не даютъ возможности выполнить съ точностію всѣ предписанія печатнаго Типикона, напрасно лишь отягощающія приходское духовенство, которое всячески старалось освободиться отъ Типикона, приход-

скими церквами трудно выполнимаго. Этого оно и достигло лишь только наступили для греческой Церкви нѣсколько благопріятныя времена. Въ 1838 году, съ благословенія приснопамятнаго патріарха константинопольскаго Григорія VI, въ Константинополѣ вышелъ въ свѣтъ подъ редакціею Константина, протопсалта Великой Церкви, первымъ изданіемъ Τυπικὸν ἐκκλησιαστικὸν παρὰ τὸ ὄφος τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας[1]). Этотъ Типиконъ прямо назначался издателемъ для пользы и для однообразія повсюду въ православныхъ церквахъ, особенно же приходскихъ (πρὸς ὠφέλειαν καὶ ὁμοφωνίαν τῶν ἁπανταχοῦ ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν, μάλιστα δὲ τῶν κατὰ πόλεις καὶ κώμας εὑρισκομένων), такъ какъ въ силу изданія новыхъ Миней, въ которыхъ помѣщались между прочимъ и отрывки изъ Типикона, весьма часто содержащіе въ себѣ новыя чинопослѣдованія, неизвѣстныя въ другихъ церквахъ, въ богослуженіи греческой Церкви замѣчалось столь великое разнообразіе, что на одинъ и тотъ же праздникъ совершались различные обычаи и обряды, и притомъ не только въ разныхъ мѣстностяхъ и городахъ, но и въ одномъ и томъ же городѣ въ различныхъ лишь церквахъ. Это разнообразіе еще болѣе зависѣло отъ того, что ощущался большой недостатокъ „въ опытныхъ въ уставѣ предстоятеляхъ, екклисіархахъ, кононархахъ и уставщикахъ“, какъ объясняетъ предисловіе Типикона 1868 года. Однако, установляя однообразіе изданіемъ настоящаго Типикона, Великая Церковь вовсе не претендовала на то, чтобы этотъ Уставъ ея былъ принятъ повсюду, всѣми церквами. Напротивъ, она оставляла просторъ уставамъ до сего времени господствовавшимъ, уставамъ мѣстнымъ и ктиторскимъ, и по этому поводу высказала даже свое чрезвычайно интересное замѣчаніе въ предисловіи къ изданію Устава 1851 года. „Но убо общему правилу и уставу пребывающу томужде и неизмѣнну, говоритъ предисловіе болгарскаго Типикона 1860 года, переведенное съ греческаго изданія Типи-

[1]) Τυπικ. edit Constantinop. 1838 an., praefac. Τοῖς ἐντευξομένοις.

кона 1851 года, позволено есть обаче святѣйшимъ церквей предсѣдателемъ, имже духовное онѣхъ ввѣрено есть строеніе, чинорасполагати въ знаніи священный Уставъ, по потребамъ временъ и мѣстъ и по обстоятельствамъ въ церкви на молитву собравшихся людей, опредѣляющимъ мѣста и часы, ей убо и продолженіе или сокращеніе (никогда же обаче усѣченіе или изъоставленіе) священныхъ обрядовъ, взирающымъ ко управленію, еже подъ ними христоименитаго исполненія: во иныхъ бо обстоятельствахъ имутъ совершати молитву сущіи въ мирѣ и отрадѣ и благостояніи, во иныхъ сущіи въ весѣхъ и градѣхъ, а во иныхъ сущіи въ пустыняхъ и въ путешествіяхъ и въ войнѣ, во иныхъ въ священныхъ обителехъ живущіи, а во иныхъ иже въ отшельничествѣ и молчальничествѣ ангельски подвизающіися: кромѣ же сихъ суть по мѣстомъ особніи праздницы помѣстныхъ святыхъ, особную изыскующіи свѣтлость, въ томъ множае, нежели въ ономъ градѣ, или обители: отъ сихъ убо мнози бы были устави (Типицы), существомъ убо и общимъ правиломъ тіижде, якоже речеся и неизмѣнніи, тоюжде обложени простотою апостольскія древности, кратка же и несущественна приназначающе измѣненія, соразмѣрно выше реченнымъ обстоятельствамъ. Сице имѣемъ Уставъ (Типикъ) іерусалимскія церкве, иже и святаго Саввы глаголется, и иныя иныхъ святыхъ церквей и честныхъ монастырей святоименныя же горы Аѳонскія и богошественныя горы Синайскія: сицевъ же нѣкій бы былъ и иже прежде десяти уже лѣтъ мною (т. е. Константиномъ протопсалтомъ) сочиненный и отъ ветхихъ назначеній (замѣчаній) составленный Уставъ Христовы Великія Церкве и тупомъ изданный при святѣйшемъ и славнѣйшемъ преждемъ патріарсѣ константинопольстѣмъ Григоріи шестомъ“ [1]).

[1]) Типик. церковн. изд. Констант. 1860 г. стр. 4, 5.

Но этого еще мало. Уставъ Великой Церкви этого изданія открываетъ свои страницы для свободнаго наполненія новыми службами и новыми чинопослѣдованіями въ честь новыхъ святыхъ и даже предполагаетъ возможность появленія новыхъ типиконовъ сообразно съ потребностями своего времени. „И понеже не оскудѣютъ никогда Христу воини и избранніи угодницы, говоритъ тотъ же Типиконъ, никогда же убо престанетъ наращающи и умножающися словесная сія церковная утварь, елико наращаетъ и новое церковное мученикословіе и христіанъ, еже ко святымъ благоговѣніе и благодареніе соблюдается цвѣтуще и не умаляемое. Отъ приложенія же новыхъ послѣдованій никакоже повреждается общій сей Уставъ и правило уставленнаго апостоло-преданнаго послѣдованія“ [1]).

Составъ Типикона Великой Церкви въ изданіи 1838 года таковъ: вводная часть, состоящая изъ порядка воскресной службы, замѣчаній относительно пѣній тропарей на раздробленіи хлѣбовъ, относительно литургій св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ, о неприличіи въ пѣніи (75 правило 6 Вселенскаго собора), о недозволеніи читать въ церквахъ постороннимъ (15 прав. Лаод. соб.) и о молчаніи во время богослуженія (изъ іерусал. Типик.); первая часть, излагающая порядокъ нѣкоторыхъ службъ по Синаксарю; вторая часть, содержащая подробныя указанія для службъ по Тріодямъ Постной и Цвѣтной; третья и послѣдняя часть содержитъ въ себѣ разныя литургическія замѣчанія, какъ напр., о праздникѣ Срѣтенія, если онъ придется въ понедѣльникъ первой недѣли поста, о праздникѣ св. Константина, если онъ приходится въ субботу Пятидесятницы, о праздникахъ, въ которые патріархъ становится на тронъ, объясненія нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній и καταλογος τῶν φιλογένων συνδρομήτων.

---

[1]) Ibid. стр. 4, прим. 1.

Въ слѣдующихъ изданіяхъ Типикона, бывшихъ въ 1851, 1868, 1884 и 1885 годахъ перемѣнъ въ составѣ Типикона мы замѣчаемъ немного. Мѣняются обыкновенно главнымъ образомъ предисловіе и статьи въ концѣ Устава. Такъ напр., въ изданіяхъ 1868 и 1884 годовъ мы видимъ въ послѣдней части чинъ освященія храмовъ, чинъ возведенія въ патріаршество въ первый и во второй разъ, чинъ избранія патріарха, чинъ поставленія правителя, о звонѣ въ Господскіе праздники, правила относительно брака и чинъ послѣдованія умершихъ. Въ изданіи 1885 года въ Аѳинахъ къ этимъ статьямъ прибавлены еще указанія на службы въ дни царскіе и народныя празднества и изложенъ порядокъ ихъ. Что касается Мѣсяцеслова, то онъ не отличается тою полнотою, какая присуща Мѣсяцеслову другихъ типиконовъ—студійскому, іерусалимскому или даже святогорскому. Здѣсь помѣщены службы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ и только болѣе или менѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ. Поэтому въ первомъ изданіи Типикона количество службъ синаксарныхъ не превосходитъ 73, а въ послѣдующихъ изданіяхъ его до изданія 1885 г. это количество колеблется между 92 и 94 службами.

Типиконъ, изданный Константиномъ протопсалтомъ въ 1838 г., былъ переведенъ на славянскій языкъ и принятъ для практическаго употребленія въ болгарской Церкви. Переводъ этотъ сдѣланъ былъ съ изданія Типикона Великой Церкви 1851 года и получилъ такое заглавіе: „Типикъ церковный по чину Христовы Великія Церкви, собранъ убо отъ Константина протопсалта Великія Христовы Церкве, преведенъ же съ греческаго отъ втораго его изданія и приспособленъ, елико возможно бѣ, къ славянскимъ церковнымъ книгамъ Неофитомъ, іеромонахомъ Рыльскимъ, учителемъ славянскаго языка въ богословскомъ, еже въ островѣ Халки, училищи Великія Христовы Церкве, и нынѣ второ изданъ Георгіемъ К. Протопсалтовичемъ, въ Константинополи, въ патріаршей типографіи 1860 года“. Когда было сдѣлано первое изданіе славянскаго Типикона Великой Церкви мы не

знаемъ, такъ какъ первое его изданіе намъ не извѣстно, а посему и не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи это изданіе стоитъ къ своему прототипу. Что же касается втораго изданія 1860 года, то, имѣя его подъ руками, мы смѣло можемъ утверждать, что этотъ Типиконъ былъ переводомъ греческаго оригинала съ небольшими лишь измѣненіями примѣнительно къ славянскимъ Минеямъ. Самъ издатель о своемъ трудѣ въ этомъ отношеніи даетъ самую вѣрную и точную характеристику въ обращеніи къ читателю. „Извѣстно буди, о читателю, говоритъ іеромонахъ Неофитъ, яко стихиры, тропари, кондаки, сѣдальны, ексапостиларіи, канони и прочая нѣкая въ славянскихъ Минеяхъ не вездѣ согласуютъ съ сущими въ греческихъ, того ради вѣждь, яко Типикъ сей опредѣляетъ по большей части по греческимъ, ты же, аще хощеши послѣдовати чину Великія Церкве, придержися славянскихъ руководствуемъ отъ здѣшнихъ опредѣленій: сей бо Типикъ опредѣляетъ все тако, якоже въ здѣшнее время бываетъ въ Велицѣй Церкви. Многа же и приведошася здѣ отъ греческихъ Миней къ большему согласію правила церковнаго. При иныхъ убо несогласіяхъ, зримыхъ въ Минеяхъ, даже и въ гласѣхъ нѣкогда не согласуются“ [1]). Указавъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ несогласій Миней славянскихъ съ греческими, переводчикъ въ другомъ мѣстѣ заключаетъ: „Сіе (т. е. разногласіе) не причиняетъ никаковаго вреда правилу церковному, зане вся суть свята, изрядна и благочинна и та и другая: ты же, читателю, отнюдь не согрѣшиши, аще сія или оная пѣти будеши“ [2]). Славянскій переводчикъ между прочимъ включилъ въ Синаксарь подъ 11 іюля память великой княгини Ольги, хотя не изложилъ для этой памяти службы.

Ниже мы будемъ подробно излагать по этому Уставу особенности службъ на тотъ или иной праздникъ, или на ту или иную

---

[1]) Типик. Велик. Церкви. Конст. 1860 г. стр. 9, прим. 1.

[2]) Ibid. стр. 233, прим. 1.

память святаго, теперь же для краткой характеристики этого Устава познакомимся съ главными его особенностями. На первомъ мѣстѣ нужно поставить отсутствіе указаній въ Типиконѣ Великой Церкви малой вечерни и всенощнаго бдѣнія[1]). Праздничная служба, а равно и служба воскресныхъ дней обыкновенно начинаются великой вечерней, которая служится съ вечера. На „Господи воззвахъ“ положено стихиръ 6 для праздничныхъ дней и въ дни памяти святыхъ, а для воскресныхъ службъ 10 стихиръ. Утреня начинается полунощницею. Литія съ благословеніемъ хлѣбовъ совершается утромъ. Евангеліе читается послѣ 8 пѣсни канона. Окончанія утрени не бываетъ, но послѣ великаго славословія, во время пѣнія котораго совершается проскомидія, непосредственно слѣдуетъ литургія. На литургіи въ праздничные дни и въ дни чтимыхъ святыхъ положены особые антифоны. Немало особенностей въ службахъ по Синаксарю и Тріодямъ Постной и Цвѣтной, но о нихъ рѣчь впереди. Здѣсь только замѣтимъ, что службы двунадесятыхъ праздниковъ, чтимыхъ святыхъ, а особенно службы седмицъ Страстной и Пасхальной обставлены необыкновенною церемоніальностію и торжественностію, благодаря тому, что въ этихъ службахъ принимаетъ участіе самъ патріархъ вмѣстѣ съ своими оффиціалами.

Такимъ образомъ и на основаніи этихъ данныхъ можно заключать, что настоящій современный намъ Типиконъ Великой Церкви, если не имѣетъ прямой и непосредственной связи съ древнѣйшимъ Типикономъ того же имени, то внѣ всякаго сомнѣнія соз-

---

[1]) „Въ яже во градѣхъ убо о всѣхъ священныхъ церквахъ бдѣніе (всенощному) не бывающу, аще случится навечеріе Благовѣщенія въ среду или пятокъ, преждеосвященная литургія не бываетъ, но по 6 часѣ абіе и отпустъ. Въ церквахъ же, яже во священныхъ монастырехъ, различія ради высокаго монашескаго житія и заеже бывати бдѣнію (всенощному), бываетъ преждеосвященная литургія, уставомъ (Типикомъ) ктиторовъ ихъ древнихъ оныхъ отцевъ непреложнымъ пребывающимъ“ (Типик. 1860 г. стр. 153, прим. 1).

дался на его основѣ. За это говорятъ намъ тѣ сходныя черты современнаго Типикона Великой Церкви съ древнѣйшимъ, какія мы отмѣтили выше. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію и то, что въ современный Типиконъ Великой Церкви вошло немало особенностей и изъ Устава іерусалимскаго Саввы Освященнаго, который въ одно время, какъ мы знаемъ, вытѣснилъ даже всѣ мѣстные Уставы греческой Церкви и сдѣлался регуляторомъ богослужебной ея практики. Доказательства для сего на лицо. Помимо чертъ сходныхъ съ Типикономъ іерусалимскимъ (пѣніе стихиръ на „Господи воззвахъ“ на 10, совершеніе литій съ преломленіемъ хлѣбовъ и др.), въ современномъ Типиконѣ находятся прямыя извлеченія изъ іерусалимскаго Устава[1]) и ссылки на древнѣйшіе уставы[2]), подъ которыми несомнѣнно разумѣется Уставъ Саввы Освященнаго. Все это вполнѣ естественно въ виду пережитыхъ Великою греческою Церковью историческихъ перемѣнъ. Въ силу своего тяжелаго положенія среди мусульманъ, греческая Церковь до послѣдняго времени должна была многое оставить изъ своей обрядности: торжественность и церемоніальность, присущія ея древнѣйшей практики, измѣнить на простоту и поспѣшность, роскошь и великолѣпіе на бѣдность и нищету во внѣ, благодаря матеріальнымъ недостаткамъ. Это съ одной стороны. Съ другой, внутренняя жизнь Церкви требовала сообразно съ временемъ тѣхъ или иныхъ измѣненій и перемѣнъ въ богослужебномъ строѣ, и представители Церкви, „увидѣвше разногласіе и смущеніе, случающееся во всѣхъ, яже во градѣхъ церквахъ... и къ престатію мнимаго стропотства, наипаче же въ простаго народа слусѣхъ, по глубинѣ духовная неразумѣющаго“[3]), опредѣляли „преложенія“ и измѣненія сообразно съ этими потребностями. Поэтому въ нынѣшнемъ Типикѣ весьма много находимъ

---

[1]) Τυπικ. edit. Const. 1884 an. pag. 6.

[2]) Ibid. pag. 100, прим., pag. 118, прим. 2 и др.

[3]) Типик. изд. Конст. 1860 г. стр. 180, прим. 1.

хотя и авторитетныхъ, но частныхъ мнѣній, высказанныхъ патріархами по тому или иному случаю изъ области богослужебной практики. Болѣе всего встрѣчаемъ рѣшенія патріарховъ: Константія I, Византія, Григорія VI и др. Отсюда-то нынѣшній Типиконъ для современнаго греческаго духовенства получаетъ особенный интересъ и значеніе. Это не просто Типиконъ, въ которомъ лица заинтересованные найдутъ указаніе на тотъ или иной случай богослужебной практики, объясненія почему такъ, а не иначе совершается въ тотъ или иной день года церковная служба и кому принадлежитъ это мнѣніе, но и практическое руководство, по которому пастыри греческой Церкви легко могутъ изучать и церковно-богослужебные порядки или Уставъ церковный и знакомиться прямо и непосредственно съ распоряженіями относительно этого высшей церковной власти.

B. Великій Евхологій и другія книги, употребляемыя на востокѣ пастырями въ практикѣ.

Нашъ приходской священникъ въ своей практической дѣятельности обыкновенно руководится двумя богослужебными книгами: Служебникомъ и Требникомъ, тогда какъ греческій священникъ въ этомъ случаѣ вполнѣ могъ бы удовлетвориться только одною книгою: Εὐχολόγιον τὸ μέγα, полное заглавіе которой въ русскомъ переводѣ такое: „Великій Евхологій, въ которомъ по чину содержатся семь послѣдованій таинствъ и все, что было издано въ первопечатныхъ евхологіяхъ[1]), прибавлены чины хиротоній, согласно съ изложеніемъ въ Архіератиконѣ, а также послѣдованіе обновленія храма по изданію въ Букарештѣ, еще апостолы и

[1]) Настоящее изданіе Евхологія отличается отъ первопечатнаго. Помимо иного распорядка составныхъ частей его и нѣкоторыхъ новыхъ чиновъ, въ немъ не достаетъ чиновъ, бывшихъ въ первопечатныхъ евхологіяхъ, напр.: Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου, ψαλλομένη εἰς κοιμηθέντας ὑπὸ ἑπτὰ ἱερέων. ποίημα Νικολάου μητροπολίτου Ἀθηνῶν (Ευχολογ. 1566 an. pag. 191 и 204) и нѣкоторыхъ другихъ.

евангелія и весьма многое другое въ погребальномъ послѣдованіи іереевъ. Все это стройно и въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ въ первопечатныхъ евхологіяхъ, изложено, нынѣ перепечатано, очищено отъ многихъ погрѣшностей и исправлено съ великимъ стараніемъ въ Венеціи 1777 г.“ Уже самое заглавіе говоритъ намъ, какъ за его настоящій составъ, исчерпывающій всю сумму богослужебныхъ чинопослѣдованій и молитвословій на разные случаи, такъ и за то, что такой полноты, нынѣшняго состава эта книга достигла лишь въ сравнительно недавнее время. Такъ, напр., упомянутый въ оглавленіи чинъ обновленія храма былъ напечатанъ въ первый разъ отдѣльными брошюрками въ Букарестѣ въ 1703 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, на средства митр. Авксентія, а до того времени помѣщался другой подобный чинъ, заимствованный въ первопечатный Евхологій изъ рукописей. Если же мы сдѣлаемъ обозрѣніе [1]), хотя бы и въ общихъ чертахъ, исторической судьбы этой весьма важной для пастыря Церкви книги, то мы поймемъ, что прошло немало времени, прежде чѣмъ она получила свой настоящій видъ.

VIII книга Апостольскихъ Постановленій можетъ быть названа прототипомъ современнаго Евхологія. Въ упомянутую нами книгу Апостольскихъ Постановленій неизвѣстнымъ составителемъ ея были внесены послѣдованія литургій и таинствъ и молитвословія на различные случаи, т. е. если не брать во вниманіе текста составныхъ частей, всѣ тѣ части, которыя мы видимъ въ нынѣшнемъ Евхологіѣ. Но въ собственномъ смыслѣ исторія современнаго Евхологія должна начинаться, такъ называемымъ, Барберинскимъ спискомъ Евхологія VIII вѣка, въ первый разъ открытаго и изданнаго въ свѣтъ съ сокращеніями [2]) католическимъ ученымъ

[1]) Краткая исторія греческаго Евхологія имѣется въ книгѣ проф. Мансветова „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“ стр. 9 и т. д.

[2]) Въ полномъ и тщательно исправленномъ видѣ списокъ литургіи былъ изданъ Свайнсономъ. The greek Liturgies Lond. 1884 an. pag.

Яковомъ Гоаромъ въ 1647 гому (Codex Barberinum № 77)[1]). Этотъ Евхологій, по содержанію, очень полонъ и состоитъ изъ чиновъ литургій Василія Великаго, Іоанна Златоуста, преждеосвященныхъ даровъ, молитвъ вечерни, полунощницы, утрени, хвалитныхъ псалмовъ, чина крещенія, освященія воды, мура, храмовъ, чиновъ хиротоній, постриженія въ монахи, брака и множества молитвъ на различные случаи[2]). Общій характеръ этой рукописи таковъ, что, не смотря на свою полноту составныхъ частей, она заключала въ себѣ главнымъ образомъ лишь молитвы и обходила, такъ называемыя, обрядовыя дѣйствія священника и діакона, вызываемыя самыми молитвами. Такъ напр., въ чинѣ литургій отсутствуетъ описаніе проскомидіи, о которой даетъ слабый намекъ лишь начальная молитва, съ надписью: εὐχὴ ἣν ποιεῖ ἱερεὺς ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ ἀποτιθεμένου τοῦ ἄρτου ἐν τῷ δίσκῳ [3]). Списковъ литургическихъ съ одними только молитвами встрѣчается весьма много въ разныхъ библіотекахъ, и всѣ они относятся главнымъ образомъ ко времени съ VIII вѣка по XIV, хотя немало извѣстно ихъ и отъ XVII столѣтія. Отсюда становится понятнымъ, почему у грековъ предпочтительнѣе предъ другими именами подобныя рукописи получаютъ названія евхологіевъ, т. е. молитвослововъ или молитвенниковъ. Правда, въ

88—94. Переводъ его на русскій языкъ напечанъ въ собраніи полномъ литургій. СПБ. 1875 г., вып. 2, стр. 120—132.

[1]) Euχολογ. edit. Venet. 1730 an. praefac. et. pag. 83—85 et. cet.

[2]) Подробный перечень всѣхъ статей, входящихъ въ составъ Барберриновскаго списка Евхологія сдѣланъ Бунзеномъ въ его сочиненіи Hippolit. und seine Zeit band II, pag. 535—537.

[3]) Euχολογ. Goar. pag. 150 not. e., т. е. молитва, которую читаетъ священникъ въ сосудохранильницѣ, при положеніи хлѣба на дискосъ. Упомянутое нами заглавіе надъ молитвою предложенія имѣется только въ чинѣ литургіи Василія Великаго, но въ чинѣ литургіи св. Іоанна Златоустаго не только нѣтъ никакого надписанія надъ молитвою, но и самая молитва предложенія читается совершенно иначе. Ibid. pag. 83.

XIII—XIV вѣкѣ, когда въ евхологіяхъ начали появляться изложенія обрядовыхъ дѣйствій на ряду съ самыми молитвами, то и рукописи этого рода получили названія тактиконовъ (отъ τάξις чинъ, порядокъ), но подобное названіе удержалось за ними, какъ можно судить на основаніи незначительнаго количества самыхъ памятниковъ, не долго. Представителемъ этого рода памятниковъ можно считать рукописный Тактиконъ византійскаго императора Іоанна Кантакузена (XIV в.), хранящійся нынѣ въ М. Синод. библ. подъ № 279. Составъ этой рукописи ничѣмъ не отличается отъ рукописей, носящихъ названіе евхологіевъ. Въ Тактиконъ Кантакузена входятъ чины литургій безъ проскомидіи, послѣдованія таинствъ: крещенія, муропомазанія, брака и елеосвященія, молитвы священника вечеромъ и утромъ, служба вечеромъ въ день Пятидесятницы, обрядъ омовенія ногъ, освященія воды въ день Богоявленія, молитвы на разные случаи и порядокъ царскихъ часовъ наканунѣ Рождества, Богоявленія и въ Страстную пятницу. Между тѣмъ весьма естественно было бы удержать за настоящею книгою упомянутое сейчасъ названіе тактикона особенно въ то время, когда на страницахъ евхологіевъ въ XIII—XIV вѣкѣ явился, такъ называемый, Διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας[1]), приписываемый обыкновенно патріарху константинопольскому Филоѳею (1354—1355, 1362—1376 г.г.)[2]). Однако на самомъ дѣлѣ названіе евхологій

[1]) Перепечатанъ этотъ Διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας у Гоара въ его Εὐχολογιον-ѣ на стр. 1—8 изъ венеціанскаго Служебника 1638 года.

[2]) И. Д. Мансветовъ, изслѣдуя вопросъ о принадлежности Διάταξις-а патріарху константинопольскому Филоѳею, пришелъ къ тому положенію, что на эту принадлежность ему „Устава“ нѣтъ положительныхъ доказательствъ, кромѣ надписи въ заглавіи. „По крайней мѣрѣ, говоритъ проф. Мансветовъ, на уставъ литургіи онъ не имѣетъ правъ авторства. Этотъ послѣдній по греческимъ спискамъ извѣстенъ раньше Филоѳея и предупреждаетъ его дѣятельность чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ. А такъ какъ уставъ вечерни и утрени стоитъ въ самой тѣсной связи съ уставомъ литургіи, и обѣ эти части носятъ печать работы одного лица, одного редактора, то нельзя не придти къ заключенію, что Филоѳей не былъ авто-

удерживалось за подобными рукописями даже и въ то время, когда почти самый первый листъ его украшался Διάταξις-омъ, который содержалъ въ себѣ лишь подробное и обстоятельное изложеніе обрядовыхъ дѣйствій отдѣльно отъ молитвъ. Очевидно, сила обычая въ данномъ случаѣ взяла верхъ, и названіе за настоящею книгою евхологій, какъ мы видѣли, перешло въ первопечатныя ея изданія и держится до настоящаго времени.

ромъ и того отдѣла, который относится къ вечернѣ и утрени. Весьма вѣроятно ему принадлежитъ окончательная редакція ordo, и подъ его санкціею, какъ патріарха, онъ былъ пущенъ въ ходъ и получилъ практическое значеніе" (Митроп. Кипріанъ въ его литург. дѣятел. стр. 18). Всѣ эти сужденія были высказаны покойнымъ профессоромъ почти исключительно на основаніи венеціанскихъ первопечатныхъ евхологіевъ безъ достаточнаго знакомства съ подобнаго рода рукописными памятниками, которые приводятъ насъ нѣсколько къ инымъ выводамъ. То правда, что доказать принадлежность Διάταξις-а патріарху Филоѳею нельзя въ настоящее время, но его участіе въ подобнаго рода работахъ, и что особенно важно для насъ, его участіе въ разработкѣ чина литургіи въ частности, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ одной изъ рукописей Ватопедской библіотеки XIV—XV вѣка (по каталогу этой библ. XIII в.) мы видѣли даже толкованіе этого іерарха на чинъ литургіи, неизвѣстное еще въ нашей наукѣ и озаглавливаемое такъ: Προθεωρία κεφαλαιώδης περὶ συμβόλων καὶ μυστηρίων πονηθεῖσα καὶ προτροπὴ καὶ ἁλιπὸς τοῦ ἱερωτάτου ἐπισκόπου Φιλοθέου (№ 449), въ которомъ патріархъ Филоѳей изъясняетъ глубокія тайны христіанскаго вѣроученія, воплощенныя въ символы и обряды литургійнаго чина. Нужно думать, что это толкованіе имѣетъ въ виду чинъ литургіи, по крайней мѣрѣ, временъ самого патріарха, который (т. е. чинъ), какъ это видно изъ самаго толкованія, во многомъ расходился съ чиномъ, намъ теперь извѣстнымъ съ его именемъ. Далѣе за труды этого патріарха въ области чинопослѣдованія литургіи говоритъ, между прочимъ, и тотъ весьма краснорѣчивый, по нашему мнѣнію, фактъ, что на Аѳонѣ въ настоящее время встрѣчается весьма много списковъ литургійнаго чина съ именемъ патріарха Филоѳея. Τοῦ μακαριωτάτου καὶ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κὺρ Φιλοθέου διάταξις τῆς θείας λειτουργίας, ἐν ᾗ καὶ τὰ διακονικὰ (ркп. XVI в. № 27, л. 48, библ. русск.-аѳон. Пантел. мон.) или Φιλοθέου ἁγιωτάτου

Весьма рано на востокѣ стали выдѣлять изъ общаго состава Евхологія чины литургій, которые писались на пергаменѣ и свертывались иногда въ видѣ свитковъ на скалкѣ для удобства переноса и пользованія ими, при отправленіи богослуженія, какъ чинами чаще другихъ употребляемыми. Такого рода свитки называются илитаріями[1]), кондакіями и даже литургіаріями (λειτουργιάριον), что въ переводѣ на славянскій языкъ означаетъ Служебникъ, хотя съ этимъ послѣднимъ названіемъ мы соединяемъ нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое даетъ самое названіе и древнѣйшій составъ этого рода литургическихъ памятниковъ. Со времени книгопечатанія литургіаріи не затерялись, а попали на печатный станокъ, и явилась такимъ образомъ небольшая, но весьма удобная для приходскаго духовенства книжечка съ названіемъ: Αἱ θεῖαι λειτουργίαι τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν

πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως διάταξις τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργίας (ркп. той же библ. 1545 г.) и др. Вотъ какъ титулуется чинъ литургіи во многихъ рукописяхъ. Но утверждая тотъ фактъ, что патріархъ Филоѳей принималъ дѣятельное участіе въ обработкѣ чина литургіи, мы все же не можемъ указать съ несомнѣнностію, какой изъ извѣстныхъ списковъ чина литургіи, приписываемыхъ патр. Филоѳею, ближе всего стоитъ къ его чину литургіи въ дѣйствительности. Точно также мы не можемъ сказать положительно даже и того, состоялъ ли чинъ литургіи изъ одного устава, или въ немъ были и молитвы, потому что мы видѣли такіе списки литургіи съ именемъ патріарха Филоѳея, въ которыхъ Διάταξις стоялъ отдѣльно отъ молитвъ (ркп. № 27 библ. русск. Пант. мон.), такіе, въ которыхъ и молитвы и Διάταξις представляли одно цѣлое (Ркп. Свят.-гроб. библ. въ Конст. № 425 XVI в.) и наконецъ, такіе, въ которыхъ соединеніе это сдѣлано было весьма неумѣло и какъ бы говорило за то, что въ свое время Διάταξις стоялъ отдѣльно отъ молитвъ (ркп. русск.-аѳон. Пант. мон. 1545 г.). Вообще же намъ думается, что окончательное сужденіе относительно Διάταξις-а патріарха Филоѳея, можетъ быть высказано опредѣленно лишь впослѣдствіи, когда будетъ изучено достаточное количество списковъ этого чина.

[1]) Названія рукописей илитаріями и кондакіями указываютъ на ихъ форматъ и противопоставляются другому названію ихъ тетрадями (τετράδιον).

Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Βασιλείου τοῦ μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ διαλόγου ἤτοι τῶν προηγιασμένων, ἐν Ἐτίησιν 1785. Т. е. „Божественныя литургіи во святыхъ отецъ нашихъ Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Двоеслова или преждеосвященныхъ даровъ, Венеція 1785 г.“ Самое заглавіе вполнѣ исчерпываетъ содержаніе настоящей книги. Кромѣ упомянутыхъ чиновъ литургій, изложенныхъ согласно съ „Большимъ Евхологіемъ“, въ ней нѣтъ ничего. Отсутствуетъ даже чинъ проскомидіи.

Казалось бы, что упомянутыми нами книгами Евхологіемъ и Литургіаріемъ современный приходской священникъ православнаго востока долженъ быть бы вполнѣ удовлетворенъ. Въ нихъ онъ можетъ найдти все, что требуется для него въ приходской практикѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто иное. Современная греческая Церковь нашла употребленіе Евхологія не вполнѣ пригоднымъ для приходскаго духовенства, отчасти въ виду дороговизны этой книги, а главнымъ образомъ въ виду ея неприспособленности къ обстоятельствамъ даннаго времени. Поэтому аѳинскій синодъ и нѣкоторыя частныя лица, хорошо знакомыя съ потребностями греческаго приходскаго духовенства, нашли необходимымъ издать для него нѣсколько другихъ книгъ, которыя или замѣнили бы собою Великій Евхологій, или дополнили бы то, чего не достаетъ въ этомъ послѣднемъ. Такъ какъ большею частію этими книгами греческое духовенство нашего времени руководится въ своей практической дѣятельности, то мы нѣсколько подробнѣе познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Первое мѣсто между этими книгами должна занимать книга: Ἱερατελεστικὸν τεῦχος, полное заглавіе которой такое: „Книга священнодѣйствій, сочиненная Іеронимомъ Богіатзи, учителемъ греческаго языка Димитзаны, второе изданіе В. Секопула, по опредѣленію священнаго синода и министра церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для пользы священниковъ и всякаго христіанина, въ Патрахъ 1881 г.“ Настоящее изданіе уже по счету

второе. Первое ея изданіе, кажется, вышло въ 1868 г. Вся книга раздѣляется на двѣ части, такъ сказать, на теоретическую и практическую. Въ первой части сдѣланы объясненія названій суточныхъ службъ и богослужебныхъ терминовъ, входящихъ въ эти службы (гл. 1), значенія священныхъ облаченій (гл. 2), сосудовъ и принадлежностей храма (гл. 3), изъясненіе литургіи (гл. 4), нѣчто въ видѣ выдержекъ изъ нашего учительнаго извѣстія, какъ-то: касательно приготовленія священника къ литургіи, приготовленія нужныхъ сосудовъ и облаченій, просфоръ и вина и касательно случая забывчивости священника влить вино съ водою въ сосудъ (гл. 5), а также, если священникъ заболѣетъ во время литургіи или умретъ, если позовутъ священника крестить больное дитя во время литургіи, если церковь загорится или поколеблется землетрясеніемъ (гл. 6), если священникъ замѣтитъ, что св. Агнецъ тронутъ мышью, а въ св. чашу упалъ паукъ, или какое нибудь изъ вредоносныхъ животныхъ до освященія св. Даровъ, или послѣ освященія, если частица крови будетъ пролита на полъ или на одежды, или пролитъ весь сосудъ, или упадетъ на полъ св. Агнецъ (гл. 7), наконецъ, касательно приготовленія Агнца на цѣлый годъ въ Великій четвертокъ (гл. 8), чинъ малой панихиды (ἀκολουθία τοῦ νεκροσίμου τρισαγίου), ектенья въ субботу поминальную, чинъ погребенія на Пасху (гл. 9), входные стихи и отпусты въ Господскіе праздники, молитва надъ кающимися, молитва надъ коливомъ, возгласы послѣ каждой пѣсни канона на Пасху, образецъ каноническаго свидѣтельства и молитва святаго епископа іерусалимскаго Модеста, читаемая надъ всякою смертною болѣзнію и болѣзнію быковъ, лошадей,ословъ, лошаковъ, овецъ, козъ, пчелъ и остальныхъ животныхъ. Въ эту же часть входитъ канонъ предъ св. причащеніемъ, который читается съ вечера во время повечерія, послѣ „Вѣрую во единаго Бога“, и служитъ для приходскихъ священниковъ православнаго востока вечернимъ правиломъ. За этимъ канономъ слѣдуютъ молитвы предъ причащеніемъ (τῇ δὲ ἑπαύριον), предваряемыя лишь обычнымъ началомъ,

и молитвы послѣ причащенія (εὐχαριστίου μετὰ τὴν θείαν μετάληψιν). Эти послѣднія молитвы имѣютъ въ началѣ „побудительные стихи на сіе благодареніе“, которые въ переводѣ читаются такъ: „Когда бы сподобился прекраснаго общенія животворящихъ таинственныхъ Даровъ, тотчасъ воспой, принеси великую благодарность и отъ глубины души скажи Богу: Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже“. Первая часть настоящей книги оканчивается послѣдованіемъ надъ священникомъ, соблазнившимся во снѣ.

Вторая часть книги содержитъ уже въ собственномъ смыслѣ Служебникъ. Начинается эта часть чиномъ вечерни, за которымъ слѣдуютъ чины повечерія, полунощницъ дневной и воскресной, утрени, послѣдованіе божественной литургіи, бываемое такимъ образомъ въ Великой Церкви и на святой горѣ аѳонской (Διάταξις τῆς θείας λειτουργίας, γινομένης οὕτως ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει κλπ.), чины литургій Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова. Оканчивается эта часть книги ежедневными вечерними прокимнами, Типикономъ церковнаго послѣдованія для дней высокоторжественныхъ и ознаменованныхъ важнѣйшими событіями въ исторіи греческаго народа и прославленіемъ великой среды съ исторіею ея, написаннымъ силлабическими стихами. Какъ на особенность этой части книги, нужно обратить вниманіе, между прочимъ, на то, что въ ней молитвы всѣхъ чиновъ излагаются въ самыхъ послѣдованіяхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по Уставу, должны произноситься священникомъ. Описаніе обрядовыхъ дѣйствій здѣсь изложено весьма обстоятельно, примѣнительно къ Уставу Великой Церкви, употребляемому въ богослужебной практикѣ современныхъ греческихъ церквей. Здѣсь такъ же, какъ въ Типиконѣ Великой Церкви, затруднительные случаи практики, или мѣста чиновъ, важныя въ догматическомъ отношеніи, объясняются примѣчаніями подъ строкою.

Такимъ образомъ, Ἱεροτελεστικὸν τεῦχος Іеронима Богіатзи ближе всего подходитъ къ нашему современному Служебнику, хотя

отличается отъ него значительною полнотою, обстоятельностію и большею логическою послѣдовательностію въ изложеніи. Эта книга даетъ все необходимое современному пастырю греческой Церкви, при отправленіи имъ суточной службы. Ему, приготовляясь къ совершенію литургіи, нѣтъ надобности перебѣгать отъ Служебника къ Требнику, отъ этого послѣдняго къ Канонніку для того, чтобы выполнить всѣ предписанія нашей церковно-богослужебной практики, требующей отъ нашихъ пастырей—совершителей литургіи весьма многаго. Пастырь востока въ этой книгѣ найдетъ не только то, какимъ образомъ совершается тотъ или иной чинъ суточной службы, но и то, почему совершается такъ, а не иначе, и какъ объяснить значеніе того или иного литургическаго термина, той или иной богослужебной принадлежности и т. д.

Въ области Требника практика греческой Церкви еще не выработала подобной книги, но частныя попытки въ области отдѣльныхъ чинопослѣдованій уже сдѣланы и весьма удачно. Къ числу подобнаго рода изданій, имѣющихъ въ виду запросы приходскаго духовенства, принадлежитъ книга: Ἐξομολογητάριον, полное заглавіе которой читается такъ: „Исповѣдникъ или душеполезнѣйшая книга, содержащая сокращенное ученіе для духовника, какъ онъ долженъ исповѣдывать съ пользою, (епитимійные) каноны св. Іоанна Постника, точно истолкованные, откровенный совѣтъ кающемуся, какъ онъ долженъ исповѣдываться надлежащимъ образомъ, и душеполезное слово о покаяніи, извлеченное изъ твореній разныхъ учителей и въ наилучшій порядокъ приведенное подвижникомъ святой горы приснопамятнымъ учителемъ Никодимомъ, девятое изданіе, Венеція, 1885 г.“

Чинъ исповѣди, какъ въ нашемъ Требникѣ, такъ особенно въ греческомъ Евхологіи (ἀκολουθία τῶν ἐξομολογουμένων) принадлежитъ къ самымъ неупорядоченнымъ. Ни въ одномъ изъ чиновъ не предоставлено столько свободы современному пастырю, какъ именно въ этомъ чинѣ, особенно въ моментъ тайной исповѣди кающихся предъ священникомъ. Еще въ нашемъ Требникѣ сдѣ-

лана хоть какая нибудь попытка указать священнику-исповѣднику на тѣ вопросы, которые онъ можетъ предлагать кающимся для того, чтобы привести имъ на память грѣхи и расположить къ свободному изложенію ихъ передъ нимъ, и даже приведены, хотя и не вполнѣ удачно, и примѣры самыхъ грѣховъ, тогда какъ въ греческомъ Евхологіи даже и этого нѣтъ. Здѣсь предписаніе касательно вопросовъ священника къ кающемуся выражено весьма общё, слѣдующею неопредѣленною фразою: „и спрашиваетъ его (т. е. кающагося) духовникъ о всѣхъ согрѣшеніяхъ его“ [1]). Между тѣмъ нигдѣ не требуется отъ пастыря столь обширныхъ знаній человѣческой природы, человѣческаго сердца, духовной опытности и богословско-каноническихъ познаній, какъ при совершеніи этого таинства, для котораго не достаточно имѣть право исповѣдывать кающихся и читать надъ ними въ Требникѣ положенныя при исповѣди молитвы. Поэтому-то вотъ современная греческая Церковь право исповѣди усвояетъ не всѣмъ пастырямъ, а только извѣстнымъ опредѣленнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ опытнымъ и обладающимъ обширными познаніями духовнымъ лицамъ. Въ греческой Церкви не всякій пастырь духовникъ, а лишь особо для сего назначенный священникъ и имѣющій у себя грамоту отъ епископа на право исповѣди. Поэтому-то съ весьма давнихъ поръ [2]) въ греческой Церкви появлялись попытки создать для этихъ духовниковъ особенныя руководства, въ которыхъ не только опредѣлялись бы качества духовника, правила относительно наложенія епитимій на кающихся и совершенія чина исповѣди, но и самый способъ исповѣди приходящихъ къ нему

---

[1]) Εὐχολογ. edit. Venet. 1777 an. pag. 190.

[2]) Значительно раньше Ексомологитарія святогорца Никодима были извѣстны слѣдующія подобныя сочиненія: а) Ἐξομολογητάριον ἀναγκαῖον περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς μετανοίας παρὰ Νεκηφόρου ἱερομονάχου τοῦ πασχαλέως ἐν Ἐτίησιν 1673 и б) Διδασκαλία ὠφέλιμος περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως παρὰ Χρυσάνθου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἱεροσολύμων ἐν Ἐτίησιν 1724.

лицъ разнаго положенія въ обществѣ, въ духовной и гражданской іерархіи и притомъ разныхъ по возрасту и по полу. Упомянутая нами книга святогорца Никодима († 1809), заглавіе которой мы цѣликомъ привели выше, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. За это между прочимъ говоритъ и то обстоятельство, что въ 1883 году эта книга является въ свѣтъ уже девятымъ изданіемъ. И дѣйствительно, эта книга драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ: она въ одинаковой мѣрѣ полезна для духовниковъ и кающихся грѣшниковъ. Для первыхъ она важна въ томъ отношеніи, что въ ней полно и ясно изложено ученіе о качествахъ, познаніяхъ и добродѣтеляхъ духовниковъ, объяснены епитимійные каноны св. Іоанна Постника и указаны средства для кающихся, которыя можетъ предлагать духовникъ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Для кающихся здѣсь предлагаются вопросы относительно грѣховъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей закона Божія, напоминаются имъ грѣхи обыкновенные, тяжкіе и смертные и тѣмъ дается полная возможность высказать все то, что лежитъ у нихъ на совѣсти, откровенно, безъ чего не можетъ принести пользы и самая исповѣдь. Поэтому въ этой книгѣ мы находимъ особые вопросы къ царямъ, архіереямъ, монахамъ всѣхъ родовъ, настоятелямъ монастырей, самимъ духовникамъ, мужчинамъ, женамъ и дѣтямъ. Въ концѣ книги помѣщено внушительное и трогательное слово о покаяніи, изъ котораго духовникъ можетъ въ изобиліи черпать наставленія для кающихся. Иногда обстоятельныя ученыя примѣчанія, разсѣянныя авторомъ во множествѣ подъ строкою, не только уясняютъ смыслъ самой книги, но главнымъ образомъ правильное пониманіе каноновъ соборныхъ и смыслъ церковной практики. Въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ говорить о совершеніи покаянія въ современной греческой Церкви, мы вернемся къ этой книгѣ и познакомимъ нашихъ читателей болѣе обстоятельно съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ ея главъ.

Имѣя въ виду то обстоятельство, что греческій Μέγα εὐχολόγιον содержитъ въ себѣ чины хиротоній, освященія храмовъ и мура и другіе чины и молитвы [1]), употребляемые главнымъ образомъ при архіерейскомъ богослуженіи, можно было бы подумать, что въ изданіи особой книги въ родѣ нашего Архіерейскаго Чиновника, содержащаго исключительно почти чины, совершаемые архіереемъ, въ греческой Церкви не имѣется надобности. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и у насъ на Руси, для архіерея издается особый и притомъ въ большой форматъ листа Ἀρχιερατικόν или „Книга архіерейскаго служенія, содержащая въ себѣ божественныя и святыя литургіи Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова или преждеосвященныхъ, еще же и чины всѣхъ хиротоній, изданные уже для пользы архіереевъ, нынѣ (т. е. 1778 г.) вторымъ изданіемъ напечатанные съ нѣкоторыми необходимыми молитвами стараніемъ и издержками Кирилла, архіепископа Θиваидскаго, Синайской горы, въ Венеціи. 1778 г.“ Настоящее заглавіе достаточно ясно говоритъ о содержаніи самой книги. Что касается „необходимыхъ молитвъ“, упоминаемыхъ въ заглавіи, то подъ ними подразумѣваются молитвы: надъ коливомъ, надъ кающимися, прощальныя надъ умершими, на благословеніе ваій, яствъ на Пасху, винограда и иконы, а также чинъ малаго водоосвященія и отпусты утромъ и вечеромъ въ господскіе праздники. Изложеніе самыхъ чиновъ ничѣмъ не разнится отъ напечатанныхъ въ „Большомъ Евхологіѣ“. Чины литургій состоятъ только изъ молитвъ и возгласовъ, произносимыхъ архіереемъ во время литургіи, изложенія же обрядовыхъ дѣйствій, архіерейскаго ритуала нѣтъ.

---

[1]) Εὐχολογ. 1777 an. pag. 135—161 et cet.

Г. Устройство храмовъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, ихъ украшенія, происхожденіе и характеръ священной живописи и богослужебныя принадлежности.

Съ паденіемъ Константинополя 29 мая 1453 года, знаменитый городъ святаго Константина дѣлается столицею турецкаго государства и изъ христіанскаго постепенно потомъ превращается въ магометанскій. Великолѣпнѣйшіе храмы Константинополя, бывшіе предметомъ удивленія современниковъ и образцомъ подражанія для позднѣйшихъ поколѣній, превращаются, по волѣ завоевателей, въ мечети. Такой участи прежде всего подвергся, краса Константинополя и гордость строителя императора Юстиніана, храмъ св. Софіи. Что же касается другихъ константинопольскихъ храмовъ, то они были на время пощажены изъ видовъ чисто политическихъ. Султанъ Магометъ II, завоеватель Константинополя, желая привлечь на свою сторону греческаго патріарха и греческое духовенство съ тѣмъ, чтобы населить разоренный городъ жителями греками, перваго іюня 1453 года утвердилъ избраніе въ патріархи знаменитаго инока, борца православія, Геннадія II Схоларія (1453—1460) и далъ ему два фирмана, которыми гарантировались права и привиллегіи Церкви на все послѣдующее время. Въ одномъ изъ фирмановъ относительно христіанскихъ храмовъ прямо говорится: „храмы христіанъ пользуются безопасностію и ни подъ какимъ видомъ не должны быть превращены въ мечети“. „Жители, говорилъ завоеватель Константинополя, при сдачѣ на капитуляцію Галаты, сохранятъ свою вѣру и свое пѣніе, но запрещается имъ бить въ колокола и доски; я не буду обращать въ мечети церквей, но они не могутъ строить новыя Церкви, какъ это соблюдается во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ нынѣ владычеству моему“. Но преемники Магомета не раздѣляли взглядовъ мудраго завоевателя и стали мало-по-малу посягать на неприкосновенность христіанскихъ храмовъ. Такъ, напр., Баязетъ II (1481—1512), первый рѣшился закрыть нѣсколько христіан-

скихъ храмовъ, а патріарха Іоакима (1500—1504, 1505—1506) едва не лишилъ каѳедры за то, что онъ свой каѳедральный храмъ рѣшился покрыть позолоченной черепицей безъ дозволенія султана. Селимъ I (1512—1520), преемникъ Баязета, уже посягнулъ и на то, что обѣщалъ блюсти завоеватель, т. е. воспретилъ христіанское богослуженіе и приказалъ обращать христіанскіе храмы въ мечети. Сулейманъ (1520—1566) запретилъ христіанамъ строить вновь каменные храмы и приказалъ съ церкви Всеблаженной, которая послѣ церкви Двѣнадцати Апостоловъ сдѣлалась каѳедральною, снять золотой блестящій крестъ. Его преемникъ Селимъ II (1566—1574) едва, только послѣ значительнаго выкупа, не построилъ на мѣстѣ храма Всеблаженной мусульманскую мечеть. Мурадъ III (1574—1595), сначала благосклонно относившійся къ христіанамъ и позволившій патріарху Іереміи II (1572—1579, 1580—1584, 1586—1594) сдѣлать богатый патріаршій тронъ и поставить надъ куполомъ золотое изображеніе Іисуса Христа, потомъ, по убѣжденію муфтія, издалъ приказаніе 30 христіанскихъ храмовъ обратить въ мечети, такъ какъ, по словамъ Мурада, „размножились исповѣдники ислама и нуждаются въ мечетяхъ“. Въ числѣ храмовъ константинопольскихъ подверглась страшному разорѣнію патріаршая церковь, изъ которой патріаршій экзархъ успѣлъ вынести лишь нынѣшнія ея драгоцѣнности, а именно: мозаическія иконы Божіей Матери и Предтечи, патріаршій тронъ, по преданію принадлежащій Іоанну Златоусту и мощи св. Евфросиніи, Соломоніи, матери Маккавеевъ и царицы Ѳеофаніи. Поэтому нѣтъ ничего преувеличеннаго въ томъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ (Герлахъ въ письмѣ Мартину Крузію), къ началу XVII столѣтія въ Константинополѣ оставалось 44 храма изъ прежнихъ 86 [1]), а къ концу этого столѣтія ихъ

[1]) Полный перечень древнѣйшихъ константинопольскихъ храмовъ имѣется въ книгѣ Григоровича-Барскаго „Путеш. къ свят. мѣстамъ“ стр. 498—505. По его вычисленію, 12 церквей было посвящено имени Христа, 48—имени Богоматери и 17—Ангеламъ.

было всего на всего 26 церквей и притомъ самыхъ бѣдныхъ. Это систематическое превращеніе христіанскаго города въ мусульманскій было на столько печально по своимъ послѣдствіямъ, что невольно поражало путешественниковъ, которымъ приходилось бывать въ этомъ когда-то славномъ городѣ. „Къ общему всѣхъ христіанъ сожалѣнію, пишетъ нашъ извѣстный путешественникъ по востоку В. Григоровичъ-Барскій въ 1744 году, въ несказанный упадокъ сей преславный градъ пришелъ. Красота царскихъ палатъ, великолѣпіе, превосходившее вѣроятіе, сокровища святыхъ Божіихъ церквей, мраморомъ, живописью, мусіею, златомъ и сребромъ преукрашенные христіанскіе храмы и монастыри, княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе домы, на высочайшую степень взошедшія науки и художества, почти въ совершенное уничтоженіе пріидоша. Святыя церкви въ Магометовы капища и мусульманскія мечати съ 1453 года обращены“ [1]).

Но фанатизмъ мусульманскихъ владыкъ не только оказалъ вліяніе на сокращеніе христіанскихъ храмовъ въ количественномъ отношеніи, но и возъимѣлъ непосредственное воздѣйствіе на ихъ конструкцію, архитектурныя формы. Турецкіе султаны, желая сдѣлать изъ Константинополя столицу мусульманскаго міра, старались всячески унизить христіанство и уничтожить въ немъ все, что бы напоминало имъ о томъ, что это городъ древне-христіанскій. Поэтому, обращая во множествѣ константинопольскіе храмы въ мусульманскія мечети, они не позволяли христіанамъ строить новыхъ церквей, а если и удавалось имъ достигнуть разрѣшенія путемъ подкуповъ и подарковъ властямъ константинопольскимъ, то ставили въ непремѣнное условіе, чтобы эти храмы не были выше обыкновенныхъ жилыхъ домовъ и не имѣли бы на себѣ знаковъ, указывающихъ на ихъ религіозное значеніе, такъ напр., куполовъ, крестовъ и т. п. Поэтому христіане Константинополя

[1]) Путеш. къ свят. мѣстамъ. СПБ. 1778 г., стр. 506.

должны были обратиться для своихъ храмовъ къ тѣмъ архитектурнымъ формамъ, которыя были выработаны въ христіанствѣ на первыхъ порахъ его тяжелаго существованія среди господствующаго язычества, когда о купольной формѣ Юстиніановскихъ храмовъ еще не думали и не могли думать, т. е. къ базиличнымъ формамъ. Древне-христіанская трехъ-нефная базилика съ выдающимся однимъ или тремя абсидами (полукружіями) на сторонѣ противоположной входу, представляла весьма приличное и удобное мѣсто для богослуженія гонимыхъ константинопольскихъ христіанъ съ одной стороны, а съ другой, будучи невысокимъ зданіемъ съ двускатною черепичною кровлею, съ трехъугольнымъ фронтономъ на переднемъ и заднемъ фасѣ, это зданіе какъ разъ удовлетворяло вкусу турецкаго правительства, желавшаго затерять христіанскіе храмы въ массѣ скученныхъ домовъ Константинополя. Такую базиличную форму имѣютъ нынѣ почти всѣ храмы Константинополя[1]), начиная съ „Великой Церкви“ или патріаршей и кончая самой послѣдней въ отдаленнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ константинопольскихъ закоулкахъ Феперя или Фанаря. Отсюда-то нѣтъ ничего удивительнаго, что современный туристъ, путешествуя въ грязныхъ и необычайно узкихъ переулкахъ столицы падишаха, весьма часто и не подозрѣваетъ, что онъ находится близъ православнаго храма, который только и можно распознать съ галлереи какого нибудь

---

[1]) „Православныхъ церквей въ Константинополѣ не много, пишетъ извѣстный святогорецъ, а если и есть, то въ родѣ домовыхъ безъ куполовъ и безъ звона“ Сочин. святог. Письма къ друз. своимъ о св. горѣ аѳон. М. 1883 г., стр. 10. Слич. Изъ путеш. въ свят. землю, впеч. и замѣт. прот. Ковальниц. в. I, СПБ., 1886 г., стр. 33. Въ настоящее время въ Константинополѣ звонятъ свободно, на что константинопольскіе христіане получили право только въ 1856 году, и устроены при церквахъ небольшія звонницы или колокольни, на которыхъ висятъ по два и по три небольшихъ колокола. По формѣ своей (см. рисунокъ въ Труд. перв. археол. съѣзда въ М. 1867 г., изд. М. 1871 г., стр. 306, ч. I) константинопольская колокольня представляетъ небольшую деревянную башенку въ одинъ

пятиэтажнаго или шестиэтажнаго дома, по формѣ крыши зданія, и, пожалуй, едва свѣтлѣющемуся, желѣзному, позолоченному крестику на гребнѣ кровли, близъ алтарнаго абсида. Жалки христіанскіе храмы въ Константинополѣ и на столько бѣдны по внѣшности, что во многомъ уступаютъ даже сосѣднимъ домамъ частныхъ владѣльцевъ, особенно если эти сосѣди иностранцы...

Все зданіе современнаго константинопольскаго храма представляетъ небольшой продолговатый четыреугольникъ съ двумя короткими и съ двумя длинными сторонами. Зданіе двумя рядами колоннъ, идущихъ параллельно длиннымъ сторонамъ, дѣлится на три корабля или нефа. Средній корабль вдвое шире боковыхъ и значительно выше ихъ и ограничивается внизу двумя рядами, параллельно расположенныхъ колоннъ, а вверху стѣнами, которыя покоятся на архитравахъ или балкахъ, соединяющихъ эти колонны. Въ верхнихъ частяхъ стѣнъ по бокамъ параллельно устрояются небольшія окна для освѣщенія внутренняго пространства зданія. Большихъ размѣровъ окна имѣются въ главныхъ длинныхъ стѣнахъ и въ стѣнахъ абсидовъ. Колонны изъ мрамора и большею частію разныхъ цвѣтовъ съ дорическими, а иногда византійскими, капителями. На сторонѣ противоположной входу устроястся одинъ или три полукруглые абсида, выдающіеся наружу. Въ однихъ храмахъ средній и главный изъ абсидовъ служитъ алтаремъ, а боковые—діаконникомъ и жертвеннымъ отдѣленіемъ, или скевофилакіемъ, а въ другихъ боковые абсиды тоже заняты алта-

---

этажъ съ остроконечнымъ верхомъ, увѣнчаннымъ небольшимъ крестикомъ. Причты нѣкоторыхъ храмовъ (напр., св. Николая въ Галатѣ) начинаютъ подумывать о сооруженіи настоящихъ колоколенъ, и на сей предметъ дѣлаются уже сборы пожертвованій. Въ Константинополѣ, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ храмахъ и доселѣ употребляютъ била (изображеніе бильницы константинопольскихъ храмовъ см. тамъ же), которыя нѣсколько отличаются отъ аѳонскихъ. Желѣзное било (σίδηρον) имѣетъ видъ дуги съ оконечностями въ видѣ треугольниковъ и иногда—видъ обыкновенной доски, а деревянное било (σήμαντρον)—видъ доски съ закругленіями по краямъ (изображенія этихъ билъ тамъ же).

рями, и такимъ образомъ весь храмъ состоитъ изъ трехъ престоловъ: главнаго и двухъ придѣльныхъ. По линіи, отдѣляющей абсидъ отъ средины храма, стоитъ иконостасъ. Онъ не великъ, обыкновенно одноярусный, съ прибавленіемъ одного и изрѣдка двухъ ярусовъ небольшихъ иконъ, изображающихъ двенадесятые праздники, пророковъ и апостоловъ. Надъ иконостасомъ вверху водружается Распятіе съ предстоящими женами и иногда безъ нихъ. Порядка въ размѣщеніи иконъ въ главномъ ярусѣ иконостаса нѣтъ. Спаситель изображается на правой сторонѣ, Божія Матерь на лѣвой, а далѣе царитъ полнѣйшій произволъ. На мѣстѣ, гдѣ у насъ обыкновенно стоитъ храмовая икона, мы не видѣли ничего подобнаго. Въ алтарь ведутъ три двери. Среднія или царскія двери[1]) состоятъ изъ двухъ небольшихъ половинокъ, съ вырѣзкою по поясъ священника на верху, такъ что черезъ это, когда бываетъ открыта катапетасма, дѣйствія священника въ алтарѣ видимы всѣми молящимися. Завершаются обѣ половинки византійскимъ орломъ съ изображеніемъ того святаго, имени котораго посвящается храмъ. Кромѣ Благовѣщенія на царскихъ вратахъ изображаются св. Іоаннъ Златоустъ и Григорій Богословъ (напр. въ патріаршей церкви) и нѣкоторые другіе святые. Изображенія евангелистовъ здѣсь мы не видѣли. Вмѣсто завѣсы большею частію устрояются задвижки[2]) во всю высоту иконостаса. Задвижки эти представляютъ четыреугольную раму, покрытую бархатомъ или чернымъ сукномъ съ вышитыми на немъ золотомъ изображеніями благословляющаго Спасителя въ чашѣ (это въ большинствѣ храмовъ и на завѣсѣ для будничныхъ дней), а

---

[1]) Греки эти двери не называютъ царскими, а просто святыми (ἅγιαι θύραι).

[2]) Эта катапетасма во время богослуженія, когда настоитъ въ томъ надобность, задвигается въ пространство между иконостасомъ и алтарною стѣною или столбомъ и оттуда уже выдвигается для закрытія св. дверей. Управляетъ этою катапетасмою простой, даже безъ стихаря, мальчикъ, прислуживающій въ алтарѣ священнику.

для праздниковъ изображенія Тайной вечери. Въ патріаршемъ храмѣ для патріаршаго служенія употребляется катапетасма или задвижка съ изображеніями Богоматери подъ названіемъ „Всесвятая“, на право отъ нея—Аарона, Давида и Моисея, а на лѣво пророковъ, наверху же изображеніе Троицы. Для будничныхъ дней задвижка на наружной сторонѣ имѣетъ изображеніе Благовѣщенія Богоматери архангеломъ Гавріиломъ, а на внутренней—Тайной вечери.

Внутри алтаря посрединѣ стоитъ престолъ подъ киворіемъ или балдахиномъ, покоющимся на четырехъ столбахъ, близко прикасающихся къ четыремъ угламъ престола. Престолъ константинопольскихъ храмовъ ставится не прямо на полъ алтаря, а на подставленную подъ нимъ болѣе или менѣе высокую колонну или тумбу. Т. е. престолъ состоитъ изъ доски, положенной горизонтально на подставку. На престолѣ въ обычное время находится Евангеліе, дарохранительница и нѣсколько подсвѣчниковъ. Въ нишѣ главнаго абсида, за престоломъ, стоитъ каѳедра для епископа. Въ патріаршемъ храмѣ каѳедра украшена на верху орломъ, поддерживаемымъ ангелами. Такъ называемое, горнее мѣсто украшается множествомъ небольшихъ иконъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Съ лѣвой стороны престола, въ нишѣ стѣны того же абсида, когда боковые абсиды служатъ алтарями и не исполняютъ своего прямаго назначенія, находится жертвенникъ, на которомъ во время внѣбогослужебное ничего нѣтъ. Въ самой нишѣ по штукатуркѣ сдѣланы изображенія Рождества Христова, поклоненія пастырей и возвѣщенія ангеловъ пастырямъ о рожденіи Спасителя.

Въ средней части храма по правую и лѣвую сторонамъ небольшой солеи, возвышающейся лишь на одну ступень и находящейся почти близъ самыхъ царскихъ вратъ, стоятъ значительныя возвышенія для праваго и лѣваго клиросовъ[1]), съ обычными

[1]) Проф. Голубинскій напрасно утверждаетъ, что клиросовъ въ церквахъ константинопольскихъ нѣтъ (Истор. русск. Церк., т. I, пол. II, стр.

аналоями для богослужебныхъ книгъ впереди и съ стасидіями позади для пѣвцовъ и клириковъ. За правымъ клиросомъ находится во всѣхъ храмахъ каѳедра епископа (θρόνος) съ двумя ступенями отъ пола и съ балдахиномъ на верху. Въ патріаршей церкви предъ этою каѳедрою стоитъ каѳедра изъ чернаго дерева, съ пестрою рѣзьбою изъ слоновой кости, приписываемая св. Іоанну Златоусту. За епископскою каѳедрою по обѣимъ сторонамъ колоннъ, съ небольшимъ лишь раздѣленіемъ посрединѣ, и по стѣнамъ боковыхъ нефовъ идутъ стасидіи для стоянія въ нихъ народа. Въ патріаршей церкви за епископскою каѳедрою сейчасъ находятся стасидіи, обтянутыя зеленымъ сукномъ, для членовъ Синода, а по правую сторону стасидіи для пословъ христіанскихъ державъ. На лѣвой сторонѣ близъ одной изъ среднихъ колоннъ устрояется въ видѣ висячаго балкончика, иногда съ покрытіемъ на верху, амвонъ для чтенія Евангелія и произношенія проповѣдей. На амвонъ этотъ ведетъ небольшимъ зигзагомъ лѣстница въ нѣсколько ступеней. Устройствомъ своимъ онъ сходенъ съ подобными амвонами въ Андреевскомъ соборѣ въ Кіевѣ, въ Казанскомъ въ Петербургѣ и въ католическихъ костелахъ. На верху каѳедры на мѣстѣ, гдѣ должно лежать Евангеліе, устрояется орелъ съ распростертыми крыльями. Наружная или лицевая сторона амвона украшена соотвѣтствующею назначенію этого мѣста живописью. Въ среднемъ нефѣ къ потолку привѣшано нѣсколько паникадилъ, изъ коихъ среднее обыкновенно больше и богаче остальныхъ. Потолокъ иногда (напр., въ патріархіи) расписанъ въ византійскомъ вкусѣ разнаго рода фигурами-арабесками. Въ патріархіи въ задней сторонѣ храма направо находится возвышенная стасидія для великаго логофета. Надъ входомъ въ храмъ вверху во всю ширину зданія устрояется гинеконъ или мѣста для женщинъ,

---

210, прим. 3). Клиросы мы видѣли въ церкви св. Николая въ Галатѣ и въ другихъ храмахъ (Слич. Изъ путеш. въ свят. землю, впеч. и замѣт. прот. Ковальниц. в. I, стр. 33).

желающихъ присутствовать за богослуженіемъ. Гинеконъ поддерживается послѣдними къ выходу стоящими колоннами. Частая деревянная рѣшетка въ видѣ сѣтки, выпуклая внутрь храма и доходящая почти до потолка, скрываетъ богомолокъ женщинъ отъ любопытныхъ взоровъ богомольцевъ мужчинъ. Въ гинеконъ ведетъ лѣстница или изъ нарфикса (притвора), или со двора непосредственно.

Входъ въ зданіе храма дѣлается съ узкой и длинной сторонъ. Съ узкой стороны иногда бываетъ три двери, изъ коихъ средняя закрывается ковромъ. Предъ храмомъ имѣется крытый нарфиксъ, изъ котораго уже и входятъ въ храмъ.

Кромѣ иконъ въ иконостасѣ, изображенія ликовъ святыхъ имѣются еще и въ храмѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ, разставленные въ простѣнкахъ между окнами боковыхъ нефовъ. Предъ каждой изъ иконъ стоятъ подсвѣчники съ большими свѣчами. Живопись константинопольскихъ храмовъ двоякая: греческая и русская. Послѣдняго рода иконы встрѣчаются въ константинопольскихъ храмахъ нерѣдко, и на нихъ имѣются даже русскія надписанія. Что же касается иконъ греческой живописи, то онѣ по характеру и сюжетамъ во многомъ напоминаетъ намъ аѳонскую живопись, такъ что не безъ вѣроятности можно полагать, что художниками, украшавшими современные константинопольскіе храмы живописью, бывали, между прочимъ, и аѳонскіе зографы-отшельники. Поэтому сужденіе о характерѣ этой живописи мы сдѣлаемъ ниже, при обозрѣніи иконографіи современнаго Аѳона.

Въ иныхъ совершенно условіяхъ по отношенію къ турецкому правительству находилась св. гора Аѳонъ съ самаго покоренія турками Балканскаго полуострова, и это свое исключительное положеніе занимаетъ она до настоящаго времени. Причиною этого счастливаго исключенія были ловкость и предусмотрительность аѳонскихъ отшельниковъ, успѣвшихъ предотвратить уже занесенный надъ ними грозный мечъ султана Мурада II. Явившись къ сул-

тану, послѣ покоренія имъ 1 мая 1430 года города Солуня и сосѣдней съ Аѳономъ области Сидирокавсійской, они признали надъ собою его власть и обязались платить отъ каждаго монастыря харачь или подать. Султанъ въ знакъ своего благоволенія за добровольное подчиненіе иноковъ далъ имъ фирманъ, которымъ онъ предоставлялъ имъ свободу религіознаго вѣроисповѣданія и торжественное отправленіе всѣхъ христіанскихъ службъ и обычаевъ, выработанныхъ аѳонскими отшельниками въ предшествующее время. Для защиты иноковъ и интересовъ монастырскихъ на Аѳонъ назначенъ былъ турецкій чиновникъ каймаканъ, который, не имѣя никакого вліянія на внутреннюю жизнь монастырей, отъ которыхъ онъ стоитъ въ матеріальной зависимости, ревностно исполняетъ свои обязанности въ пользу обителей. Послѣ не удавшагося перваго нашествія, св. Гора видѣла у себя не разъ турецкія войска, которыя оскверняли храмы, грабили ея сокровища, многія зданія разрушали и предавали огню. Особенною жестокостію отличались турки во время своего пребыванія на св. Горѣ въ 1821 году, когда аѳонскіе иноки были заподозрѣны въ сочувствіи греческому возстанію за свою независимость. Слѣды произведенныхъ въ это время опустошеній не изгладились совершенно и доселѣ. Но всѣ эти печальныя и тяжелыя обстоятельства для св. Горы были временными и скоро проходили, не оказавъ никакого вліянія на религіозную жизнь святогорскихъ отшельниковъ. Всѣ эти историческія перемѣны не имѣли ни малѣйшаго вліянія ни на архитектурныя формы храмовъ, ни на самый богослужебный строй Аѳонской горы. Здѣсь христіанскіе храмы съ формами, выработанными въ вѣкъ Юстиніана, остались въ своей неприкосновенности и служили своему прямому назначенію. Многіе изъ аѳонскихъ храмовъ по происхожденію довольно древняго времени[1]).

---

[1]) Соборная церковь, напр., Успенія Божіей Матери въ Иверскомъ монастырѣ построена Іоанномъ Иверомъ между 980 и 985 годами, а купо-

Планъ аѳонскихъ храмовъ почти вездѣ сохраняетъ свой одинаковый видъ неизмѣнно. Въ основаніи его лежитъ обыкновенный равноконечный византійскій крестъ съ закругленіями на верхнихъ его концахъ. Въ восточной части закругленіемъ его служитъ алтарный абсидъ, къ которому весьма нерѣдко примыкаютъ два меньшихъ абсида, съ правой стороны называемый діакономъ и служащій хранилищемъ священныхъ сосудовъ и мѣстомъ собранія діаконовъ во время богослуженія, а съ лѣвой — жертвеннымъ отдѣленіемъ. Въ боковыхъ закругленіяхъ устрояются изящныя столярно-токарной работы стасидіи для лѣваго и праваго хора пѣвцовъ и для главныхъ старцевъ обители. Стасидіи, ближайшія къ иконостасу, занимаютъ: на правой сторонѣ типикарь, стоящій близъ своей типикарницы, которая большею частію находится за правымъ при-алтарнымъ столбомъ, и канонархъ, а на лѣвой — параеккліархи. На правой сторонѣ, при самомъ входѣ въ средину храма, подъ балдахиномъ находится епископская стасидія, большею частію изъ орѣховаго дерева съ вычурною рѣзьбою. Въ этой стасидіи, по аѳонскому обычаю, въ большіе праздники стоитъ игуменъ въ архіерейской мантіи [1]) съ посохомъ въ рукахъ. Рядомъ съ епископско-игуменскимъ мѣстомъ находится простая, но украшенная болѣе затѣйливою рѣзьбою, чѣмъ стасидіи простыхъ монаховъ, стасидія, которая занимается или самимъ игуменомъ, въ обыкновенные дни, или же почетнѣйшимъ изъ старцевъ, когда игуменъ стоитъ въ главной стасидіи или служитъ въ алтарѣ. Эту среднюю часть храма отдѣляетъ отъ слѣдующей, называемой крытымъ внутреннимъ нарѳиксомъ, стѣна, доходящая до арокъ,

---

ломъ ее украсилъ игуменъ Георгій Мтацминдели въ 1053 г. (Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скит. Порфир., ч. I, отд. II, стр. 178).

[1]) Обычай аѳонскихъ игуменовъ надѣвать архіерейскую мантію, очевидно, существуетъ тамъ издавна. Въ лаврѣ св. Аѳанасія на задней сторонѣ соборнаго храма имѣется изображеніе игумена, ктитора храма, передъ образомъ Богоматери. Игуменъ одѣтъ въ архіерейскую мантію. Расписанъ же живописью храмъ въ 1535 году.

соединяющихъ колонны средней части храма съ колоннами этого нарфикса. Въ стѣнѣ имѣются три двери, изъ коихъ средняя задергивается завѣсою. Входятъ въ храмъ обыкновенно чрезъ боковыя двери, входить же черезъ среднюю дверь считается неприличнымъ простымъ монахамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они идутъ принимать св. Тайны или антидоръ, или же цѣловать св. иконы, крестъ и Евангеліе. Этотъ притворъ иногда бываетъ очень великъ, обширнѣе даже средняго пространства храма, и въ такомъ случаѣ поддерживается онъ двумя парами параллельно поставленныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ арками. По стѣнамъ этого нарфикса, а также за столбами его стоятъ стасидіи. Въ стасидіи за правымъ столбомъ вблизи средней двери, ведущей въ самый храмъ, стоитъ игуменъ во время чтенія часовъ, повечерія и полунощницы, а въ стасидіи за правымъ столбомъ вблизи выходной двери игуменъ стоитъ во время совершенія литіи. Первую стасидію на правой сторонѣ занимаетъ очередной іеромонахъ, слѣдующую за ней псалтій, далѣе канонархъ и пѣвцы, а на лѣвой почетные старцы и пѣвцы. Надъ нарфиксомъ въ нѣкоторыхъ храмахъ (Иверѣ, Ватопедѣ) устрояются катихумены[1]) (κατηχουμένεια) или хоры съ большимъ окномъ, обращеннымъ внутрь храма.

Такимъ образомъ все зданіе храма покоится на трехъ или двухъ парахъ параллельно стоящихъ мраморныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ арками. Колонны эти увѣнчаны византійскими капителями съ изображеніями креста, человѣческихъ фигуръ, птицъ и т. п. и отъ верху до низу расписаны священными изображеніями. Вѣнчающій среднее пространство въ видѣ короны куполъ лежитъ на тамбурѣ или барабанѣ, изрѣзанномъ необширными, прекрасно округленными окнами, и поддерживаемомъ сводами на каменныхъ массивныхъ устояхъ. Нерѣдко (въ Иверѣ, Руссикѣ и др.)

---

[1]) Въ тѣхъ храмахъ, гдѣ внутреннихъ нарфиксовъ два, тамъ и катихумены устрояются на верху обоихъ нарфиксовъ.

куполъ лежитъ непосредственно на легкихъ колоннахъ. Побочные куполы, а ихъ иногда бываетъ до десяти, оконъ большею частію не имѣютъ.

Кромѣ внутренняго нарфикса, всѣ почти храмы св. Горы имѣютъ еще внѣшній крытый нарфиксъ, по размѣрамъ значительно меньше перваго и отдѣленный отъ внутренняго капитальною стѣною, съ одною, а иногда съ тремя дверями, ведущими во внутренній нарфиксъ. Средняя дверь завѣшивается ковромъ. Во внѣшнемъ притворѣ, при входѣ въ храмъ направо, стоитъ обширная большею частію мраморная стасидія, въ которой садится игуменъ послѣ такъ называемыхъ ктиторскихъ панихидъ, и послѣ панихидъ въ пятокъ вечера предъ субботами Мясопустной и Троицкой. За этою стасидіею по обѣимъ сторонамъ входной двери тянутся скамьи, на которыхъ въ этомъ случаѣ садятся по старшинству іеромонахи и простые монахи. Пѣвцы размѣщаются въ стасидіяхъ на противоположной сторонѣ.

Стѣны внутренней части храма выложены большею частію мраморными плитами, но въ лаврскомъ соборномъ храмѣ—прекрасными изразцами. „Выше же стоялищъ, яко на сажень въ высоту, описываетъ этотъ послѣдній храмъ В. Григоровичъ-Барскій, окрестъ осаждены суть стѣны нѣкіими отъ чрепія драгаго полированными дсками, иже сице суть зѣло гладки и блистательны, аки зеркало, яко ни прахъ къ нимъ можетъ пристати, таковые же дробные и удивительно прилѣплены суть на нихъ цвѣты, яко едва сложеніе скрижалей познавается, ибо аки едина цѣла одежда удивительно тканна, окрестъ распростерта зрится“ [1]).

Въ алтарѣ посрединѣ стоитъ престолъ. Надъ нимъ возвышается киворій или деревянная сѣнь съ главою на четырехъ тонкихъ столбахъ. Довольно искусная рѣзьба, украшающая ее, позолочена. Подъ киворіемъ виситъ артофорій или дароносица, иногда въ видѣ небольшой церковки [2]), а иногда въ видѣ голубя.

[1]) Путеш. къ св. мѣстамъ стр. 518.

[2]) Ibid. стр. 520.

За престоломъ сейчасъ же стоитъ большой крестъ, по преданію относимый или къ глубокой древности, или же украшенный частицею изъ креста Господня. На престолѣ имѣются св. Евангелія въ стоячемъ положеніи, кресты, ковчеги съ частицами мощей святыхъ и подсвѣчники. Въ нишѣ стоитъ каѳедра епископа, или же мѣстно чтимая икона. Отъ боковыхъ абсидовъ алтарь отдѣляется завѣсами, протянутыми подъ арками. Во время литургіи, когда начинается важнѣйшій актъ литургіи—освященіе св. даровъ, для того, чтобы не могли разсѣеваться священнослужащіе и никто изъ постороннихъ своимъ любопытствомъ не нарушалъ бы ихъ благоговѣнія, задергиваются эти завѣсы, а также и завѣса царскихъ дверей. Въ тѣхъ храмахъ, гдѣ боковыхъ абсидовъ не имѣется, тамъ кругомъ престола протянуты мѣдные прутья, на которыхъ висятъ завѣсы, употребляемыя для упомянутой цѣли. Иконостасъ невысокій и во всемъ напоминаетъ иконостасъ константинопольскихъ храмовъ[1]). Надъ верхомъ иконостаса водружается крестъ съ Распятіемъ, съ предстоящими по бокамъ его образами Богоматери и Іоанна Богослова. Этотъ крестъ обыкновенно окружается какъ бы лучистою позолотою и устанавливается на фантастическомъ рѣзномъ чудовищѣ. Передъ иконами Спасителя и Божіей Матери стоятъ высокіе подсвѣчники съ толстыми расписанными свѣчами

[1]). Въ старину, даже еще въ прошломъ столѣтіи, на мѣстѣ нынѣшняго иконостаса стоялъ обыкновенно мраморный дистилонъ, т. е. сквозная мраморная рѣшетка или перегородка съ шестью колоннами и съ карнизомъ, безъ мѣстныхъ иконъ. Такіе иконостасы сохраняются нынѣ на Аѳонѣ въ храмахъ Успенскомъ Протатскомъ, Успенскомъ Иверскомъ, Ксенофскомъ и до послѣдняго времени въ Благовѣщенскомъ въ лаврѣ св. Аѳанасія. Въ этомъ послѣднемъ храмѣ его видѣлъ еще В. Григоровичъ-Барскій. „Обоюду царскихъ вратъ, пишетъ онъ, суть столпы мраморные четыре, зеленые съ бѣлыми воды, яко полторы сажени высоты, толсты же, яко объяти человѣку единою рукою, съ надглавниками отъ бѣлаго мрамора, съ изсѣченіемъ хитрымъ животныхъ, верьху же ихъ доски мраморныя, бѣлыя великія; отъ нихъ же едина въ сажень“ (Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 520). Онъ сохранялся за деревяннымъ иконостасомъ во время путешествія преосв. Порфирія по Аѳону въ 1845 году

въ серединѣ и меньшими вокругъ. Такіе подсвѣчники, въ обычное время затянутые въ розовые или бѣлые чехлы, стоятъ и передъ иконами праваго и лѣваго столбовъ и предъ проскинитаріемъ. Подъ каждою изъ мѣстныхъ иконъ повѣшена небольшая иконка, къ которой братія прикладывается, по окончаніи службъ. Подлѣ праваго столба ближе къ царскимъ дверямъ стоитъ широкій аналой, на которомъ полагаются иконы Пресвятой Богоматери, храмовая икона и святцы, а въ праздники икона праздника. Этотъ аналой съ иконами называется проскинитаріемъ. Противъ стасидій праваго и лѣваго полукружій, гдѣ, какъ мы сказали, помѣщаются хоры, стоятъ небольшіе многогранные аналои, облицованные весьма художественно перламутромъ и слоновою костью по индѣйской черепахѣ. Такая же облицовка и на проскинитаріѣ. На упомянутые аналои канонархъ кладетъ книгу во время богослуженія, при исполненіи своихъ обязанностей. Освѣщаются эти аналои стеклянною лампадою въ видѣ блюдца, которая виситъ на желѣзномъ загнутомъ прутѣ, прикрѣпленномъ къ аналою. Средину купола во всѣхъ храмахъ занимаетъ такъ называемый хоросъ, самое обстоятельнѣйшее описаніе котораго сдѣлалъ нашъ путешественникъ В. Григоровичъ-Барскій. „Глава всему тамо украшенію церковному, живописуетъ нашъ паломникъ, есть нѣкій отъ всѣхъ обща святогорцевъ именуемый хоросъ, иже въ

(Путеш. по Аѳон., ч. I, стр. 194), но въ прошломъ 1886 году разобранъ старый деревянный иконостасъ, а вмѣстѣ съ нимъ убранъ изъ церкви и древній дистилонъ. На мѣсто всего этого, въ мое пребываніе въ Лаврѣ, ставился новый иконостасъ изъ прекраснаго сѣраго мрамора, но этотъ уже въ стилѣ и вкусѣ современныхъ аѳонскихъ понятій объ иконостасѣ. Въ это же время какіе-то богомазы аѳонцы возобновляли и соборную, почернѣвшую отъ времени, живопись кисти монаха Ѳеофана, расписавшаго церковь въ 1535 году. При мнѣ былъ возобновленъ Спаситель, благословляющій имяносло вно, съ Евангеліемъ въ другой рукѣ, и двѣ три—другія иконы. Судя по началу, внутренность храма обѣщаетъ быть на столько же пестра, какъ и ея уже возобновленный нарфиксъ. Богомазы мало заботятся о подлинникахъ и красокъ не жалѣютъ.

коемждо монастырѣ въ соборномъ храмѣ обрѣтается единымъ и тѣмъ же подобіемъ, кругловиденъ аки обручь, но и качествомъ и количествомъ разнствуетъ, иный бо искуснѣйшаго мастерства, а иные не весьма искуснаго, иный зѣло великъ, а инъ малъ, а иный посредній, по величеству главы храма; въ Лаврѣ же большій всѣхъ, понеже и глава храма больша всѣхъ храмовъ святогорскихъ. Хоросъ убо гречески не что ино знаменуетъ, точію ликъ торжествующихъ и чинно окрестъ обстоящихъ, на подобіе убо живаго лика, метафоричнымъ способомъ, и оный бездушный ликъ или хоросъ нарицается. Есть убо сей хоросъ нѣкій обручь мѣдный, равною мѣрою съ главою храма содѣланный, въ широту яко на пядь, или больше или меньше, но весь сквозѣ дырявъ изваянный съ преплетеніемъ различныхъ тонко изрытыхъ цвѣтовъ, птицъ и животныхъ, съ частыми предѣлами орловъ двоеглавныхъ и нѣкіихъ круговъ на подобіе башень, виситъ же оцѣпленъ къ вы главной храма на двадесяти поясахъ, тоюжде штукою и художествомъ изліянныхъ; въ иныхъ убо монастыряхъ на осьми поясахъ виситъ, въ иныхъ же на десяти, по широкости главы церковной; въ святой же Лаврѣ на дванадесяти поясѣхъ обвѣшенъ есть хоросъ... Нижае же обруча онаго такожде тонко изліянные нѣкіе дискоси дирявые, на подобіе рѣшетъ, или кадильницъ висящія, тяготы ради и праваго висѣнія хороса, нижае же тѣхъ висятъ кисти [1]) шелковыя, красоты ради; съ верху же окрестъ всего хороса обстоятъ на остротахъ водруженныя свѣщи многи, въ иныхъ монастыряхъ множайшія числомъ, въ иныхъ меньше, по количеству главы храма; въ святой же Лаврѣ на хоросѣ суть свѣщъ семьдесятъ двѣ, съ притворными съ верху цвѣтами на подобіе криновъ и розъ, иже никогда всѣ не запаляются, точію нѣкія опредѣленныя отъ нихъ нарочно зажигаются въ дни праздничные на всенощныхъ бдѣніяхъ, во время егда поется поліелей, отъ

[1]) Во многихъ храмахъ вмѣсто кистей висятъ страусовыя яица разныхъ виличинъ, имѣющія на себя иногда иконографическіе сюжеты.

нихъ же неугасаемы суть тридесять три“ [1]). Въ средину хороса изъ купола спущено на цѣпи многоярусное паникадило со множествомъ свѣчей. Кромѣ этого главнаго паникадила, по бокамъ его имѣются еще меньшихъ четыре паникадила со множествомъ свѣчъ. Передъ крестомъ, вѣнчающимъ иконостасъ и по бокамъ двухъ полукружій висятъ небольшія ламнады съ крестомъ и съ двумя высокими и толстыми свѣчами, зажигаемыми на литургіяхъ. Паникадило съ свѣчами имѣется и во внутреннемъ нарфиксѣ, но небольшихъ размѣровъ. Всѣ иконы обыкновенно украшаются пеленами, повѣшенными внизу, которыя въ праздники перемѣняются на украшенныя даже драгоцѣнными камнями, а царскія двери—блестящими богатыми епитрахилями [2]). Чтобы окончить наше описаніе внутренняго расположенія храмовъ аѳонскихъ и ихъ украшеній, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно пола ихъ. Онъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе чудною мозаикою разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, изъ которыхъ онъ выложенъ. „Подножіе же паче всего зѣло драгое и лѣпое есть, описываетъ В. Григоровичъ-Барскій [3]) полъ Лаврскаго храма, драгими различными мраморами помощенно сице художественно и гладко, яко едва познавается соединеніе, кій же языкъ по достоянію изрещи, или каковая трость описати подробно возможетъ оные различные цвѣты и удивитель-

[1]) Путеш. къ св. мѣстамъ стр. 521.

[2]) Намъ думается, что этотъ обычай святогорцевъ выродился совершенно естественно изъ обыкновенія начинать іеромонаху будничные службы внѣ алтаря, въ стасидіи съ лѣвой стороны, безъ ризъ. Для чтенія же свѣтильничныхъ молитвъ, произнесенія эктеній очередной іеромонахъ подходитъ къ царскимъ дверямъ и надѣваетъ епитрахиль, висящую съ правой стороны ихъ на гвоздикѣ. Эту епитрахиль онъ снимаетъ тотчасъ, по исполненіи своихъ обязанностей. Въ праздники вечернее богослуженіе или всенощное бдѣніе начинается священникомъ въ алтарѣ, но обычай видѣть епитрахиль на своемъ мѣстѣ остался безъ измѣненій съ тѣмъ лишь различіемъ, что теперь, сообразно съ торжествомъ, виситъ дорогая и богатоукрашенная епитрахиль, иногда не одна, а двѣ и болѣе.

[3]) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 520.

ные на нихъ зрящіяся доски изъ червонныхъ и бѣлыхъ мраморовъ и иныхъ пестрыхъ и многоцвѣтныхъ, наибольше убо всѣхъ суть доски широки, на пять пядій, длиною же на десять и меньше сихъ, всѣ отъ бѣлаго чистаго мрамора, съ дымообразными или облачными водами, сице художественно камень къ камню и воды къ водамъ соединены, яко идѣже вкупѣ два или четыре камня, аки единъ цѣлъ быти зрится, на подобіе краснотканной плащаницы; между же тѣми иныя червонныя, а иныя сивыя и рябыя, а иныя инако скрижали, съ разными на нихъ водами, но между же всѣми нѣкіе узкіе поясы отъ различныхъ дробныхъ мраморовъ упещренны, иже къ многой похвалѣ художника и къ великому удивленію зрящаго возбуждаютъ, обаче руками человѣческими неотимѣнно изобразитися не могутъ, тѣмъ же способомъ и побочные храмы и паперти помощены и блистаются аки зеркало, яко всякъ новоприходящій жалѣетъ на помостъ ступать“ [1]). Въ другихъ храмахъ можно видѣть подобные же полы, но лишь не столь художественной работы.

Но полъ аѳонскихъ храмовъ въ главной ихъ части имѣетъ не только художественный интересъ, но и богослужебный, такъ сказать. Подъ самымъ хоросомъ противъ царскихъ вратъ сѣрымъ мраморомъ по бѣлому выложены два четыреугольника, одинъ въ другой вложеные. Между ними на каждой сторонѣ имѣется по три круга: въ срединѣ одинъ и два по угламъ. Такой же кругъ имѣется въ центрѣ четыреугольниковъ, называемый въ памятникахъ и въ современномъ аѳонскомъ Типикѣ ὀμφάλιον [2]). Сюда на

---

[1]) Полъ аѳонскихъ храмовъ моется розовою водою. Для сохраненія его канонархи, переходящіе съ одной стороны на другую во время богослуженія, надѣваютъ мягкія туфли.

[2]) Тип. ркп. Иверск. храма стр. 100. Голубинскій ошибочно утверждаетъ, что „этотъ кругъ или овалъ, яко бы теперь не имѣющій у грековъ никакого техническаго названія (?) (и просто называемый κύκλος—кругъ) и большинству ихъ вовсе неизвѣстный (?) по своему назначенію, въ древнее время называвшійся ὀμφάλος или ὀμφάλιον, имѣлъ свое назначеніе тогда

этотъ чудный художественный коверъ изъ мраморовъ становятся іеромонахи во время поліелея, панихидъ и молебновъ, сюда они выходятъ малымъ входомъ съ кадиломъ на вечерни и съ Евангеліемъ и великимъ выходомъ св. дарами на литургіи. Здѣсь ставятся иконы, плащаница для лобызанія и т. п.

Описанный нами типъ храмовъ на Аѳонѣ господствующій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать и выдающіяся своими особенностями исключенія. Къ такимъ исключеніямъ безспорно нужно отнести храмъ во имя Успенія Богоматери въ Кареѣ или, такъ называемый, соборный протатскій храмъ, время построенія котораго нѣкоторые (напр. Плака) относятъ, конечно преувеличенно, къ 335 году и съ которымъ связываютъ имя пресловутаго Панселина, аѳонскаго живописца, расписавшаго эту церковь.

Храмъ протатскій представляетъ продолговатый четыреугольникъ, съ выдающимся полукруглымъ алтарнымъ абсидомъ на узкой сторонѣ. Стѣнами, идущими параллельно длиннымъ наружнымъ стѣнамъ, все зданіе дѣлится на три продольные нефа или корабля, изъ коихъ бѣковые нефы ниже и значительно уже среднихъ. Каждая изъ внутреннихъ стѣнъ состоитъ изъ трехъ пролетовъ, сведенныхъ арками и расположенныхъ параллельно другъ другу, причемъ средній пролетъ равняется широтою своею широтѣ средней части храма, а боковые пролеты небольшіе и служатъ какъ бы дверями. Боковыя части въ линіи среднихъ пролетовъ перегораживаются стѣнами съ небольшими дверями, въ силу чего все зданіе представляется крестообразною залою съ неравномѣр-

---

только въ отношеніи къ богослуженію“ (Истор. русск. Церкв. т. I, полов. II, стр. 204). Въ настоящее время за даннымъ мѣстомъ удержано то же назначеніе и даже то же самое названіе, хотя послѣднее уже употребляется съ поясненіемъ значенія его. Μετὰ τὸ εὐαγγέλιον, говорится въ Типиконѣ относительно положенія поклонной иконы въ Великую пятницу на вечернѣ, τίθεται τὸ προσκύνημα ἐν τῷ μέσῳ τοῦ ναοῦ ἐν τῷ ὀμφαλίῳ (Ивер. Тип. стр. 100). Въ древнѣйшихъ памятникахъ такой тавтологіи не могло быть.

ными четырьмя оконечностями въ видѣ комнатъ по угламъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ этомъ храмѣ какъ бы соединеніе плана базилики съ планами Юстиніановскихъ храмовъ. Кровля плоская дощатая и покоится на стѣнахъ храма, сложенныхъ кое-какъ изъ кирпича и булыжника. Наружныя стѣны прорѣзывались когда-то 9 окнами на каждой сторонѣ, и по одному двойному большому по выше, но потомъ были заложены и, остались только небольшія окна подъ кровлею средней части храма; такъ что внутренность этого храма мрачная и производитъ непріятное впечатлѣніе на зрителя. При храмѣ имѣется наружный крытый притворъ, построенный, какъ гласитъ мраморная плита надъ входною дверью, молдовлахійскимъ воеводою Богданомъ въ 1508 году.

Алтарь раздѣленъ арками и состоитъ изъ средней части, жертвеннаго отдѣленія и діаконника. Иконостасъ обычный, а равно и всѣ храмовыя украшенія не представляютъ разницы отъ украшеній въ другихъ аѳоно-греческихъ храмахъ. Впрочемъ, иконостасъ еще во время посѣщенія Аѳона въ 1744 году В. Григоровичемъ-Барскимъ былъ мраморный, а не деревянный вырѣзанный и позолоченный, какъ нынѣ. „Иконостасъ мраморный, описываетъ онъ, съ шестью бѣлыми столпами, яко на пятьнадесять пядій высоты имущими, верху же среднихъ обоюду вратъ царскихъ пристоящихъ, суть доски мраморныя долгія вмѣсто покрова положенны, отъ нихъ же едина долгота есть пядій двванадесять, другая же осмьнадесять, таковы же мѣрою исподнія правоположенны вмѣсто стѣны подъ намѣстными иконами“ [1]). Отъ этого иконостаса, называемаго у грековъ τέμπλον [2]), остатки, т. е. мраморныя колонны съ таковыми же между ними плитами, украшен-

[1]) Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 605.

[2]) Это слово о. архимандритъ Антонинъ производитъ отъ латинскаго templum, такъ какъ будто бы фигурою темплонъ походилъ на языческіе храмы прежнихъ временъ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 118). Обстоятельное замѣчаніе относительно настоящаго слова можно видѣть въ Истор. русск. Церк. проф. Голубинскаго т. I, полов. II, стр. 177, прим. 3.

ными рѣзьбою, сохраняются и до настоящаго времени за нынѣшнимъ деревяннымъ иконостасомъ.

Кромѣ храмовъ соборныхъ, въ каждомъ монастырѣ по разнымъ многочисленнымъ зданіямъ и пристройкамъ имѣются въ видѣ домовыхъ небольшіе храмы, которые называются здѣсь параклисами (παρακλῆσι). Значеніе ихъ прекрасно охарактеризовалъ В. Григоровичъ-Барскій. „Многіе устроиша сіи малые храмы, говоритъ онъ, по гречески именуемые параклисіи; многихъ ради нуждъ и богословныхъ ради частыхъ служеній и поминаній вписанныхъ душъ въ книгахъ монастырскихъ, за подаваемую милостину, или о сорокоустахъ, или о вѣчномъ рода ихъ литургисаніи, ради раннихъ литургій и кратчайшихъ уединенныхъ молитвъ, ради старыхъ и немощныхъ и безмолвіе любящихъ, таковые бо нарочно близъ храмовъ и обитаютъ, яко не точію пять или десять ступеней прешедшимъ, но по нуждѣ, или изволенію и внутрь келліи стоящимъ, или сидящимъ, мощно слушати божественную литургію“ [1]). Особенность этихъ параклисисовъ заключается главнымъ образомъ въ устройствѣ престоловъ, которые большею частію прислонены непосредственно къ стѣнѣ, какъ въ католическихъ храмахъ. На протяженіи одной и той же доски, которая служитъ и престоломъ, съ лѣва устрояется мѣсто для жертвенника.

Колоколень (καμπανάριον), находящихся въ связи съ храмомъ, какъ у насъ на Руси, на Аѳонѣ нѣтъ. Имѣлись раньше и имѣются въ настоящее время звонницы, устроенныя отдѣльно отъ храмовъ и колокольни въ видѣ башень не свыше трехъ сажень (въ Иверѣ Зоградѣ, Руссикѣ и друг.) съ остроконечнымъ верхомъ [2]). На этихъ башняхъ или звонницахъ висятъ безъ всякаго порядка

---

[1]) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 516.

[2]) См. рисунокъ въ Труд. перв. арх. съѣзда въ Москвѣ 1869 г. М. 1871 г., т. I, стр. 304.

колокола, била и клепала [1]). „Обоюду же преддверія церковнаго, описываетъ В. Григоровичъ-Барскій храмъ лавры св. Аѳанасія, стоятъ колокольни каменнозданны, на одесной убо общіе часы бьютъ громогласно, а на ошуей съ верьху пѣтелъ мѣдный, ради красы и удивленія поставленъ, сице живо изліянъ, яко аки живый быти зрится, на единомъ убѳ столпѣ два звона и било желѣзное, и на другомъ такожде два и било деревянное, великое“ [2]).

Всѣ упомянутыя нами орудія для призыва богомольцевъ въ храмы употребляются на востокѣ съ глубокой древности [3]) и по своему устройству остаются неизмѣнно одинаковыми, поэтому въ данномъ случаѣ мы приведемъ описанія всѣхъ ихъ словами людей компетентныхъ въ подобнаго рода описаніяхъ. Ручное било, которымъ дается повѣстка предъ началомъ всякаго богослуженія, это, по словамъ Льва Алляція, „дерево въ десять футовъ длины, въ два пальца толщины, въ четыре ширины, какъ можно лучше выстроганное, безъ трещинъ и сучковъ. Держа его въ лѣвой рукѣ за средину, молоткомъ изъ того же дерева, держимымъ въ правой рукѣ, ударяютъ то въ ту, то въ другую сторону, ближе или далѣе отъ лѣвой руки, такъ что дерево издаетъ звукъ то полный, то сильный, то острый, то частый, то протяжный, довольно музыкально“ [4]). Нынѣшнее аѳонское било по своему устройству такое же. Дѣлается оно большею частію изъ каштановаго дерева [5]),

---

[1]) Изображенія этихъ билъ, а также и обстоятельное разсужденіе „о призывѣ къ богослуженію въ восточной Церкви“ интересующіеся найдутъ въ статьѣ покойнаго проф. М. дух. Акад. П. С. Казанскаго, напечатанной въ Труд. перв. арх. съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. кн. I, стр. 300—318. Нѣкоторые факты относительно даннаго вопроса мы заимствуемъ изъ этой статьи.

[2]) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 517.

[3]) О созывѣ братіи къ богослуженію ударѳніемъ упоминается въ житіи св. Пахомія.

[4]) Leo Allatius de templis graec. pag. 4, 5.

[5]) „Дерево, изъ котораго выдѣлываютъ било, называется, по словамъ Алляція, испорченнымъ словомъ σφενδάκη. Думаю, говоритъ онъ, что это

съ выемкою посрединѣ, чтобы удобнѣе было держать его въ рукахъ и иногда на концахъ имѣетъ выемки, расположенныя въ видѣ треугольниковъ. Это било находится въ храмѣ. На колокольнѣ же имѣется другое, деревянное, такъ называемое, великое било, (μέγα σήμαντρον), которое, по словамъ того же Алляція, „виситъ на башняхъ или бильницахъ, прикрѣпленное за края желѣзными цѣпями. Эти била огромной величины, такъ что иногда бываютъ въ осьмнадцать дюймовъ ширины, дюймъ толщины и тридцать длины; въ нихъ ударяютъ молоткомъ соотвѣтственной величины“ [1]). Къ этому, нужно прибавить, что доска эта привѣшивается веревкой, привязанной за кольца, вбитыя по краямъ ея. Иногда бьютъ въ это било не однимъ, а двумя разной величины молотками [2]).

Рядомъ съ деревяннымъ большимъ биломъ виситъ желѣзное било (σίδηρον). Оно толщиною не больше средняго пальца, шириною около трехъ вершковъ, имѣетъ форму дуги съ отвер-

---

не иное, какъ σφένδαμος Θеофраста и Aur. Плинія“ (Allat. de templ. graec. p. 5).

[1]) Ibidem.

[2]) Весьма любопытными чертами описываетъ било нѣкто Іеронимъ Магій. „Σήμαντρον, говоритъ онъ, есть деревянная доска, около пяти пальцевъ ширины, полтора дюйма толщины, футовъ четырнадцать длины. Она дѣлается изъ самаго крѣпкаго и сколько возможно звонкаго дерева; вверху (capite) имѣетъ нѣсколько отверстій шириною не болѣе, какъ пройти гусиному перу; по срединѣ продѣта небольшая веревка. Тотъ, кто долженъ созывать народъ въ церковь, предъ дверями храма или въ другомъ мѣстѣ ударяетъ въ эту доску двумя деревянными молотками не безъ наблюденія музыкальности и вертится кругомъ, отчего звукъ бываетъ сильнѣе, хотя и непріятный. Доска не совсѣмъ прямая, но изогнутая, какъ коромысло вѣсовъ, лежитъ на лѣвомъ плечѣ (sinistro humero) звонаря, который, колотя въ нее, придерживаетъ ее зубами за веревочку, чтобы не соскакивала—не руками придерживаетъ, какъ потому, что взятая въ руки, она не будетъ издавать чистаго звука, такъ и потому, что въ обѣихъ рукахъ по молотку; ибо онъ обѣими руками бьетъ то тамъ, то сямъ, иногда часто, иногда съ нѣкоторыми паузами“. Труд. перв. археол. съѣзда т. I, стр. 301.

стіями по краямъ, въ срединѣ ея имѣется кольцо, за которое цѣпью привязывается это било. Въ него ударяютъ двумя желѣзными молотками (ῥόπιρα). „Это желѣзо, описываетъ въ XVI в. Петръ Белонъ, толщиною въ три пальца, длиною въ руку, нѣсколько изогнутое въ дугу; оно виситъ на гвоздѣ у дверей церковныхъ и издаетъ звукъ, подобный колокольному. Монахи на святой Горѣ не имѣютъ иныхъ звонковъ, кромѣ этого, и когда идти на молитву, то призываются звукомъ этого желѣза“ [1]). Въ настоящее время тоже висятъ такого рода била близъ храма въ Иверѣ, въ Лаврѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но они уже не замѣняютъ колоколовъ, которыхъ на аѳонскихъ колокольняхъ не мало [2]). Повѣшены эти колокола безъ гармоническаго сочетанія и издаютъ скорѣе „гласъ скорби“, чѣмъ „гласъ радости“, такъ какъ аѳонскіе звонари владѣютъ колоколами очень плохо. Но за то звонари аѳонскіе неподражаемые художники тогда, когда они имѣютъ дѣло съ билами и клепалами. „Въ пять часовъ, описываетъ звонъ въ Руссикѣ архимандритъ о. Антонинъ, ударили на колокольнѣ въ большое било, стучали въ него сперва медленно, потомъ скоро и живо съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ, съ ихъ игривою перестановкою, съ быстрымъ переходомъ отъ низшихъ къ высшимъ и наоборотъ, или медленнымъ ихъ переводомъ чрезъ полутоны съ постепеннымъ замираніемъ до совершеннаго прекращенія и съ неожиданнымъ воскресеніемъ ихъ къ новой

---

[1]) Ducange glossar. graec. sub Voce σήμαντρον (по стат. П. С. Казанск. стр. 301, 314).

[2]) Нужно замѣтить, что употребленіе колоколовъ для звона составляетъ на Аѳонѣ и доселѣ неотъемлемую привиллегію лишь штатныхъ монастырей и киновій. Что же касается скитовъ и келлій, то они обыкновенно обязуются, въ такъ называемой, омологіи или договорной грамотѣ не имѣть больше трехъ колоколовъ. Конечно, бываютъ весьма часто нарушенія этого пункта договорной грамоты, особенно въ русскихъ скитахъ, и это ничтожное обстоятельство иногда ведетъ къ серьезнымъ спорамъ и серьезнымъ затрудненіямъ въ отношеніяхъ монастырей къ своимъ скитникамъ.

живости и силѣ. Такой звонъ или стукъ возобновлялся три раза послѣ остановокъ для отдыха „художника“, какъ называли звонаря греки, видимо умиленные его искусствомъ. И каждый разъ онъ позволялъ имъ слышать новые звукосочетанія, разнообразныя отъ перваго удара молотка до послѣдняго. Музыка эта продолжалась полчаса“ [1]).

Аѳонскіе храмы украшаются иконами и стѣнною живописью. Иконы размѣщаются въ иконостасѣ, на колоннахъ храмовъ, на игуменскомъ мѣстѣ и по сторонамъ храма на аналояхъ. Въ иконостасѣ иконы расположены такъ же, какъ и въ нашихъ храмахъ, хотя нерѣдко храмовая икона стоитъ не рядомъ съ Спасителемъ, какъ у насъ, а за правымъ при-алтарнымъ столбомъ. Что касается размѣщенія изображеній на стѣнахъ, которыя украшаются ими сверху до низу, то въ храмахъ аѳонскихъ существуетъ болѣе или менѣе опредѣленный порядокъ [2]). Въ нижнемъ ярусѣ самыхъ храмовъ, нѣсколько повыше монашескихъ стасидій, расположены большею частію мученики съ аттрибутами своихъ мученическихъ подвиговъ [3]). По линіи того же яруса въ алтарѣ изображены святители и главнымъ образомъ творцы литургій, имѣющіе нерѣдко въ рукахъ свитки съ литургійными молитвами [4]). Слѣдующій за

---

[1]) Замѣт. поклон. св. горы стр. 29.

[2]) Этотъ порядокъ въ размѣщеніи иконописныхъ изображеній обусловливался вполнѣ тѣми предписаніями, какія существовали на этотъ счетъ въ „Ерминіяхъ“ или руководствахъ къ живописному искусству (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. III, стр. 139—192; т. IV, стр. 470—507; 1868 г. т. I, стр. 269—315, 526—570; т. II, стр. 494—563 и дал.).

[3]) Въ книгѣ „О живописномъ искусствѣ“ свящ. Даніила указано писать слѣдующихъ мучениковъ: св. Георгія побѣдоносца, св. Димитрія (великаго князя?), Ѳеодора Стратилата, Ѳеодора Тирона, Прокопія, Меркурія, Мину, Евстаѳія, Агаѳоника, Нестора, Луппа и Севастіана (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. IV, стр. 477).

[4]) По книгѣ того же свящ. Даніила, изображенія въ алтарѣ размѣщаются такимъ образомъ: „въ восточномъ углубленіи его: Матерь Божія

этимъ ярусъ занятъ изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ, изъ коихъ Благовѣщеніе пишется большею частію на восточной стѣнѣ, повыше иконостаса, а Успеніе Богоматери почти всегда на задней западной стѣнѣ. Подъ этимъ послѣднимъ изображеніемъ иногда имѣется изображеніе недремлющаго Ока[1]). Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ изображается Богоматерь или съ Богомладенцемъ у дѣвственныхъ своихъ персей, или же съ двумя ангелами по бокамъ. Ниже подъ нею (напр. въ Протатскомъ, Хиландарскомъ и другихъ храмахъ) изображенъ Спаситель, на правой сторонѣ, преподающимъ Свое пречистое тѣло апостоламъ, подходящимъ одинъ за другимъ, а на лѣвой—преподающимъ такимъ же образомъ пречистую кровь Свою. Подобныя изображенія находятся и въ лаврѣ св. Аѳанасія, но съ присоединеніемъ ангеловъ, совершающихъ великій выходъ. Картина эта иногда (Иверъ, Ватопедъ и др.) изображается въ шеѣ купола. Въ третьемъ ярусѣ, на

Ширшая небесъ. Въ углубленіи жертвенника: Ὁ ΜΕΛΙΣΜΟΣ=проскомидіа. Тутъ по своду, какъ и въ братской трапезѣ, если хочешь, пиши слѣдующіе стихи: „Воистину живый хлѣбъ есмь и міру свѣтъ“. „Пріидите, просвѣтитеся и насытитеся Мною“. Въ восточномъ полукругѣ алтаря пишутся святители такъ: св. Василій съ словами на хартіи: „Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ, пищу всему міру, Господа нашего и Бога Іисуса Христа ниспославый“;—Григорій Богословъ: „Боже святый, иже во святыхъ почиваяй“;—Іоаннъ Златоустый: „Никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми“;—св. Аѳанасій: „Изрядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей, Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріи“;—св. Кириллъ: „Паки и многажды Тебѣ припадаемъ и Тебѣ молимся“;—св. Григорій Нисскій: „Благословляяй благословящія Тя, Господи“. И прочіе святители, изрекающіе другія молитвы и возгласы. Въ жертвенномъ отдѣленіи алтаря: св. Стефанъ первомученикъ, Романъ сладкопѣвецъ, Николай, Спиридонъ, Петръ Александрійскій, говорящій Христу: „Кто хитонъ Твой, Спасе, раздра?“ Христосъ отвѣчаетъ ему: „всезлобный Арій, Петре!“ Св. Симеонъ Столпникъ и Даніилъ Столпникъ“ (Ibid. стр. 470—471).

[1]) Это изображеніе представляетъ Отрока Спасителя, спящаго на крестѣ съ открытымъ окомъ въ виду бдительнаго надзора за Нимъ Его Пречистой Матери.

аркахъ и сводахъ храма, изображенія по своимъ сюжетамъ разнообразны. Большею частію на правой сторонѣ здѣсь изображаются событія изъ земной жизни Спасителя въ первые годы его жизни на землѣ, а на лѣвой сторонѣ—событія Его послѣднихъ дней. Въ куполѣ изображаются ветхозавѣтные праотцы и пророки въ кружкахъ[1]), а въ небѣ купола или Господь Саваоѳъ съ открытымъ Евангеліемъ въ рукахъ (Ватопедъ) съ словами: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный“, или Спаситель благословляющій одною рукою, а другою держащій Евангеліе (Лавра), или Богоматерь съ распростертыми руками (Зографъ и Костамонитъ). Господь Саваоѳъ пишется рѣдко и изображается въ видѣ старца, съ сіяніемъ кругомъ съ крестомъ и съ буквами ὁ ὢν[2]).

---

[1]) По руковод. „О живопис. искусствѣ“ свящ. Даніила изображаются въ кружкахъ: св. Поликарпъ, Игнатій Богоносецъ, Сильвестръ, Елевѳерій, Кириллъ, Ахиллій, Парѳеній, Климентъ, Агаѳангелъ, Власій, Вуколъ, держащій въ рукахъ юнца; безсребренники: Пантелеимонъ, Ермолай, Козма, Даміанъ, Киръ, Іоаннъ, Сампсонъ, Діомидъ, Ѳалалей и Трифонъ, Сергій, Вакхъ, Христофоръ, Евгеній, Авксентій, Евстратій, Мардарій, Орестъ, Мина, Викторъ, Викентій, Акиндинъ, Пигасій, Афѳоній, Елпидифоръ, Анемподистъ, Ананія, Азарія, Мисаилъ, Кирикъ, Іулита, Марина, Киріака, Варвара, Параскева чудотворица, Ѳекла первомученица. Екатерина, Ирина, Ѳеодора мироточивая, Марія-Магдалина и Анна (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. IV, стр. 470).

[2]) Въ Протатскомъ древнѣйшемъ храмѣ размѣщеніе иконописи по стѣнамъ нѣсколько иное. По описанію архимандрита о. Антонина, „всѣ внутреннія стѣны и дуги въ пролетахъ по всему пространству храма покрыты священными изображеніями въ боковыхъ отдѣленіяхъ въ три, а въ среднемъ въ четыре яруса. Первый (нижній) рядъ ихъ составляютъ отдѣльныя въ естественную величину изображенія святыхъ—въ самомъ храмѣ мучениковъ и преподобныхъ, а въ алтарѣ—святителей. Второй ярусъ также большею частію занятъ отдѣльными изображеніями—евангелистовъ, апостоловъ и мучениковъ внутри храма, а въ алтарѣ—событій изъ жизни Господа. Третій ярусъ посвященъ памяти евангельскихъ событій, исключая четырехъ угловыхъ отдѣленій, гдѣ до самаго потолка возвышаются (частію даже уходятъ за потолокъ) ряды мучениковъ. Четвертый ярусъ находится на стѣнахъ средней части храма, болѣе возвышенной, чѣмъ боковыя, и представляютъ

Во внутреннемъ нарѳиксѣ на стѣнѣ, отдѣляющей притворъ отъ храма, на правой сторонѣ изображается Господь Вседержитель, сидящій на престолѣ, а на лѣвой сторонѣ Богоматерь съ предвѣчнымъ Богомладенцемъ, сидящая тоже на престолѣ. Стѣны нарѳикса, ближайшія къ монашескимъ стасидіямъ украшены изображеніями преподобныхъ, исповѣдниковъ, дѣвственниковъ и подвижниковъ, а верхнія стѣны картинами изъ Евангельской исторіи.

Наружный притворъ или паперть украшаютъ картины богохваленія, страшнаго суда и портреты ктиторовъ—императоровъ и благотворителей храмовъ. Здѣсь же пишутся языческіе философы и римскія сивиллы съ изреченіями, по духу приближающимися къ ученію христіанскому. Большею свободою художественнаго творчества здѣсь отличаются картины Богоявленія. „Въ средоточіи купола, описываетъ подобную картину въ папертѣ лавры св. Аѳанасія о. архимандритъ Антонинъ, изображенъ въ радужномъ кругѣ „Вседержитель“, т. е. Іисусъ Христосъ, держащій въ шуйцѣ закрытое Евангеліе, и простирающій десницу какъ бы впередъ себя съ разверстою дланію. Въ первомъ поясѣ кругомъ Спасителя представлены 9 чиновъ ангельскихъ отдѣльными купами. Слѣдующій затѣмъ тонкій поясъ содержитъ въ себѣ знаки Зодіака. Еще ниже, въ широкой полосѣ, непосредственно опускающейся на карнизъ (куполъ безъ оконъ), представляется хваленіе Вышняго

собою рядъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ отъ Адама до Іосифа обручника включительно. Начинаясь въ юго-восточномъ углу алтаря, онъ опоясываетъ собою всю церковь и оканчивается въ сѣверо-восточномъ углу того же алтаря. Изображенія—въ естественную величину и во весь ростъ, но надъ большими пролетами отъ недостатка мѣста сокращаются до бюстовъ. Святые ветхозавѣтные изображены также по дугамъ большихъ пролетовъ (это наилучше сохранившаяся стѣнопись церкви). Между всѣми отдѣльными изображеніями одно только встрѣчается женское—праматери Евы—и то на такой высотѣ, что почти не различается. Между тѣмъ картины изъ евангельской исторіи, естественно, наполнены и женскими лицами. Но онѣ находятся на высотѣ. Это конечно сдѣлано не безъ расчета“ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 111—112).

землею и земнородными. Представленіе такого рода: прямо на востокъ стоитъ старецъ Давидъ съ арфою. Вправо отъ него юноша и три дѣвы, одѣтыя по восточному, но съ открытыми лицами, пляшутъ, схватившись за руки, передъ какимъ-то зданіемъ подъ звуки флейтъ и барабана, раздающихся изъ амбразуръ стѣны означеннаго зданія, вблизи коего видится на колоннѣ чья-то статуя, а можетъ быть и идолъ. Влѣво отъ Давида ликъ монаховъ несетъ церковь Сіонъ, за нимъ (идя все къ солнцу) изображенъ ликъ пророческій; потомъ, обращенныя одна къ другой, купы старцевъ и юнотъ (т. е. молодыхъ людей); потомъ—юноши съ дѣвицами; затѣмъ—Царіе и Судіе земстіи,—послѣдніе представлены въ самыхъ странныхъ одеждахъ, особенно же головныхъ уборахъ. Затѣмъ слѣдуютъ всякаго рода животныя, въ числѣ ихъ и Сатиръ, и Сирена, и Иппокентавръ. Далѣе—дерева, горы, духъ буренъ (въ образѣ ангела, окрученнаго бѣлою звѣздою, составленною изъ двухъ квадратовъ, колѣнопреклоненнаго и дующаго), ледъ, снѣгъ, градъ, огонь. Затѣмъ примыкающее къ упомянотому хору дѣвъ, послѣднее изображеніе: ἐκ τῆς γῆς δράκοντες—представляетъ змѣй, крокодиловъ и всякихъ чудищъ многоголовыхъ и многохвостыхъ. Ниже всего этого по карнизу купола расположены въ малыхъ кругахъ свв. 40 мучениковъ. Еще ниже, въ четырехъ подкупольныхъ навѣсахъ, изображены къ востоку свв. пѣснописцы Косма и Іоаннъ (Дамаскины), сидящими за письменнымъ столомъ, подробности коего, равно какъ и одежда свв. писателей обличаютъ въ живописцѣ большую изобрѣтательность и свободу, а къ западу купы лицъ въ объясненіе стиховъ псалма: „связати цари ихъ путы и славныя ихъ ручными оковы желѣзными, и возношенія Божія въ гортани ихъ, и мечи остры въ рукахъ ихъ“ [1]).

Нынѣшняя аѳонская иконопись, по времени своего происхожденія, не раньше XVI столѣтія. Исключеніе составляютъ только

[1]) Замѣт. поклон. св. горы. стр. 195.

Ватопедскій храмъ, расписанный въ 1312 году и одинъ изъ параклисисовъ монастыря св. Павла, росписанный въ 1393 г.[1]). Явилась здѣсь и развилась иконопись, благодаря тяжелымъ политическимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилось въ это время православное греческое народонаселеніе обширной и могущественной въ ту пору османской имперіи. Фанатизмъ и преслѣдованія христіанъ со стороны турецкихъ султановъ, преемниковъ Мурада II и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, вынудили истинныхъ ревнителей православія, благочестія и строго подвижнической жизни искать для себя пріюта подъ гостепріимнымъ кровомъ святогорскихъ обителей, поставленныхъ въ счастливое исключительное положеніе въ османской имперіи. Здѣсь эти новонасельники св. горы должны были скоро же обнаружить свои таланты и способности, такъ какъ, по издавна установившемуся

[1]) Говоря это, мы вовсе не хотимъ утверждать, что послѣ Ватопедской и Павловской стѣнописи, какъ думаетъ преосв. Порфирій, „ни одинъ святогорскій монастырь не росписывалъ своихъ святилищъ до 1526 года“ (Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1884 г. кн. III, стр. 217), потому что это было бы, по нашему мнѣнію, не въ порядкѣ вещей того времени. Вліяніе Византіи, гдѣ храмы украшались блестящими мозаиками и прекрасными фресками, не могло не оказывать своего воздѣйствія и на сосѣдній Аѳонъ, имѣвшій постоянно покровителей и ктиторовъ изъ лицъ императорскаго дома, щедро украшавшихъ стѣнописью константинопольскіе храмы и другихъ мѣстъ. Быть не можетъ, чтобы эти царственные благотворители оставили безъ вниманія монастыри аѳонскіе. Доказательство этого можно видѣть отчасти и въ нынѣшнихъ храмахъ свято-павловскаго аѳонскаго монастыря, гдѣ и доселѣ сохраняется живопись „одна изъ лучшихъ на св. Горѣ“ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 88) и гдѣ, какъ напр., въ Ватопедѣ, имѣются и доселѣ иконы, какъ говоритъ Григоровичъ-Барскій, „дробными каменцами, си есть мусіею сице дробною, яко едва изрещи мощно, удивительно и натурально насаждены или вымощены“ (Путеш. ко свят. мѣстамъ стр. 627). По словамъ того же путешественника, въ томъ же храмѣ были многія иконы и „нѣкоторые царіе и ктиторы такожде мусіею насаждены, но зѣло очернѣлые и обветшалые“. Слѣдовательно, храмъ этотъ былъ украшенъ во вкусѣ своего времени и вполнѣ блестяще. Быть не

прекрасному обычаю аѳонскаго монашества, всѣ эти лица обязаны вмѣстѣ съ духовными подвигами нести и подвиги послушанія, служить трудами рукъ къ процвѣтанію своей метаніи[1]). Занятіе иконописью, какъ обязательное послушаніе для лицъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ, могло вполнѣ отвѣчать и ихъ искреннему сердечному стремленію и настроенности къ постоянному богомыслію; оно давало имъ возможность примѣнить свои силы и способности на дѣлѣ и даже развить ихъ до возможной степени совершенства, такъ какъ здѣсь на Аѳонѣ къ тому были всѣ благопріятныя условія, благодаря предоставленной ему свободѣ христіанскаго богопочитанія. Многочисленные храмы монастырей и скитовъ аѳонскихъ давали этимъ пришельцамъ полный просторъ для дѣятельности. Въ XVI и началѣ XVII столѣтія почти одновременно работали на Аѳонѣ лица разнаго происхожденія, выходцы разныхъ областей и мѣстъ турецкой имперіи и другихъ государствъ.

можетъ далѣе, чтобы этотъ примѣръ оставался на Аѳонѣ безъ подражанія въ другихъ монастыряхъ. Политическія же обстоятельства этого времени не только не препятствовали развитію, и даже процвѣтанію искусства, какъ они не препятствовали ему и потомъ, когда пала Византія и наступили тяжелыя времена для грековъ, а напротивъ содѣйствовали этому, благодаря щедротамъ императоровъ византійскихъ, какъ это видно изъ лѣтописи событій на Аѳонѣ того же времени (Перв. путеш. по Аѳону ч. I, отд. I, стр. 176). Что же касается того обстоятельства, что до настоящаго времени не сохранилось живописи древнѣйшаго времени, кромѣ упомянутыхъ церквей, то въ объясненіе сего нужно указать на частые пожары и землетрясенія, разрушавшія на Аѳонѣ постройки, на набѣги пиратовъ, которые предавали опустошеніямъ монастыри въ надеждѣ на богатую добычу (Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1883 г., кн. XII, стр. 410), а главное все-таки на позднѣйшія поправки храмовъ и ихъ росписаніе вновь живописью съ указаніемъ на время этой новой росписи иконами, что и подало поводъ думать преосв. Порфирію, что другіе монастыри до XVI столѣтія не росписывались иконами.

[1]) Слово: μετανοία очень употребительное на Аѳонѣ и означаетъ монастырь, въ которомъ тотъ или иной монахъ дѣлаетъ поклонъ (метаніе) игумену или соборнымъ старцамъ съ просьбою о принятіи его въ монастырь.

Большинство живописцевъ, конечно, было изъ Византіи, но рядомъ съ ними трудились „пресловутый“ Панселинъ изъ Солуня (въ Протатѣ, Хиландарѣ и др.), монахъ Ѳеофанъ съ сыномъ своимъ Симеономъ изъ Крита (въ Лаврѣ, Ставроникитѣ и Ксенофѣ) Фралгъ изъ Біотіи (въ Лаврѣ, въ никольскомъ придѣлѣ), іеромонахъ Маркъ изъ Грузіи (въ Иверѣ), іеромонахъ Антоній изъ Молдавіи (въ Діонисіатѣ) и многіе другіе иконописцы. Отсюда, слѣдовательно, ясно, что и не можетъ быть никакой рѣчи объ особой школѣ иконописи аѳонской въ это время, о ея самобытности. Здѣсь иконопись была, можно сказать, заносная и самая разнообразная по манерѣ и стилю письма. Господствующій характеръ ея былъ безспорно византійскій и носилъ въ себѣ всѣ тѣ особенности, которыми отличалась иконопись эта въ позднѣйшее время, начиная съ XI столѣтія, „когда, по словамъ нашего знатока византійской иконописи проф. Одесскаго Университета Н. Кондакова, прекращается уже окончательно разработка иконографіи и все дальнѣйшее является лишь бѣднымъ варіантомъ на условленную тему“ [1]). Догматизмъ и символизмъ вмѣстѣ съ олицетвореніемъ вотъ тѣ качества, какими прежде всего характеризуется живопись Аѳона. Согласно съ постановленіями седьмаго вселенскаго

[1]) „Подобное быстрое завершеніе художественной дѣятельности, по словамъ этого профессора, не могло, понятно, быть исполнено, еслибы тому не способствовала постановка ея въ особыя, безпримѣрныя въ исторіи искусства условія: она избрала себѣ самое опредѣленное и ограниченное содержаніе; санкціонированныя формы художественной композиціи довольствовали всевозможные случаи; извѣстное число избранныхъ иконографическихъ типовъ полагалось для образнаго воспроизведенія евангельскаго и библейскаго факта, и поучительно-практическая цѣль, заправлявшая всѣмъ, требовала, чтобы въ фигурахъ являлся отбликъ ликовъ ангельскихъ, пророческихъ и святыхъ; идеальное служило здѣсь подкладкою и фономъ для реальнаго—порядокъ обратный естественному; ремесло устранило художника и превратило его въ искуснаго мастера, который нуждается только въ мелочно-вѣрномъ переводѣ сюжета, чтобы воспроизвести его въ эмали: никто не спроситъ отъ него новыхъ мыслей и формъ, потому что въ этомъ монументальномъ и драго-

собора 788 года, Спаситель изображается здѣсь на иконахъ, то какъ міродержецъ, владыка, возсѣдающій на престолѣ съ державою въ одной рукѣ, а лѣвую сложивъ для благословенія, то какъ первосвященникъ, облаченный въ крещатый саккосъ и омофоръ съ раскрытымъ Евангеліемъ на словахъ: „Азъ есмь пастырь добрый“ въ одной рукѣ, а другую имянословно сложивъ для благословенія, то, наконецъ, какъ пророкъ или учитель съ Евангеліемъ въ рукахъ, открытымъ на словахъ: „Научитеся отъ мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ“. Богоматерь изображается въ царственномъ величіи сѣдящею на престолѣ и съ Богомладенцемъ на рукахъ, который сложилъ персты для благословенія. Голова ея украшается короною, а вокругъ нимбомъ съ надписью $\overline{\text{Мр}}$. $\overline{\Theta\text{ѵ}}$. Мученики, пророки, праведники и т. д. пишутся съ свѣтлыми ликами, устремленными къ небу. Головы ихъ увѣнчаны нимбами, а сами они окружены орудіями страдальческихъ подвиговъ на землѣ.

Вьющіяся кудри, переплетенныя блѣднорозовыми ленточками, у ушей ангеловъ, въ діаконскихъ стихаряхъ[1]), суть символы небесной красоты ихъ и способности всегда слышать молитвы людей; огненные фіалы на головахъ пророковъ—символы обильно изліянной на нихъ благодати; крылья у Іоанна Крестителя—знакъ

цѣнномъ родѣ живописи представляется только все канонизованное. Единодушное стремленіе къ типичности, къ освященнымъ формамъ вызывало обезличеніе и придало самымъ произведеніямъ характеръ ординарности, коренной мертвенности; это не фигуры, но схемы ихъ, не самыя тѣла человѣческія, но ихъ призрачные облики. Не то, чтобы византійское искусство стремилось, какъ говорятъ, придать своимъ образамъ исключительно выраженіе неплотскаго, небеснаго и по тому самому уродовало жизненныя формы: этому противорѣчитъ привязанность къ свѣтлымъ краскамъ, роскоши и изящнымъ фигурамъ античныхъ олицетвореній, но ремесленное искаженіе этой идеальности—вотъ что было причиною внутренняго паденія художества“ (Истор. визант. искусств. и иконограф. по миньятюр. греч. ркп. Одесса 1876 г., стр. 140—141).

[1]) См. рисунокъ въ книгѣ преосв. Порфирія. Первое путеш. по Аѳону кн. I, отд. II, стр. 185.

его посольства предъ лицемъ Спасителя для приготовленія людей къ Его принятію и т. д., и т. д. Подобный же символизмъ мы видимъ, когда художникъ старается олицетворить предметы неодушевленные. Эти олицетворенія въ аѳонской иконографіи бываютъ иногда довольно удачны и заслуживаютъ со стороны изслѣдователя ея вниманія. Для примѣра, мы приведемъ здѣсь описаніе одной иконы въ Иверскомъ монастырѣ преосв. Порфирія. „Богоматерь сидитъ на престолѣ; надъ нею небо и звѣзды, ниже ихъ ангелы, еще ниже, справа, пастыри, слѣва волхвы; еще ниже, справа, наша земля въ видѣ жены въ шапкѣ подноситъ Богоматери пещеру, а слѣва пустыня въ видѣ жены съ открытою головою подноситъ ясли; внизу цари, архіереи и народъ величаютъ Богородицу. Надъ каждою изъ этихъ группъ надписано:

Οἱ οὐρανοὶ τὸν ἀστέρα	Небеса звѣзду
Οἱ ἄγγελοι τὸν ὕμνον	Ангелы пѣснь
Οἱ ποιμένες τὸ θαῦμα	Пастыри удивленіе
Οἱ μάγοι τὰ δῶρα	Волхвы дары
Ἡ γῆ τὸ σπήλαιον	Земля вертепъ
Ἡ ἔρημος τὴν φάτνην	Пустыня ясли
Ἡμεῖς δὲ μητέρα Παρθένον	Мы же Матерь Дѣву“ [1]).

Но рядомъ съ упомянутыми нами особенностями аѳонской иконописи мы видимъ здѣсь въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ проявленіе свободы художественнаго творчества, которое прежде всего сказалось въ созданіи новыхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ византійской иконографіи. Къ такимъ сюжетамъ безспорно принадлежитъ икона Ἡ θεία λειτουργία. Сюжетъ этотъ разработанъ до мельчайшихъ подробностей въ аѳонской иконографіи и изображался не только на стѣнахъ алтаря и храма, но даже и на отдѣльныхъ иконахъ. Любопытнѣйшимъ образчикомъ подобныхъ иконъ можетъ служить икона изъ собранія преосв. Порфирія, хранящаяся въ церковн. археологическомъ музеѣ при Кіевской духов-

[1]) Путеш. перв. въ аѳон. мон. и скиты ч. I, отд. II, стр. 188.

ной Академіи подъ № 35[1]). Икона эта представляетъ великій выходъ, гдѣ участвующими лицами являются, согласно съ церковною пѣснію: „Да молчитъ всякая плоть человѣча“, слова которой по отдѣламъ написаны на иконѣ, всѣ чины ангельскіе. На самомъ выходномъ мѣстѣ изображены два ангела съ кадильницами, за ними два съ чашечками въ видѣ ладонницъ, далѣе по три на каждой сторонѣ со свѣтильниками зажженными (свѣчи на подсвѣчникахъ), за ними на лѣво отъ зрителя одинъ ангелъ съ дискосомъ, покрытымъ воздухомъ, на головѣ, преклоненной къ Спасителю, принимающему этотъ дискосъ, далѣе ангелъ съ чашею безъ воздуха, за нимъ ангелъ, сложивъ крестообразно на груди руки, держитъ въ той и другой рукѣ по лжицѣ, два слѣдующихъ ангела въ рукахъ, сложенныхъ на груди, ничего не имѣютъ. Головы ихъ украшены діадемами въ видѣ обручей съ привѣсками къ нимъ. Направо четыре ангела въ красныхъ коронахъ, напоминающихъ вѣнецъ Мономаха. Вверху ангелы несутъ плащаницу съ надписью: ὕμνος ἐπιτάφιος ἄμνου λόγου. Два ангела впереди и два ангела позади идутъ съ рипидами, по три ангела на той и другой сторонѣ со свѣчами. Одинъ ангелъ съ двумя восьмиконечными большими крестами, а другой съ книгою раскрытою на словахъ: Βασιλεύων βασιλευόντων. Всѣ пять ангеловъ въ блестящихъ каскахъ съ загнутымъ верхомъ. Плащаницу несутъ два ангела въ діаконскихъ стихаряхъ, перепоясанные крестообразно орарями, и одинъ ангелъ въ фелони и епитрахили, лицо же четвертаго скрыто и видна лишь одна маковица. По срединѣ стоитъ престолъ, покрытый пеленою,

[1]) Она написана рукою Николая Критскаго (Χεῖρ ἔγραψεν Νικολάου τοῦ Κρητὸς), по заказу іеромонаха Гавріила (Δέησις τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ Γαβριὴλ ἱερομονάχου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν) въ концѣ XVII столѣтія. Основаніемъ для этого служитъ то обстоятельство, что іеромонахъ Гавріилъ купилъ въ Карей келлію въ честь всѣхъ святыхъ у Каракальскаго монастыря лишь только въ 1681 году (Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 229), а росписалъ ее иконописью несомнѣнно уже позже этого времени.

на которомъ лежитъ разгнутая книга съ словами: ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων. За престоломъ изображены престолы (одинъ изъ девяти ликовъ ангельскихъ) въ видѣ круговъ, съ крыльями на четырехъ сторонахъ, и на нихъ возсѣдаютъ на лѣво отъ зрителя: Спаситель въ крещатомъ саккосѣ и омофорѣ, принимающій св. дискосъ съ головы одного изъ ангеловъ, а на право Богъ Отецъ въ видѣ бодраго старца съ одною рукою, сложенною для имянословнаго благословенія, а въ другой со скипетромъ. Вверху между ними—Св. Духъ въ видѣ голубя, окруженнаго нимбомъ изъ густой позолоты, съ надписью: ἡ ἁγία Τριάς. Внизу иконы изображены павшими ницъ—молодые мужчина и женщина.

Далѣе та же свобода художественнаго творчества проявляется въ стремленіи отвлеченныя представленія передать въ конкретныхъ образахъ. Такова, напр., икона[1]) въ иверскомъ храмѣ на текстъ апостола Павла: „Егда (Богъ) вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ да поклонятся Ему вси ангелы Божіи“ (Евр. 1, 6). Два архангела Михаилъ и Гавріилъ держатъ поясной образъ Еммануила, нарисованный въ кругѣ, означающемъ вселенную, представленную здѣсь позади въ видѣ двухъ квадратовъ. Еммануилъ изображенъ со свиткомъ въ одной рукѣ и съ именословнымъ благословеніемъ въ другой. Позади архангеловъ Михаила и Гавріила стоятъ три ангела, но такъ что видны ихъ лица, съ жезлами въ рукахъ; изъ-за нихъ смотрятъ четыре ангела; выше этихъ взираютъ пять ангеловъ; въ пятомъ и заднемъ ряду выказываются четыре ангела, въ шестомъ три и въ седьмомъ два. Не мало изобрѣтательности нужно было имѣть художнику, чтобы написать ангельскіе чины[2]): престолы,

---

[1]) Копія этой иконы напечатана у преосв. Порфирія, въ перв. путеш. по Аѳону кн. I, отд. II, стр. 185.

[2]) Въ Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота 1701—1733 г. относительно изображенія чиновъ ангельскихъ говорится: „Престолы изображаются, какъ огненныя колеса съ многоочитыми крыльями вокругъ, вставленныя одно въ другое и образующія собою какъ бы царскій престолъ. А херувимы пишутся

серафимы и тетраморфонъ пророка Іезекіиля, напоминающій четырехъ евангелистовъ [1]). Свобода и нѣкоторый натурализмъ составляютъ достояніе иконы Крещенія Господня. Іорданъ переполненъ множествомъ рыбъ и дельфиновъ. Въ немъ множество купающихся и плавающихъ людей, изъ коихъ одни плаваютъ обычно, другіе на спинѣ, третьи снимаютъ рубахи, четвертые надѣваютъ ихъ послѣ купанія и т. д. и т. д. Такая картина встрѣчается на Аѳонѣ очень часто [2]).

Что касается техническихъ пріемовъ, пошиба письма аѳонскихъ заграфовъ, то на этотъ счетъ Византія уже дала имъ опредѣленно выработанный кодексъ правилъ и пріемовъ, которымъ они должны были слѣдовать. Эти пріемы выработаны были тоже въ XI—XII столѣтіи [3]). Аѳонскіе зографы, глубоко проникнутые

въ видѣ одной головы съ двумя крылами; серафимы же—съ шестью крылами, изъ коихъ двумя прикрываютъ лица свои, двумя ноги, и двумя летаютъ; въ рукахъ своихъ они держатъ рипиды съ словами: Святъ, Святъ, Святъ. Такъ видѣлъ ихъ пророкъ Исаія (гл. 6). Тетраморфонъ изображается такъ: шестокрылатый ангелъ, имѣющій вѣнецъ вокругъ головы своей, обѣими руками держитъ Евангеліе у своихъ персей. Среди двухъ крыльевъ, простертыхъ вверхъ отъ головы его, пишется орелъ, у праваго крыла подлѣ плеча—левъ, а у лѣваго, также подлѣ плеча—волъ. Эти животныя смотрятъ вверхъ, а когтями и стопами своими держатъ Евангеліе. Такъ видѣлъ ихъ пророкъ Іезекіиль (гл. 1)". Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 526—527.

[1]) Рисунокъ, у преосв. Порфирія, перв. путеш. на Аѳонъ ч. I, отд. II, стр. 186—187.

[2]) Прекраснымъ образчикомъ восточныхъ иконъ на этотъ сюжетъ можно считать икону нашего церковн.-арх. муз. подъ № 23, поступившую изъ собранія восточныхъ иконъ преосв. Порфирія Успенскаго (См. описаніе этой иконы въ статьѣ проф. Петрова. Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., кн. 10).

[3]) „Всѣ типы византійскаго искусства въ этомъ періодѣ, говоритъ проф. Кондаковъ, какъ явно сводятся къ одному національному, такъ и составляютъ развитіе и разновидности одного характера или феномена. Высокій ростъ, въ соединеніи съ пропорціональнымъ сложеніемъ, нѣкоторая длинота оконечностей и, при наклонности къ худобѣ, ширококостность и мас-

идеаломъ строгаго аскетизма, лишь усилили въ значительной степени густоту красокъ для лица, чтобы придать изображаемымъ ими фигурамъ костоватость, сухощавость и постническое выраженіе. Въ силу этого, въ основѣ весьма естественнаго желанія аѳонскихъ зографовъ—аскетовъ, изъ подъ ихъ кисти выходили иконы, которыя такъ удачно обозвалъ нашъ паломникъ Григоровичъ-Барскій „ужасно мрачными“, со множествомъ неправильностей противъ природы, на что аѳонскіе живописцы не обращали никакого вниманія, очерчивая фигуры линіями и скрывая ихъ подъ густыми слоями темноватой краски. Въ раскраскѣ фигуръ аѳонскіе зографы употребляли болѣе или менѣе опредѣленные цвѣта или краски: бѣлый для лица, желтый для нижней одежды, голубой и багряный для верхнихъ одеждъ Спасителя и Богоматери, темноватый для того же у святыхъ и по преимуществу

сивность; на длинной тонкой шеѣ маленькая голова; широкій и низкій лобъ, временами напоминающій изувѣра или тяжелаго педанта. Лобная кость нависаетъ надъ глазами, глубоко лежащими и широко разставленными, образуя глубокій характерный перехватъ на переносицѣ и усиливая мрачное сверканіе большихъ глазъ; длинный тонкій и прямый носъ, иногда загибающійся на концѣ (примѣсь восточнаго типа, особенно армянскаго и персидскаго), почти упирается въ сухой маленькій ротъ, усиливая характеръ психическаго типа, выработаннаго вѣковою культурою, а не образованнаго однимъ физическимъ смѣшеніемъ; сильно выдающійся подбородокъ и угловатыя линіи овала отличаются черствымъ характеромъ; въ молодыхъ лицахъ полнота переходитъ въ опухлость, а въ пожилыхъ находимъ рѣзкую худобу и общую сухость тѣла, особенно способную къ изображенію суроваго аскета. Эта рѣзкость чертъ, хотя и выражаетъ духовность типа, была столько же чертою племенною, сколько выработана искусствомъ и составляла драгоцѣнное достояніе стиля; простота, ясность и рѣзкая опредѣленность этого типа дѣлала легкимъ его усвоеніе въ мастерскихъ всѣхъ странъ и давала въ руки всегда готовую форму. Понятно также, что чрезъ эту затверженную типичность исчезло всякое изученіе натуры и типовъ живыхъ, и что вторженіе ея въ XVIII в. было уже результатомъ окончательнаго паденія искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта типичность сильно повредила иконографіи, прервавъ ея дѣятельность въ наиболѣе живой сферѣ: отнынѣ всѣ святые

преподобныхъ. Укажемъ для примѣра на иконы лаврскаго собора, описанныя преосв. Порфиріемъ. „На мѣстной иконѣ Спасителя, говоритъ онъ, густые волосы съ проборомъ надъ челомъ, орѣховаго, рыжеватаго цвѣта закинуты на спину; чело открыто; глаза остры; брови дугообразны; носъ прямъ; ланиты оттѣнены густо, и потому лице кажется узковатымъ и строго постнымъ; уста малы, сжаты и выпуклы, какъ будто что-то задерживаютъ выдавшимися впередъ губами; выя толста; срачица малиноваго цвѣта, а верхній хитонъ—синій съ отливомъ зеленоватымъ; правый рукавъ срачицы у плеча прошитъ золотомъ; десницею Христосъ благословляетъ, какъ архіерей, т. е. имянословно, а шуйцею держитъ раскрытое Евангеліе, въ которомъ по гречески написано: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи“ и проч. Мѣстная икона Богоматери—не благообразна. Чело ея закрыто

пишутся почти на одно лицо и имѣютъ одну фигуру, и все различіе ихъ сводится къ примѣтамъ въ родѣ волосъ, бороды и пр., которыя не даютъ индувидуальности и сейчасъ же забываются. Исключеніе составляютъ лишь прежде сложившіеся типы Іисуса Христа, апостоловъ, и евангелистовъ, Богородицы, образы святителей: Василія, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и др. Наконецъ, иконографическіе типы превращаются въ условную академическую схему, которая легко можетъ быть описана, но ничего не выражаетъ; эта схема дробится на подраздѣленія, которыя мы могли бы назвать ликами: ангельскимъ, пророческимъ, или библейскимъ (онъ же и типъ Іоанна Крестителя), апостольскимъ, Христовымъ и пр.; ангельскій типъ съ обильною вьющеюся по плечамъ кудрявою прическою употребляется въ изображеніи благочестивыхъ юношей; всѣ матроны похожи на св. Анну, а молодыя жены на Богородицу; типъ Іосифа служитъ для изображенія благочестивыхъ мужей и пр. Безхарактерность или безличность женскаго типа въ рукахъ живописца монаха заставляетъ пользоваться иногда тѣмъ же юношески-ангельскимъ лицомъ для изображенія святыхъ дѣвъ и дѣвицъ вообще; только изрѣдка напоминаетъ о себѣ дѣйствительный типъ, съ узкимъ и блѣднымъ лицемъ, большими глазами, крошечнымъ ртомъ, напоминая собою изношенное лицо Ѳеодоры, супруги Юстиніана; любопытно, что мозаика надалтарнаго купола св. Марка въ Венеціи воспроизводитъ именно этотъ типъ въ лицѣ женолюбиваго Соломона“ (Истор. визант. искусства стр. 142—144).

омофоріономъ; глаза миндальнообразны, а выраженіе ихъ строго, даже сурово и непріятно; вѣки глазъ, обѣ стороны лица у самаго носа, и окрайны ланитъ у ушей оттѣнены слишкомъ густо; носъ прямъ и въ концѣ загнутъ внизъ; на омофоріонѣ видны двѣ звѣзды и слова у кисти правой ручки; ἐν ἱματίσμῳ διαχρύσῳ περιβεβλημένη, πεποικιλμένη, т. е. въ одежду позлащенную облеченна, испещренна; божественный Младенецъ ея не по возрасту смотритъ строго; волосы на головкѣ его орѣховаго цвѣта; чело велико; глаза и брови черны; обѣ стороны ланитъ оттѣнены густо; уста малы и хороши; срачица на немъ синяя, а хитонъ малиноваго цвѣта; вся эта одежда прорисована золотыми полосками; десницею Онъ благословляетъ, какъ вседержитель, а не какъ архіерей; въ шуйцѣ держитъ свитокъ судебъ міра; сходства съ Матерію нѣтъ. Фонъ этой иконы закрытъ чеканною ризою, на окрайнахъ которой видны чеканные образки: а чеканъ весь составленъ изъ разводныхъ цвѣтовъ въ кружкахъ“ [1]).

Говоря объ аѳонской иконописи вообще, нельзя обойти молчаніемъ труды нѣкоторыхъ изъ аѳонскихъ зографовъ въ частности, такъ какъ произведенія ихъ художественной кисти рѣзко отличаются отъ иконъ греко-аѳонскаго пошиба письма. Первое мѣсто между этими зографами безспорно принадлежитъ пресловутому Мануилу Панселину, съ именемъ котораго на Аѳонѣ и дѳселѣ еще связываютъ все болѣе или менѣе выдающееся въ церковной живописи. Послѣ длиннаго, хотя и не всегда спокойнаго и безпристрастнаго, спора покойнаго преосв. Порфирія Успенскаго съ достопочтеннымъ начальникомъ нашей іерусалимской миссіи, архимандритомъ Антониномъ [2]), кажется, въ настоящее время уже можно сказать нѣчто положительное о личности этого популярнаго

[1]) Путеш. перв. въ аѳон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 194, 195.

[2]) Письма о пресловутомъ живописцѣ Панселинѣ преосв. Порфирія Успенскаго къ настоятелю посольской церкви нашей въ Константинополѣ, архимандриту Антонину. Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 120—164; 266—272.

художника-иконописца на Аѳонѣ, о времени и мѣстѣ его работъ и о самомъ характерѣ его иконописи.

Мануилъ Панселинъ родомъ солунецъ[1]), былъ великимъ мастеромъ въ иконописаніи, такъ что, по словамъ Діонисія Фурноаграфіота, „какъ другое солнце и какъ златозарная луна превзошелъ и затмилъ всѣхъ древнихъ и новыхъ живописцевъ“[2]). Онъ писалъ иконы „на стѣнахъ и дскахъ“[3]). По настоящее время съ его именемъ связываютъ расписаніе храмовъ на Аѳонѣ соборнаго Успенскаго въ Протатѣ, въ Хиландарѣ Введенскаго, Миловоклисійскаго храма при Карейской кельи и соборнаго храма, нынѣ уже разрушеннаго[4]), въ старомъ Руссикѣ[5]). Расписаніе этихъ церквей, а слѣдовательно, и время жизни пресловутаго художника Панселина пресв. Порфирій и другіе относятъ къ XVI столѣтію[6]). Что касается иконъ, написанныхъ „на дскахъ“, то

---

[1]) На мѣстѣ своей родины Мануилъ Панселинъ расписалъ соборный храмъ елассонскаго монастыря Пресв. Богородицы Олимпійской между 1540 и 1560 годами. Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 281.

[2]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

[3]) Ibidem.

[4]) Въ августѣ 1886 г. отъ этого храма еще оставался разрушенный алтарный абсидъ съ уцѣлѣвшими на немъ признаками фресковой живописи. Видна была даже фигура одного юнаго святаго, но безъ всякой надписи. Абсидъ заваленъ камнями и чудно заросъ дикимъ плющемъ. На вопросъ, почему эта весьма почтенная руина стоитъ въ такомъ запущеніи и заброшена камнями, о. экономъ, заправляющій старымъ Руссикомъ, заявилъ намъ, что это сдѣлано нарочито, дабы никто изъ ксиромаховъ не осмѣлился ночевать здѣсь, и тѣмъ осквернять „мѣсто свято“, что, по его словамъ, прежде случалось не разъ.

[5]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 280—281; Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 218.

[6]) Исторированіе, или что то же—роспись живописью Протатскаго храма преосв. Порфирій относитъ къ 1535—6 году, Миловоклисійскаго храма къ 1537 году, соборнаго храма въ Руссикѣ—къ промежутку между 1554 и 1574 года, а Введенскаго Хиландарскаго храма—къ промежутку времени между 1571 и 1582 годами (Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г.,

ихъ было написано немало для разныхъ аѳонскихъ монастырей и для руководства начинающимъ монахамъ зографамъ, но въ настоящее время преданіе удерживаетъ имя Панселина за старыми иконами, находящимися въ иконостасѣ Котломушской кладбищенской

кн. Ш, стр. 218). По его соображенію, слѣд., жизнь и дѣятельность славнаго художника Мануила Панселина падаетъ на XVI вѣкъ. Съ нимъ почти готовъ согласиться и другой знатокъ и цѣнитель христіанскихъ древностей и христіанской живописи о. архимандритъ Антонинъ. Обозрѣвая живопись Протатскаго храма, исторированіе котораго и онъ не отрицаетъ за кистью пресловутаго Панселина, о. Антонинъ сначала было отнесъ ее къ X—XII вѣку, но послѣ внимательнаго разсмотрѣнія ея и сопоставленія ея съ нѣкоторыми наличными фактами, которые даетъ самая исторія настоящаго храма, существующія въ ней надписи и „переспективное совершенство картинъ“, онъ готовъ былъ вынести эту живопись въ XVI вѣкъ—эпоху „критской школы иконописанія“ (замѣт. поклон. св. горы стр. 115). Однако, отъ этого намѣренія его удержало одно совершенно случайное, но, по словамъ о. Антонина, р ѣ ш и т е л ь н о е обстоятельство, послужившее „неопровержимымъ доказательствомъ древности карейской живописи—это отсутствіе въ сіяніи кругомъ главы Спасителя: ὁ ὤν, относящее ее по крайности къ XIII вѣку“ (ibid. стр. 116). „Имъ можно провѣрить, по его словамъ, и всякую другую, древнюю или выдаваемую за древнюю церковную п р а в о с л а в н у ю (conditio sine qua non) живопись“ (ibid. прим. I). Но преосв. Порфирій основательно доказалъ, что упомянутый признакъ—плохой критерій для оцѣнки древности происхожденія иконографическаго памятника. Дѣло въ томъ, что надпись: ὁ ὤν въ ликѣ Спасителя встрѣчается въ весьма древнихъ иконографическихъ памятникахъ. Она напр., имѣется въ миньятюрномъ изображеніи греческаго Четвероевангелія, написаннаго монахомъ Акакіемъ въ 1272 году и хранившагося въ Каирѣ въ ризницѣ александрійской патріархіи, а въ 1867 году 13 апрѣля подареннаго александрійскимъ патріархомъ Іаковомъ покойной государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ. Далѣе преосв. Порфирій говоритъ о какой-то греческой рукописи XIII вѣка, гдѣ онъ встрѣтилъ даже объясненіе, почему явился у художниковъ этотъ обычай. По этой рукописи, слова: ὁ ὤν „означаютъ вѣчное бытіе Іисуса Христа сына Божія, который всегда былъ есть и будетъ“ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 286—287). Въ силу этихъ соображеній, по нашему мнѣнію, едва ли возможно считать настоящій признакъ

церкви [1]), Срѣтенія [2]) Господня и складнями [3]), принадлежавшими преосв. Порфирію, а нынѣ поступившими, по его завѣщанію, въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи.

Что касается пошиба письма иконъ Панселина, то о немъ всѣ, кто разсматривалъ иконы, приписываемыя его кисти, единогласно утверждаютъ, что онъ отличенъ отъ обычнаго аѳонскаго пошиба. Манера его живописанія названа „натуральною“ Діони-

---

достаточно вѣсскимъ для опредѣленія времени написанія того или другаго памятника живописи вообще и панселиновскихъ иконъ въ частности, хотя ѳессалійское преданіе, которому преосв. Порфирій видимо не довѣряетъ, относя складень триморфонъ, гдѣ Спаситель имѣетъ въ нимбѣ слова ὁ ὤν, къ панселиновскимъ (Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 232), утверждаетъ, что Панселинъ упомянутыхъ словъ ὁ ὤν не писалъ и за это современниками считался еретикомъ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IX, стр. 282). Въ виду всего изложеннаго мнѣніе преосв. Порфирія, что Панселинъ жилъ и дѣйствовалъ въ XVI столѣтіи, нужно считать весьма вѣроятнымъ. Это же мнѣніе высказывается и въ Сборн. на 1866 г., изд. Общ. древне-русск. искусства при Моск. публич. муз. М. 1866 г., отд. II, стр. 40, но съ тою оговоркою, что „не одинъ былъ художникъ съ именемъ Панселина. Одного относятъ къ XII столѣтію, а другаго къ XV-му“.

[1]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 280.

[2]) Ibidem; Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 304; ibid. 1867 г., т. IX, стр. 284.

[3]) Чтен. въ Общ. любит. дух. просвѣщ. 1884 г., кн. III, стр. 232; Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 313. На внутренней сторонѣ складня изображенъ Спаситель, благословляющій именословно правою рукою, а лѣвой держащій раскрытое Евангеліе на словахъ: Δεῦτε πρός με πάντες. Спаситель сидитъ на престолѣ, а по сторонамъ его предстоятъ съ сложенными руками на груди и съ приклоненными главами Богоматерь и св. Іоаннъ Креститель. Вверху два ангела. На створкахъ съ правой стороны Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и Георій великомученикъ, а на лѣвой Василій Великій, Николай Чудотворецъ и великомученикъ Дмитрій. На наружной сторонѣ створокъ на правой великомученикъ Пантелеимонъ, а на лѣвой Меркурій въ чешуйчатой каскѣ съ кривымъ мечемъ и съ круглымъ щитомъ и Артемій съ пикою и большимъ овальнымъ щитомъ. Икона достойная кисти Мануила Панселина.

сіемъ Фурноаграфіотомъ [1]). Нашъ путешественникъ Григоровичъ-Барскій называетъ иконы его письма „зѣло искусными“ [2]). О. Антонинъ такъ характеризуетъ этотъ пошибъ письма: „всѣ безъ исключенія изображенія обнаруживаютъ въ художникѣ талантъ весьма замѣчательный для византійской живописи. Всѣ лица характеричны,—старыя выразительны, молодыя прекрасны, средняго возраста—„доброзрачны“, скажемъ языкомъ Барскаго. Я бы, продолжаетъ о. Антонинъ, прибавилъ еще: всѣ величественно—спокойны и чисто-свѣтлы, еслибы могъ надѣяться, что послѣднее выраженіе можетъ передать ихъ радующее и возвышающее душу впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что вся эта стѣнопись есть произведеніе одной и той же руки, по крайней мѣрѣ—одного и того же за всѣмъ наблюдавшаго глаза... Изображеніе и выполненіе историческихъ изображеній Евангелія также превосходитъ все, что я доселѣ видѣлъ въ византійской живописи. Удерживая общій типъ церковный, живописецъ повсюду дѣйствовалъ съ замѣчательною свободою въ подробностяхъ и видимо старался каждой фигурѣ дать и естественность и занимательность, а всѣмъ вообще картинамъ разнообразіе. Къ его великой похвалѣ надобно сказать, что его фигуры не подлежатъ общему, какъ бы неизбѣжному и даже не сознаваемому, недостатку позднѣйшей византійской иконописи—казаться разсѣянными и обращенными взоромъ, а часто и лицемъ, въ другую сторону, нежели куда требуетъ ихъ устремленнаго взора и вниманія изображаемое событіе. Жалѣть остается, что ему не вѣдомы были тайны перспективы. Тѣмъ болѣе жалѣешь,—что какъ бы видишь его борьбу съ самимъ собою, его муку при усиліи дать картинѣ обстановку естественную и неумѣньи достичь того. Спокойный, веселый, безстрастный и какъ бы нѣсколько флегматическій характеръ лицъ, произведенныхъ его доброю рукою, живописуетъ мнѣ его самого, полнаго вѣры не

---

[1]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

[2]) Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 605.

столько въ свой талантъ, сколько въ свое призваніе, кроткаго, неспѣшнаго, невозмутимо-мирнаго, всѣмъ доступнаго, исполненнаго той невинной веселости и цѣломудренной игры, которыя составляютъ неотъемлемое достояніе души чистой. Ему скучно казалось изображать евангелистовъ въ одномъ и томъ же положеніи, занятыхъ писаніемъ Евангелія. Оттого у него Маркъ пишетъ, Лука вычищаетъ описку (держа перо за ухомъ), Іоаннъ диктуетъ Прохору, а Матѳей обрѣзываетъ, уже написанное и переплетенное, Евангеліе. При крещеніи Спасителя, въ Іорданѣ играютъ дельфины, и на одномъ изъ нихъ сидитъ дитя, а на другомъ старецъ. Можно сказать, что во всѣхъ историческихъ иконахъ онъ оставилъ слѣды своего благаго расположенія духа, обыкновенно примѣшивавшаго къ строгой основѣ событія какую нибудь невинную случайность изъ міра вѣроятностей или и невѣроятностей, но осмысленныхъ значеніемъ символическимъ“ [1]). Почти сходный съ этимъ взглядъ на манеру иконописнаго письма Панселина высказалъ преосв. Порфирій. „Рисунки его не очень правильны, говоритъ онъ, однако онъ болѣе другихъ современныхъ живописцевъ приближался къ естественности; лица писалъ неодинаковыя, а разнообразныя; выраженіе придавалъ имъ не суровое, а иногда миловидное; праотцевъ и пророковъ писалъ величественныхъ; святыхъ ставилъ пристойно, а мучениковъ бодренно на ходу къ безсмертной славѣ; тѣла утончалъ у краевъ лицъ и тамъ, гдѣ они сливаются съ такъ называемыми свѣтáми; колоритъ любилъ не яркій; стѣнамъ придавалъ цвѣтность синеголубоватую; въ рисовкѣ и отдѣлкѣ большихъ изображеній священныхъ событій не отступалъ отъ старинныхъ образцовъ, какіе видалъ въ лучшихъ живописныхъ святцахъ, въ житіяхъ святыхъ и въ разрисованныхъ евангеліяхъ XIV вѣка, когда книжная живопись была изрядна. По причинѣ этой подражательности, быть можетъ, невольной, на стереотипномъ Аѳонѣ большія его кар-

[1]) Замѣт. поклон. св. горы стр. 113—114.

тины, напр., Преображеніе, Сошествіе во адъ (въ Протатѣ) не такъ хороши, какъ лики праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ“... „Панселинъ писалъ иконы обдуманно, придавая ликамъ движеніе, чувство и мысль“ [1]).

Такая характеристика пошиба письма пресловутаго Мануила Панселина вполнѣ подтверждается тѣми иконографическими памятниками, происхожденіе которыхъ связывается на Аѳонѣ съ его именемъ. Даже при нынѣшнемъ состояніи этихъ памятниковъ, едва различаемыхъ на закоптѣлыхъ и почернѣвшихъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, доскахъ и стѣнахъ, памятники художественности Панселина, послѣ иконъ Аѳонскаго пошиба, производятъ самое пріятное впечатлѣніе на зрителя и глубокое сожалѣніе о томъ, что Аѳонъ, и доселѣ не безъ гордости и благоговѣнія произносящій это незабвенное имя, не перенялъ манеры письма иконъ у этого художника. Какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ, Панселинъ, какъ солнце проглянулъ на мрачномъ небѣ, чтобы на время оживить искусство уже черезъ-чуръ безжизненное и застывшее въ разъ навсегда рѣзко опредѣленныхъ линіяхъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ, онъ, сіяя блескомъ живописнаго искусства, „какъ другое солнце и златозарная луна, превзошелъ и затмилъ всѣхъ древнихъ и новыхъ [2]) художниковъ“ на столько, что на долю послѣднихъ не только не оставилъ возможности сравняться съ нимъ, но даже тайну своего художества унесъ съ собою въ могилу. Посему, какъ не старались авторы „Ерминій“ и наставленій въ живописномъ искусствѣ о томъ, чтобы ученики иконописнаго художества возможно ближе знакомились съ памятниками его художественнаго творчества, чтобы „со всею точностію показать имъ размѣры Панселина, его очерки св. ликовъ, тѣлесный колоритъ и составъ красокъ, и кромѣ того размѣры натуральной живописи и способъ воспроизведенія оной“ [3]), однако,

[1]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 283, 285.

[2]) Ibid. Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

[3]) Ibidem.

на дѣлѣ ничего не вышло изъ этого хорошаго. Аѳонская живопись всею своею совокупностію съ поразительною наглядностію убѣждаетъ наблюдателя, что въ ней даже нѣтъ слабаго подобія кисти Панселина. Объясненіемъ этого печальнаго, но знаменательнаго явленія можетъ отчасти служить преданіе, которое въ 1859 году преосв. Порфирій выслушалъ отъ сѣдовласаго и благоговѣйнаго старца, игумена Ксенофской обители Никифора, что „Панселинъ былъ художникъ ревнивый и что онъ никому не передалъ своего искусства“ [1]).

Одновременно почти съ Мануиломъ Панселиномъ расписывали аѳонскіе храмы два художника: монахъ Ѳеофанъ и Фралгъ Біотіецъ. Оба они по талантливости и бойкости художественной кисти значительно уступаютъ первому. Монахъ Ѳеофанъ, урожденецъ Крита, научился иконописному искусству на своей родинѣ, гдѣ въ XVI вѣкѣ, какъ извѣстно, процвѣтало живописное искусство въ такъ называемой „критской школѣ иконописанія“, отличительнымъ характеромъ которой считается перспективное совершенство изображаемыхъ сюжетовъ и нѣкоторая вольность и свобода художественнаго творчества. Съ появленіемъ на Аѳонѣ монаха Ѳеофана и сына его Симеона особенности иконописи критской школы находятъ для себя мѣсто на стѣнахъ знаменитѣйшей изъ аѳонскихъ обителей лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго [2]), затѣмъ Ксенофской [3]) и, наконецъ, въ новосозданной въ ту пору обители

[1]) Ibid. 1867 г., т. IV, стр. 282.

[2]) „Историровалъ храмъ матеродѣвственной Дѣвы отъ самыхъ основаній содѣйствіемъ, трудомъ и иждивеніемъ Неофита, предстоятеля славной Верріи, урожденца изъ города Аѳинъ, когда патріаршилъ киръ Іеремія, а игуменомъ былъ киръ Кипріанъ въ лѣто семь тысячь двадцатое дважды, да третье (7020+20+3 т. е. 1535) 14 дня четвертаго мѣсяца (декабря) индикта 8 кистію киръ Ѳеофана монаха“. Такая надпись имѣется на стѣнѣ лаврскаго соборнаго храма. Путеш. перв. по Аѳону ч. I, отд. I, стр. 205.

[3]) Надъ южнымъ выходомъ изъ внутренняго нарфикса соборнаго храма этого монастыря читаемъ: „Сей храмъ святый и пресловутый святаго велико-

Ставро-Никитской [1]). Иконопись этихъ монастырей, хотя отлична отъ иконописи пошиба аѳонскаго письма и во многомъ даже превосходитъ этотъ послѣдній въ художественномъ отношеніи, но она все-таки невысокаго достоинства и значительно ниже иконописи Мануила Панселина. Всѣ, кому приходилось разсматривать плоды творческой дѣятельности критскихъ-аѳонитовъ зографовъ, за исключеніемъ Макарія Кидонійца, пришедшаго въ восторгъ отъ иконописи монаха Ѳеофана, котораго онъ даже, по недоразумѣнію, конечно, называетъ ученикомъ пресловутаго Мануила Панселина [2]), считаютъ ихъ весьма посредственными. „Стѣнная живопись ея, говоритъ о. архимандритъ Антонинъ, ниже ватопедской достоинствомъ, и послѣ карейской представляется вовсе незамѣчательною“ [3]). Преосв. Порфирій, указавъ на отзывъ объ этой живописи, какъ „предивной и неподражаемой“ Макарія Кидонійца, не безъ иронiи замѣчаетъ: „на мой взглядъ, нечему тутъ дивиться, а неподражаемость можно замѣнить болѣе хорошими образцами стѣннаго иконописанія. Впрочемъ, прибавляетъ преосв. Порфирій для смягченія своего суроваго приговора, это я говорю о рисункахъ и освѣщеніи ликовъ: самое же сочиненіе Ѳеофановскихъ стѣнныхъ изображеній стоитъ того, чтобы срисовать красками наилучшія изъ нихъ для исторіи восточнаго иконописанія“ [4]). Всѣ почти

мученика Георгія росписанъ и украшенъ содѣйствіемъ, трудами и иждивеніемъ благороднѣйшаго архонда нижней Валахіи, господина Нилумана и супруги его Аги, ради поминовенія ихъ и душевнаго спасенія. Кончено росписаніе сего храма въ субботній день мѣсяца октября рукою Ѳеофана аγіографа въ лѣто 7072, т. е. 1564 г.“ Второе путеш. по св. горѣ аѳон. М. 1880 г., стр. 36.

[1]) „Художникъ, по словамъ о. архимандрита Антонина, называетъ себя монахомъ Ѳеофаномъ. Росписаніе кончено въ 7054“ (1546 г.). Замѣт. поклон. св. горы стр. 132; Чт. люб. дух. просв. 1884 г., кн. Ш, стр. 219.

[2]) Перв. путеш въ аѳон. скит. и мон. ч. I, отд. I, стр. 205; Слич. Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 306.

[3]) Замѣт. поклон. св. горы стр. 188.

[4]) Перв. путеш. въ аѳонск. скит. и мон. ч. I, отд. I, стр. 205.

картины его кисти обстоятельно описаны преосвящ. Порфиріемъ [1]). Вообще же о кисти монаха Θеофана нужно сказать, что въ его лицѣ критская школа иконописанія дала Аѳону, хотя и трудолюбиваго [2]), но посредственныхъ способностей и дарованій ученика. Въ позднѣйшее время, а именно въ XVII столѣтіи весьма виднымъ представителемъ этой школы иконописанія при Аѳонѣ былъ нѣкто Николай Критянинъ, который по своимъ дарованіямъ стоитъ, по нашему мнѣнію, выше своего земляка монаха Θеофана. Съ именемъ этого даровитаго художника можно отчасти связывать иконопись Всесвятскаго храма близъ Кареи въ келіи, построенной іеромонахомъ Гавріиломъ, урожденцемъ румелійскимъ изъ села Карпениси [3]), по заказу котораго работалъ Николай Критянинъ. Несомнѣнно же этому художнику принадлежитъ вышеописанная нами икона: Ἡ θεία λειτουργία, поступившая въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи изъ собранія восточныхъ иконъ покойнаго преосв. Порфирія Успенскаго. Богатство творческой фантазіи, широта замысла и бойкость художественной кисти обнаружены даровитымъ художникомъ въ полной силѣ, и критская школа иконописанія свободно можетъ подписаться подъ иконою своего талантливаго ученика, какъ представителя своей школы на Аѳонѣ. Художественныя дарованія Николая Критскаго еще болѣе получаютъ значенія въ нашихъ глазахъ, что надъ

---

[1]) Втор. путеш. по св. горѣ аѳон. М. 1880 г., стр. 36—39; Слич. Перв. путеш. ч. I, отд. I, стр. 205; Сборн. па 1966 г., отд. II, стр. 40.

[2]) Кромѣ иконописи въ Лаврѣ, Ксенофѣ и Ставроникитѣ, о. архимандритъ Антонинъ готовъ приписать его кисти иконопись Котломушскаго монастыря, которую онъ находитъ сходною съ ставроникитскою (Замѣт. поклон. св. горы стр. 132), а преосв. Порфирій считаетъ весьма вѣроятнымъ, что живопись трапезы лавры св. Аѳанасія, нынѣ крайне испорченная и во многихъ мѣстахъ замазанная извѣстью, исполнена монахомъ Θеофаномъ (Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 224; Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 218).

[3]) Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 229.

тѣмъ же сюжетомъ работалъ и монахъ Ѳеофанъ [1]), но произведеніе его кисти во всемъ значительно уступаетъ иконѣ: Ἡ θεία λειτουργία перваго.

Болѣе даровитымъ, хотя не столь плодовитымъ, какъ монахъ Ѳеофанъ, былъ современникъ и соработникъ Мануила Панселина Фралгъ Кателланъ, родомъ ѳиванецъ изъ Біотіи. Его кисти принадлежитъ иконопись въ Никольскомъ придѣлѣ лаврскаго собора, исполненная имъ въ 1560 году [2]). Для знакомства съ характеромъ его иконописанія мы дадимъ здѣсь слово преосв. Порфирію, описавшему весьма обстоятельно его замѣчательную икону: Погребеніе св. Николая Чудотворца, находящуюся надъ западнымъ выходомъ изъ придѣла. „Тутъ на первомъ планѣ, описываетъ онъ, видѣнъ усопшій святитель Николай, возлежащій на столѣ, покрытомъ шелковою тканію краснаго цвѣта съ золотистыми оторочками. Онъ облаченъ въ подризникъ, епитрахиль, палицу, фелонь и омофоръ, а на персяхъ своихъ обѣими руками держитъ закрытое Евангеліе. Подъ голову его подложена шелковая подушка краснаго цвѣта съ золотистыми шитыми наугольниками. У возглавія его стоятъ два епископа въ такихъ же облаченіяхъ, одинъ изъ нихъ съ Евангеліемъ у персей своихъ, и у ногъ его также два епископа въ такихъ же облаченіяхъ съ евангеліями у персей: одинъ изъ нихъ кадитъ. Пятый епископъ припалъ къ персямъ усопшаго святителя. За нимъ стоятъ два діакона въ розовыхъ стихаряхъ: одинъ изъ нихъ читаетъ или поетъ по книгѣ, а дру-

---

[1]) Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 205.

[2]) „Историровалъ сей божественный и священный придѣлъ божественной и священной обители нашей, чествуемый во имя величайшаго святителя и чудотворца Николая содѣйствіемъ и иждивеніемъ честнѣйшаго монаха киръ Кипріана, когда игуменомъ былъ всепреподобнѣйшій отецъ нашъ киръ Игнатій іеромонахъ, въ лѣто 7068 (1560) индикта 3-го, рукою смиреннѣйшаго Фралга Кателлана изъ Ѳивъ, что въ Віотіи“. Эта надпись находится въ придѣлѣ св. Николая надъ западною дверію. Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 207.

гой держитъ кацу съ ѳиміамомъ; на головахъ ихъ видны голыя гуменцы. Позади и около двухъ епископовъ, стоящихъ у возглавія св. Николая, видны именитые граждане и начальники города Миры Ликійской, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, и островерхихъ шляпахъ какъ бы въ шлемахъ: на́большій изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держитъ зажженную свѣчу, а персты правой руки сложилъ такъ, какъ слагаетъ нашъ архіерей, когда благословляетъ народъ; такое же перстосложеніе видно и у другаго на́большаго: оно у мірянъ есть знакъ, выражающій ихъ сознаніе, что они присутствуютъ при отпѣваніи архіерея. Позади, около двухъ епископовъ, стоящихъ у ногъ преставившагося епископа, видны восемь монаховъ въ кукуляхъ и мантіяхъ, одинъ іерей безъ ризъ весьма печальный и подгорюнившійся, три мірянина и, кажется, нѣсколько женщинъ въ тѣни. Позади первой группы, мірской, нарисована каѳедральная церковь святителя Николая съ тремя красивыми куполами, среднимъ большимъ и боковыми поменьше: входъ въ нее открытъ, а въ глуби виденъ престолъ съ Евангеліемъ на немъ. Позади второй группы, монашеской, изображены отворенныя ворота города Мира въ видѣ зубчатой башни. Надъ всею этою картиною въ разверстомъ небѣ видны два ангела, принявшіе душу святителя Христова, облаченную въ архіерейскія одежды". Послѣ столь обстоятельнаго описанія настоящей иконы преосвященный Порфирій совершенно справедливо даетъ такую прекрасную характеристику манеры письма Фралга ѳиванца: „картина превосходная! Всѣ лица—разнообразны и весьма благообразны; и во всѣхъ ихъ выражена печаль. А колоритъ всей стѣнной живописи—естественный. Лица бѣлы. Это образецъ иконнаго письма греко-ѳессалійскаго" [1]).

О другихъ менѣе замѣчательныхъ аѳонскихъ зографахъ достаточно сказано преосв. Порфиріемъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ: „Зографическая лѣтопись Аѳона и мое сужденіе о

[1]) Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 208—209.

тамошней иконописи“ [1]), которой и мы пользовались, при составленіи своего настоящаго очерка.

Церковно-богослужебныя принадлежности христіанскаго востока имѣютъ весьма немного особенностей сравнительно съ тѣми же принадлежностями въ нашихъ храмахъ.

Мантія епископская (μανδύας, μανδύη) на востокѣ—темно-лиловаго цвѣта съ золотыми источниками, сдѣланными изъ газа. Патріаршеская мантія отличается отъ архіерейской лишь тѣмъ, что на скрыжаляхъ ея всегда изображается икона Благовѣщенія. Игумены и архимандриты аѳонскихъ монастырей носятъ мантію нашихъ архіереевъ, но съ изображеніями на скрыжаляхъ или Богоматери, или святаго, въ честь коего устроена обитель или даже праздника, въ который надѣвается мантія. Черная мантія [2]), какую обыкновенно носятъ у насъ архимандриты или игумены, употребляется на Аѳонѣ только во время Великаго поста.

Посохъ архіерейскій (ῥάβδος) или патерисса, патерица (πατερίζα, πατερίσσα), употребляется на востокѣ епископами и архимандритами. Архіерейскіе жезлы состоятъ изъ палки, съ горизонально на нее положенною небольшою поперечиною, которая иногда замѣняется двумя змѣевидными главами, взаимно назадъ обращенными. Сулокъ или два небольшіе одинъ въ другой вложенные платка, по краямъ обшитые позументомъ и стягиваемые

---

[1]) Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 217—255.

[2]) Относительно монашеской аѳонской мантіи у В. Григоровича-Барскаго мы находимъ слѣдующее нелишенное интереса замѣчаніе. „Мантіи же тамо (т. е. на Аѳонѣ), говоритъ онъ, инымъ способомъ, некако ременными поясками крестообразно провлекши единъ въ другій, на себѣ подвязуютъ благочинно и говѣйно, созади верьху своей обычной одежды концы завязующе. Симъ же способомъ не во всѣхъ монастыряхъ препоясуются, но въ нѣкіихъ, въ иныхъ же обычно совокупльши подъ бradою, каковымъ либо недосмотримымъ способомъ, якоже и во странахъ россійскихъ, но во святой горѣ меньшія отъ россійскихъ мантій, тако въ широту, якоже и въ долготу“ (Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 559).

шнуромъ на жезлѣ близъ поперечины для того, чтобы обвернуть верхнюю часть жезла и сдѣлать чрезъ это болѣе удобнымъ его для употребленія,—не составляетъ необходимой принадлежности архіерейской патерицы на востокѣ. Весьма часто въ рукахъ епископа мы видѣли посохъ безъ сулка, украшенный лишь шипками или яблоками и змѣевидною рукояткою, увѣнчанною крестомъ. На Аѳонѣ въ Руссикѣ патерицы употребляются металлическія и костянныя, украшенныя художественною рѣзьбою.

Облаченія епископа, священника и діакона имѣютъ самыя незначительныя особенности сравнительно съ употребляемыми у насъ въ Россіи. Митру употребляютъ при богослуженіи только епископы и притомъ тогда, когда священнодѣйствуетъ одинъ епископъ съ священниками. Когда же священнодѣйствуютъ многіе епископы, то митрою украшается старѣйшій изъ нихъ, а остальные стоятъ по обѣимъ сторонамъ престола на ряду съ священниками и съ открытыми головами. При патріаршемъ служеніи, въ которомъ обыкновенно участвуетъ весь Синодъ, въ митрѣ стоитъ только патріархъ. Митра, по формѣ сходная съ нашею, украшается на верху крестомъ. Патріаршая митра, кромѣ того, имѣетъ на выходной сторонѣ подъ иконою Спасителя византійскій орелъ. Архимандриты правомъ ношенія митры не пользуются. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, который, по русскому обычаю, въ отсутствіе епископа, при богослуженіи, за весьма немногими исключеніями, употребляетъ митру. Въ священническомъ облаченіи совершенно отсутствуетъ набедренникъ [1]), вмѣсто котораго заслуженные священники награждаются палицею. Есть нѣкоторая особеность и въ формѣ фелони, у которой передняя сторона значительно длиннѣе, чѣмъ у нашихъ фелоней, и поэтому, при богослуженіи, въ положенное, по Уставу, время она спускается и для удобства

[1]) Въ русскихъ аѳонскихъ монастыряхъ употребляютъ при богослуженіи набедренникъ, хотя при случаѣ спокойно замѣняютъ его палицею.

дѣйствія собирается на руки. Въ діаконскомъ облаченіи, какъ на особенность, нужно обратить вниманіе на способъ ношенія ораря и на его украшенія. Орарь діаконскій—длиною до 7 аршинъ, съ вышитыми на немъ золотыми словами: Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος или Святъ, святъ, святъ [1]). Носится онъ діаконами такимъ образомъ: діаконъ, возложивъ орарь на лѣвое плечо, опускаетъ его на правую сторону и, проведя подъ правою рукою, снова возлагаетъ на лѣвое плечо и опускаетъ конецъ до земли, при чемъ наблюдаетъ, чтобы два крестика, находящіеся на орарѣ, лежали на его плечѣ рядомъ. Этотъ способъ ношенія ораря аѳонскими іеродіаконами отчасти напоминаетъ нашъ русскій обычай, практикуемый въ нашихъ лаврахъ и въ нѣкоторыхъ каѳедральныхъ соборахъ. Почти такимъ образомъ носятъ орарь наши архидіаконы, но съ тою небольшою разницею, что нашъ архидіаконскій орарь состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одна перепоясываетъ его съ лѣваго плеча на правое и отдѣлена совершенно отъ другой, представляющей обычный орарь и возлагаемой по принятому правилу.

Рипиды (ἐξαπτερίγια) на востокѣ, какъ показываетъ и ихъ греческое наименованіе, представляютъ шестокрылатыхъ херуви-

---

[1]) Обычай этотъ древній въ практикѣ греческой Церкви. О немъ ясныя свидѣтельства находимъ у Симеона Солунскаго въ его сочиненіи „О богослужебномъ храмѣ“ (Mign. Patrol. curs. complet. t. 155, pag. 712, conf. pag. 381). Изображенія діаконскихъ орарей съ указанными выше словами можно видѣть у Гоара въ его Εὐχολογ. pag. 147 (по париж. изд.) и въ Codex. liturg. eccles. orent. Daniel. Lips. 1853, an. t. II, pag. 405. Орарь съ словами: Святъ, святъ, святъ употреблялся въ древности и у насъ въ Россіи (Лебед. Москов. каѳедр. Арханг. соб. М. 1880 г., стр. 317), и при возложеніи его діаконъ даже долженъ былъ читать слова: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ“. Служебн. ркп. Солов. библ. № 1021, л. 115 об.; № 1023, л. 69 об.; ркп. М. Синод. библ. № 617, л. 30; ркп. Волок. библ. № 86, л. 4 об.; № 88, л. 2; слич. Служебн. Евѳимія, митр. Тырнов. гласн. српск. ученог. друштв. 1869 г., кн. VIII, стр. 290.

мовъ и употребляются не только при архіерейскомъ богослуженіи, но даже и въ то время, когда литургію совершаетъ одинъ священникъ. Во время великаго выхода, при перенесеніи св. даровъ съ жертвенника на престолъ, впереди священника и въ Константинополѣ и на Аѳонѣ (въ нѣкоторыхъ храмахъ) простые мальчики или екклисіархи несутъ рипиды. Священники употребляютъ ихъ также, при совершеніи водоосвященій, при выносѣ плащаницы и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. На Аѳонѣ и отчасти въ Константинополѣ, кромѣ этихъ большихъ настоящихъ рипидъ, употребляютъ еще малыя рипиды, которыми вѣетъ надъ дарами, послѣ ихъ откровенія, священникъ для того, чтобы насѣкомыя не могли попасть въ св. сосудъ. Иногда же ихъ полагаютъ прямо на сосудъ, такъ какъ эти рипиды по формѣ представляютъ ни больше, ни меньше, какъ картонный кружекъ, украшенный разноцвѣтнымъ бисеромъ. Весьма нерѣдко эти малыя рипиды замѣняются обычною пеленою [1]), употребляемою священникомъ, при потребленіи св. Таинъ.

Помимо большихъ и малыхъ рипидъ, употребляемыхъ священникомъ и діакономъ и притомъ въ алтарѣ, на Аѳонѣ мы видѣли еще рипиды, которыя хранятся въ храмѣ, и ими пользуются екклисіархи весьма искусно и вполнѣ благочинно для быстраго тушенія высоко состоящихъ и горящихъ свѣчъ. Обычай достоинъ, по нашему мнѣнію, полнаго подражанія особенно въ нашихъ монастыряхъ. Самое обстоятельное и подробное описаніе этихъ рипидъ сдѣлалъ путешественникъ В. Григоровичъ-Барскій. „Въ погашеніи кандиловъ, говоритъ онъ, употребляютъ тамо (т. е. на Аѳонѣ) нѣкую рипиду на подобіе метлы, широко и тонко простертой сдѣлану, съ долгимъ рукоятіемъ и хитростію искуснаго преплетанія, ею же, при концахъ церковнаго правила, помизающи и легко движущи,

[1]) На востокѣ пелены употребляются льняныя и шерстяныя, а не шелковыя, какъ у насъ въ Россіи, такъ какъ онѣ весьма легко вбираютъ въ себя мокроты и съ удобствомъ служатъ для своей цѣли.

творятъ лѣпозрачное и великолѣпное въ храмѣ потушеніе. Рипида же зѣло лѣпозрачна есть, понеже содѣлана есть отъ долгихъ перьевъ хвоста павлинаго въ княжествѣ волосскомъ нѣкіимъ удивительнымъ сложеніемъ“ [1]). Въ данномъ случаѣ описывается рипида, употребляемая въ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго, но подобныя рипиды и доселѣ употребляются на всемъ Аѳонѣ и въ художественномъ отношеніи стоятъ не ниже только что описанной. Вмѣсто павлиныхъ перьевъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ мы видѣли въ подобныхъ рипидахъ перья простыхъ птицъ, напр. сѣраго гуся и др.

Для кажденія на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, кромѣ обычныхъ кадильницъ, употребляются еще к а ц е и (χατζί) [2]). Ими кадятъ главнымъ образомъ екклисіархи во время литургіи, когда поютъ трисвятое—δύναμις, на утрени, на повечеріяхъ и во время совершенія нѣкоторыхъ частныхъ требъ; но иногда ею совершаетъ кажденіе и священникъ или архимандритъ [3]). Для кажденія екклисіархи, одѣтые въ мантіи во всю церковную службу, прикалываютъ къ правому плечу одинъ конецъ большой пелены или воздуха съ крестомъ по срединѣ и съ оторочкою по краямъ изъ

---

[1]) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 568.

[2]) Слово это въ болгарскомъ Типиконѣ переводится такъ: кадитъ съ р у ч к о ю (изд. Констант. 1853 г., стр. 282; слич. Τυπικ. edit. Αθην. 1885 pag. 205), чѣмъ указывается на форму ея устройства, хотя и не вполнѣ опредѣленно. К а ц е я въ настоящее время употребляется въ Россіи только въ частныхъ домахъ и богослужебнаго характера не имѣетъ, но въ старину она была одною изъ богослужебныхъ принадлежностей нашихъ русскихъ храмовъ (Древност. Труд. М. археол. общ. т. VI, в. II, М. 1874 г., стр. 59 матеріал. для археол. словаря) и безъ всякаго сомнѣнія исполняла свое прямое назначеніе.

[3]) По современному греческому Типикону, кадитъ великій архимандритъ кацеею (ὁ μέγας ἀρχιμανδρίτης θυμιάζει μὲ τὸ χατζί), напр., на утрени въ Великій понедѣльникъ во время чтенія въ началѣ ея псалма „Услышитъ тя Господь“ (Τυπικ. 1885 ετ. σελ. 205, 208) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

позумента, а другой конецъ держатъ въ правой рукѣ вмѣстѣ съ ручкою кацеи. По формѣ своей аѳонская кацея напоминаетъ обычную кадильницу, но безъ цѣпочекъ, вмѣсто которыхъ къ нижней чашечкѣ ея придѣлывается рукоятка, покрытая тонкимъ рѣзнымъ металлическимъ листомъ, разширающимся по мѣрѣ удаленія отъ чашечки съ закругленіемъ на концѣ, къ которому на трехъ небольшихъ цѣпочкахъ прикрѣплены довольно большіе бубенцы, звѣнящіе при кажденіи отъ удара ихъ объ локоть кадящаго. Держитъ кацею кадящій не за упомянутую сейчасъ ручку, а за другую, которая находится подъ этимъ листомъ и прикрѣплена къ основной ручкѣ. Для удобства она выгнута [1]).

При обычномъ кажденіи [2]) храма въ праздники, на Аѳонѣ священники и діаконы носятъ на плечѣ сосуды для ладона, имѣющіе видъ церкви. „Егда кадитъ священникъ, обходя всю церковь, пишетъ Григоровичъ-Барскій, носитъ въ рукѣ лѣвой ковчежецъ сребрянъ или позлащенъ съ кандиломъ, и лѣноты ради

---

[1]) Екклисіархъ, по словамъ Григоровича-Барскаго, въ числѣ многихъ другихъ обязанностей, между прочимъ „кадитъ всю церковь нѣкакою кадильницею краткою, нарицаемою к а ц ы, яже не употребляется въ иныхъ странахъ (по его увѣренію и въ Россіи она—„необычна“ стр. 456), не вѣсима бо есть, но въ рукѣ держима крѣпко, еяже аще и образъ бываетъ различенъ, по хитрости сребродѣлателя, обаче напр. есть сицевый (см. рисунокъ въ изд. Палест. общ.), откровенный и покровенный, егоже держащи подъ спудомъ, кадитъ крестообразно безъ клобука въ мантіи, на литургіи на трисвятомъ, на повечерницѣ, на канонѣ, на параклисѣ Богородичнемъ и на молебнахъ святыхъ, на поліелеѣ и на малой вечерни предъ бдѣніемъ“ (Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 558).

[2]) Для кажденія въ дни будничные во время пѣнія на вечернѣ „Яко кадило предъ Тобою“ и во время чтенія двупсалмія въ началѣ утрени, священникъ или діаконъ употребляютъ, такъ называемое, б у д н и ч н о е к а д и л о, состоящее изъ одной нижней чашечки безъ верхней и безъ звонковъ или бубенчиковъ. Эта форма богослужебнаго кадила по своему происхожденію—древнѣйшая. См. Минолог. импер. Васил. ч. I, стр. 63, 146, 160, 192, 210 и др.

церковной и употребленія, внегда сгоритъ, еже въ кадильницѣ, егда же діаконъ кадитъ носитъ на лѣвомъ ремени, рукою поддержаяй ковчегъ большій златокованный, на подобіе гробницы или церкви, съ главами и крестами[1]; еще же и діаконъ малъ въ руцѣ носитъ, кадящи на вечерни предъ преждеосвященною“ [2]). Во время этого кажденія діаконы имѣютъ пелены или воздухи, одинъ конецъ которыхъ прикрѣпленъ къ лѣвому плечу ихъ, а другой они держатъ въ лѣвой рукѣ вмѣстѣ съ ручкою самого ковчега или ладоницы[3]).

Для теплоты, которую подаютъ священнику предъ причащеніемъ св. Таинъ, употребляется серебряный кувшинчикъ съ двумя ручками и двумя носиками. Теплота же для запиванія, послѣ причащенія св. Таинъ, подается причастникамъ въ маленькихъ металлическихъ стаканчикахъ.

Для чтенія Евангелія во время литургіи на Аѳонѣ употребляется особый аналой, называемый дискелліемъ[4]) или двубедренникомъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ палокъ въ видѣ змѣй, соединенныхъ между собою по срединѣ шолнеромъ, а вверху по-

---

[1]) См. рисунокъ въ изданіи книги Григоровича-Барскаго, сдѣланномъ Палестинскимъ обществомъ.

[2]) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 559.

[3]) Употребленіе подобныхъ ладоницъ въ богослужебной практикѣ имѣло мѣсто и у насъ въ Россіи, какъ это можно заключать на основаніи мозаикъ Кіево-софійскаго собора и стѣнныхъ изображеній въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви, гдѣ видны изображенія діаконовъ съ подобными сосудами на плечахъ и съ платками въ рукахъ (Голуб. Истор. русск. Церк. т. I, полов. II, стр. 243, прим. 2), а также на основаніи сохранившихся отъ древнѣйшаго времени подобныхъ ладоницъ въ нашихъ русскихъ церквахъ.

[4]) Рисунокъ дискеллія имѣется въ книгѣ преосв. Порфирія Перв. путеш. въ аѳон. монаст. и скит. стр. 90. Здѣсь же имѣется и объясненіе вопроса: „къ чему тутъ змѣи?“ „Змѣи, изъ которыхъ составленъ дискелліи, по мнѣнію преосв. Порфирія, напоминаютъ собою изобретателя письменъ финикійскихъ и поводъ къ ихъ изобрѣтенію. Этотъ изобрѣтатель былъ

средствомъ кожи. При надобности, онъ раскладывается, а, по миновании ея, складывается и стоитъ у стѣны храма.

Въ богослуженіи христіанскаго востока весьма часто употребляется колокольчикъ (κώδων)[1], которымъ ударяютъ послѣ совершенія проскомидіи, причемъ народъ[2] и монахи выходятъ изъ своихъ стасидій, снимаютъ камилавки, наклоняютъ головы и поминаютъ про себя имена живыхъ и умершихъ, а священникъ въ это время вынимаетъ частицы изъ просфоры. То же самое дѣлается, при архіерейскомъ богослуженіи, во время пѣнія „Иже херувимы“, когда епископъ начинаетъ совершать поминовеніе въ жертвенномъ отдѣленіи. Употребляется этотъ звонокъ и въ другихъ случаяхъ, напр., при перенесеніи св. Даровъ съ престола на жертвенникъ въ началѣ литургіи преждеосвященныхъ, при обратномъ перенесеніи съ жертвенника на престолъ во время пѣнія „Нынѣ силы небесныя“, при чтеніи Евангелія на Пасху и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Колокольчикъ этотъ состоитъ изъ опрокинутой чашечки съ молоточкомъ на верху и напоминаетъ наши обычные комнатные или кабинетные колокольчики.

Въ богослужебной практикѣ Константинополя и главнымъ образомъ Аѳона, помимо названныхъ важнѣйшихъ богослужебныхъ принадлежностей, употребляются еще нѣкоторыя мелкія вещи, какъ напр., стекляница или стеклянный флаконъ для розовой воды,

---

Татъ. Онъ наблюдалъ огненную породу змѣй и на таблицахъ изобразилъ ихъ различныя движенія и положенія въ разныхъ состояніяхъ, когда, напр., змѣя сбрасываетъ съ себя старую кожу, или когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, разлагается и истлѣваетъ“.

[1]) По мнѣнію П. С. Казанскаго, „упоминаемая въ нашемъ Уставѣ кандія есть искусственное названіе κώδων. Слова: кандія нѣтъ ни въ древнемъ греческомъ языкѣ, ни въ нынѣшнемъ“. Труд. перв. археол. съѣзд. въ М. 1869 г., кн. I, стр. 316.

[2]) Въ Константинополѣ весьма нерѣдко мужчины, особенно старики стоятъ во время богослуженія въ фескахъ, которыя они снимаютъ въ упомянутое нами время и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

которою кропятъ народъ за богослуженіемъ въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, рукомойникъ для омовенія рукъ епископа, блюда и тарелочки для Агнца, антидора и панагіи съ изображеніемъ посрединѣ Богоматери, а по краямъ съ словами изъ пѣсни въ честь Ея: „Достойно есть“, панагіаръ, дикирій и трикирій, блюда для колива въ честь святыхъ и умершихъ и обыкновенные ковчеги для мощей. Изъ этихъ предметовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія дикирій и трикирій, имѣющіе ту особенность отъ нашихъ, что поставленные въ нихъ высокія свѣчи пересѣкаютъ другъ друга и перевязаны ленточками, и панагіаръ или складень, употребляемый для складыванія частей панагійной просфоры. На внутренней и наружной сторонахъ панагіара имѣется изображеніе Богоматери.

Примѣчаніе. Говоря о богослужебныхъ принадлежностяхъ и священныхъ облаченіяхъ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о домашнемъ или внѣбогослужебномъ костюмѣ восточнаго духовенства, который даетъ намъ нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ для сравненія его съ костюмомъ нашего духовенства.

Господствующій цвѣтъ въ одѣяніи бѣлаго и чернаго духовенства на востокѣ черный. Мы видѣли только на вселенскомъ патріархѣ рясу темнокоричневаго цвѣта. Сукно, шерсть и весьма рѣдко шелкъ—вотъ матеріалы, изъ которыхъ на востокѣ дѣлаются одѣянія священнослужителей. Покрой одеждъ весьма значительно разнится отъ нашихъ. Подрясникъ или полукафтанье весьма часто дѣлается такъ же, какъ у насъ, но иногда застегивается на глухо рядомъ пуговицъ, идущихъ во всю длину подрясника, сверху до низу. Ряса отличается полнотою и свободно лежитъ на корпусѣ; внизу она имѣетъ по разрѣзу на обѣихъ сторонахъ. Рукава ея необыкновенно широки. Воротникъ ея довольно плотный и свободно облегаетъ шею, такъ какъ онъ на толстой подкладкѣ и простеганъ шелкомъ. Застегивается ряса вверху крученными петлями. Ни перехватовъ у таліи, ни вставочныхъ клиньевъ подъ мышками, ни цвѣтныхъ—голубыхъ, красныхъ и желтыхъ

подкладокъ она не имѣетъ. Скромность, простота и необыкновенное удобство—вотъ ея достоинства. Весьма часто восточная ряса носится въ видѣ накидки и не надѣвается въ рукава. Голова патріарха, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, священниковъ и даже діаконовъ покрыта черною камилавкою (καμηλαύχιον), которая въ основаніи похожа на нашу, но вверху, нѣсколько приподнявшись, опускается надъ основаніемъ и поэтому въ общемъ имѣетъ видъ камилавки, употребляемой у насъ въ Россіи католическими священниками. Никто изъ высшихъ іерарховъ восточныхъ не носитъ ни бѣлыхъ, ни черныхъ клобуковъ, но всѣ употребляютъ эту камилавку. Очевидно, это дѣлается потому, что іерархи восточные монашества не принимаютъ и, по своемъ рукоположеніи, остаются въ костюмѣ простаго священника, отъ котораго они ничѣмъ не отличаются во время внѣбогослужебное. Восточные іерархи въ обыкновенное время не имѣютъ на себѣ ни панагій, ни крестовъ[1]). Посохи или священническія палки имѣютъ въ рукахъ весьма немногіе изъ духовныхъ лицъ. Волоса носятъ безъ подстриговъ, но имѣющіе длинные волосы не распускаютъ ихъ по плечамъ, а скручиваютъ и закладываютъ въ камилавки. Въ время богослуженія діаконы служатъ въ Константинополѣ съ открытою головою, а на Аѳонѣ съ камилавкою на головѣ, но волосъ не распускаютъ по стихарю, а подбираютъ ихъ подъ него. Во время богослуженій священнослужители въ Константинополѣ, напр., перемѣняютъ иногда обычные сапоги на башмаки, которыя оставляются въ церкви послѣ богослуженія.

Подрясникъ (ζωστικὸ, ἀντερί) и ряса (ῥάσον) восточныхъ монаховъ отличаются простотою и отсутствіемъ блеска, роскоши и щегольства. Поверхъ подрясника дома монахи употребляютъ полуряски или безрукавое короткое пальто, иногда на мѣху, къ кото-

[1]) Только въ Іерусалимѣ архіереи носятъ внѣ храма панагіи, а архимандриты кресты. Очевидно, здѣсь сказалось вліяніе практики русской церкви.

рому восточное духовенство вообще весьма не равнодушно. Камилавка монашеская сходна съ нашею, но имѣетъ ту особенность, что на верху ея дѣлается изъ клиньевъ крестъ. Камилавки монаховъ шерстяныя. Наметки или покрывала (ἐπανωκαμηλαύχιον) не пришиваются, какъ у насъ, но накладываются на камилавки или шапочки въ опредѣленное время, а въ остальное время онѣ лежатъ на плечахъ монаховъ, которые стоятъ въ однихъ камилавкахъ.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ настоящаго выпуска: „Типиконъ великой Церкви, или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей", дѣлая характеристику этого Типикона, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ два послѣднія его изданія—константинопольское 1884 года и аѳинское 1885 года, оба въ изложеніи или редакціи протопсалта великой Церкви Константина, который въ первый разъ издалъ въ свѣтъ Типиконъ великой Церкви въ 1838 году. Теперь мы считаемъ не лишнимъ заявить нашимъ читателямъ, что представленная въ этой статьѣ характеристика уже не будетъ отвѣчать вполнѣ дѣйствительному положенію вещей. Въ 1888 году, съ благословенія нынѣшняго вселенскаго патріарха Діонисія V, изданъ въ Константинополѣ Типиконъ великой Церкви въ новой значительно исправленной и дополненной редакціи. Полное заглавіе этого изданія такое: Τυπικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, ὃις ἐκδοθὲν ὑπὸ Κωνσταντίνου πρωτοψάλτου, διασκευασθὲν δὲ καὶ πολλαῖς προσθήκαις καὶ ἐπιδιορθώσεσι συμπληρωθὲν ὑπὸ τοῦ νῦν πρωτοψάλτου Γεωργίου Βιολάκη, ἐργασθέντος μετὰ δύο ἀλλεπαλλήλων ἐπιτροπῶν, ἐπὶ τούτῳ πατριαρχικῇ κελεύσει ὁρισθεισῶν, ἐκδίδοται ἀδείᾳ καὶ ἐγκρίσει τῆς Α. Θ. Π. τοῦ ἱοκουμενικοῦ πατριάρχου καὶ τῆς περὶ αὐτοῦ ἱερᾶς συνόδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1888 ετ. Ἐκ τοῦ πατρ. τυπογραφείου. Глав-

ная отличительная особенность этого Типикона отъ предыдущихъ изданій заключается въ значительной полнотѣ памятей святыхъ и обстоятельности изложенія службъ для нихъ, въ большемъ соотвѣтствіи этого Типикона съ іерусалимскимъ Типикономъ венеціанскаго изданія, вліяніе котораго въ предыдущихъ изданіяхъ едва было замѣтно и, наконецъ, въ болѣе точномъ изложеніи тѣхъ типикарныхъ казуистическихъ тонкостей, которыя извѣстны лишь знатокамъ церковнаго устава и которыя людей малоопытныхъ и малознающихъ церковную практику приводятъ къ большимъ недоразумѣніямъ и нелегко побѣдимымъ трудностямъ. Объ этомъ изданіи Типикона великой Церкви 1888 года мы скажемъ свое обстоятельное слово въ спеціальной работѣ по исторіи греческаго церковнаго устава, приготовляемой нами къ печати.

На стр. 81 сего выпуска мы сказали слѣдующее: „въ области Требника практика греческой церкви еще не выработала подобной книги“ (т. е. въ родѣ книги Іеронима Богіатзи, называемой у грековъ, Ἱεροτελεστικὸν τεῦχος), но это наше замѣчаніе оказывается ошибочнымъ. Въ дѣйствительности, въ практикѣ современной намъ греческой церкви уже довольно давно имѣется книга, прямое назначеніе которой замѣнить для приходскаго священника, такъ называемый, большой Евхологій (Μέγα Εὐχολόγιον), заключающій въ себѣ очень много такого, что̀ къ приходской практикѣ не имѣетъ никакого отношенія. Полное заглавіе этой книги слѣдующее: Ἁγιασματάριον τὸ μέγα, περιέχον ἀκολουθίας καὶ εὐχὰς, ἐκλεχθεῖσας ἐκ τοῦ μεγάλου Εὐχολογίου τὰς χρησιμωτέρας τοῖς ἱερεῦσι, ἔκδοσις ἑβδόμη, διορθωθεῖσα πρὸς τὴν κατὰ τὸ 1851 παρὰ τῷ Φοίνικι ἔκδοσιν αὐτοῦ τούτου τοῦ Μ. Εὐχολογίου τῇ ἐγγράφῳ ἀδείᾳ τῆς ἁγίας τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Βενετία, ἐκ τοῦ ἑλλην. τυπογρ. ὁ Φοινιξ. 1887 ἐτ. Подъ этимъ весьма неточнымъ заглавіемъ у современныхъ грековъ мы находимъ нашъ краткій Требникъ, какъ это ясно

видно изъ подробнаго перечня, входящихъ въ „Агіасматаріонъ“, статей. Содержаніе этой книги составляютъ слѣдующія статьи: молитвы свѣтильничныя вечернія и утреннія, послѣдованія вечерней и утренней службъ, чинъ малаго водоосвященія, два молебныхъ канона Пресвятой Богородицѣ, чинъ крещенія съ молитвами нареченія имени дитяти, очищенія дома, жены родильницы и съ чиномъ воцерковленія дитяти, чины обрученія и вѣнчанія, послѣдованіе второбрачныхъ, молитвы заклинательныя Василія Великаго и Іоанна Златоуста, послѣдованіе молебна надъ болящимъ и страждущимъ отъ духовъ нечистыхъ, послѣдованіе исповѣдающихся, послѣдованіе елеосвященія, послѣдованіе надъ больнымъ душевно, чины погребенія мірскихъ человѣкъ, монаховъ, священниковъ и младенцевъ, литія надъ умершими, молитвы на различные житейскіе случаи, одинадцать утреннихъ евангелій, величанія, которыя поются на девятой пѣсни въ Господскіе и Богородичные праздники, катавасіи на цѣлый годъ, отпусты въ Господскіе праздники, Николая Малаксы объясненіе значенія пальцевъ священника, слагаемыхъ для благословенія народа, Великаго Василія наставленіе священнику о важности священническаго служенія и слово св. Максима Мудраго о томъ, каковъ долженъ быть іерей.

Въ виду указаннаго несоотвѣтствія описанной выше книги между надписаніемъ или заглавіемъ и ея содержаніемъ, на востокѣ образовалась небольшая книжка подъ названіемъ: „Ἁγιασματάριον μικρὸν“, которая, какъ показываетъ и самое заглавіе, содержитъ въ себѣ только одни чины малаго и великаго водоосвященія.

На Аѳонской горѣ для тѣхъ же чинопослѣдованій имѣется своя особенная книжица, надписываемая такъ: Ἁγιασματάριον κατὰ τὸν ἐν τῷ Ἁγίῳ ὄρει τύπον.

Кромѣ названныхъ сейчасъ богослужебныхъ книгъ, въ современной церковно-богослужебной практикѣ православ-

наго востока употребляются, какъ намъ теперь извѣстно, и нѣкоторыя другія книги, которыя или разнятся отъ нашихъ съ подобнымъ названіемъ своимъ составомъ, или же у насъ въ практикѣ совершенно неизвѣстны:

Ὀκτώηχος—книга, содержащая въ себѣ только воскресныя службы на всѣ восемь гласовъ. Наша книга съ тѣмъ же заглавіемъ называется у грековъ „Παρακλιτικὴ“ (въ 2-хъ частяхъ) и имѣетъ лишь то весьма несущественное отличіе, что не содержитъ въ себѣ Богородичныхъ каноновъ на повечеріяхъ, выдѣленныхъ на востокѣ въ особую книжицу подъ названіемъ: „Θεοτοκάριον“.

Λειτουργικὸν σὺν Θεῷ ἁγίῳ, περιέχον τὰ ψαλλόμενα ἐν ταῖς ἱεραῖς λειτουργίαις εἰς τὰς ἑορτὰς καὶ εἰς ἄλλας ἐπισήμους ἡμέρας, νεωστὶ συνταχθὲν παρὰ τοῦ ἐν ἱερεῦσι Χρυσάνθου τοῦ Μοσχοπούλου πρὸς χρῆσιν τῶν ἐβλαβεστάτων ἱερέων καὶ ψαλτῶν, καὶ μετὰ πλειστῆς ἐπιμελείας διορθωθὲν. Ἐν Ἐτίησι. 1777, παρὰ Ἀντωνίῳ τῷ Βόρτολι. Въ составъ этой книги входятъ всѣ тѣ тропари и стихиры, которые поются на литургіяхъ цѣлаго года во время воскресныхъ, двунадесятыхъ и праздничныхъ дней. Порядокъ расположенія статей таковъ: послѣдованіе изобразительныхъ, тропари воскресные изъ Октоиха, воскресные изъ Тріодей Постной и Цвѣтной, изъ Миней на цѣлый годъ (только на важнѣйшіе дни года), тропари изъ Анѳологія или праздничной Минеи для одного и для многихъ святыхъ и тропари, заимствованные изъ отдѣльныхъ службъ въ честь святыхъ, мѣстно чтимыхъ, напр., на 24 сентября тропари Богородицѣ Миртидіотиссѣ (τῆς Μυρτιδιοτίσσης), на 20 октября—преподобному Герасиму, новому подвижнику и преподобной Матронѣ Хіополитидѣ (τῆς Χιοπολίτιδος), на 26 ноября—преподобному Алипію Столпнику, на 12 декабря—св. Спиридону чудотворцу, на 17 того же мѣсяца—Діонисію Закинѳскому, на 30 января—воспоминанію чуда, бывшаго отъ великомученика Георгія, на 10 февраля—священному-

ченику Харлампію, на 19 апрѣля—св. мученику Іоанну изъ Іоаннина, на 3 мая—мученикамъ Тимоѳею и Маврѣ, на 15 того же мѣсяца—св. Ахиллу, архіепископу Ларисскому, на 29 того же мѣсяца—св. Михаилу, епископу Синадскому (Συνάδων), на 31 іюля—перенесенію мощей св. славнаго апостола Филиппа и на 31 августа—воспоминанію бывшаго чуда отъ св. и чудотворца Спиридона.

Полный кругъ богослужебныхъ книгъ на цѣлый годъ въ сокращенномъ изложеніи называется у грековъ „Πανδέκτη“, а такой же кругъ для одной недѣли называется „Ἑβδομαδάριον“.

Ἀκολουθία τοῦ ἀναγνώστου. Такъ называется книжка, содержащая въ себѣ чинъ послѣдованія изобразительныхъ.

Ἀκολουθία τῆς μεταλήψεως содержитъ въ себѣ послѣдованіе ко причащенію св. Таинъ.

Ἀκολουθία τοῦ μνημοσύνου κατὰ τὴν τάξιν τοῦ ἁγίου ὄρους ἐκδίδοται τὸ πρῶτον δαπάνῃ Σάββα, ἱερομονάχου ἐκ τοῦ Ἰβηριτικοῦ κελλίου τῶν ἁγίων Ἀναργύρων, πλησίον τοῦ Πρωτάτου. Ἐν Ἀθην. 1889. По этой книгѣ на Аѳонѣ служатъ чинъ великой панихиды, совершаемый въ день храмовыхъ праздниковъ, по ктиторамъ обители или келліи. Тотъ же чинъ, издаваемый для повсемѣстнаго употребленія, нерѣдко называется „Νεκρώσιμα“.

Ἀκολουθία ἱερὰ εἰν τὴν μετάστασιν τῆς Ὑπεραγίας Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας. Ἐν Ἱεροσολύμοις, ἐκ τοῦ πατριαρχ. τυπογρ. τοῦ π. τάφου 1885 ετ. Это послѣдованіе, изданное по распоряженію патріарха іерусалимскаго Никодима I, содержитъ въ себѣ особенную службу въ день Успенія Богоматери, совершаемую въ Геѳсиманіи, на Аѳонѣ и у насъ въ Россіи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ службѣ имѣются непорочны по образцу непорочныхъ великой субботы и особые тропари, называемые „ἐυλογητάρια“.

Διάταξις τυπικοῦ τῶν κατὰ τὴν ἑορτὴν τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἀκολουθιῶν. Такъ называется служба, совершаемая нынѣ въ Виѳлеемѣ въ день Рождества Христова. Издана эта служба въ 1886 г., по повелѣнію патріарха іерусалимскаго Никодима I.

Ἀκολουθία τοῦ ἱεροῦ νιπτῆρος, τελουμένη ἐν τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῶν Ἱεροσολύμων. Ἐν Ἱεροσολ. ἐκ τοῦ πατρ. τυπογρ. τοῦ π. τάφου. 1885 ет. Послѣдованіе умовенія ногъ, совершаемое нынѣ на востокѣ только въ Іерусалимѣ, изданно по благословенію патріарха іерусалимскаго Никодима I. По своему составу это послѣдованіе весьма значительно отличается отъ подобнаго чина, практикуемаго нынѣ у насъ въ Россіи и отъ всѣхъ чиновъ, употреблявшихся на востокѣ въ древней церковной практикѣ.

На востокѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ совершается и до нынѣ литургія св. апостола Іакова, но не по древнѣйшимъ ея спискамъ, а по особому, на сей случай составленному, послѣдованію. Вотъ заглавіе этой брошюры: Ἡ θεία λειτουργία τοῦ ἁγίου ἐνδόξου ἀποστόλου Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθέου καὶ πρώτου ἱεράρχου τῶν Ἱεροσολύμων, ἐκδοθεῖσα μετὰ διατάξεως καὶ σημειόσεων ὑπὸ Διονυσίου Λάτα, ἀρχιεπισκόπου Ζακύνθου. Ἐν Ζακυνθ. τυπ. Σ. Καφοκεφάλου. 1886 ет.

На востокѣ нотное пѣніе въ большомъ распространеніи, а поэтому на клиросахъ пѣвчими употребляется много богослужебныхъ книгъ нотныхъ, изъ коихъ назовемъ здѣсь болѣе или менѣе важныя и общеупотребительныя въ обиходѣ книги:

Ἀναστασιματάριον—Службы на воскресные дни.

Δοξαστάριον—Славники на цѣлый годъ, поемые во время входа.

Εἱρμολόγιον καλλιφωνικόν—Нотные ирмосы.

Εἱρμολόγιον τῶν καταβασιῶν—Ирмологъ праздничныхъ катавасій.

Ἡ μεγάλη ἑβδομάς—Службы Страстной седмицы.

Ταμεῖον Ἀνθολογίας 3 т.
Νέον ταμεῖον Ἀνθολογίας 3 т.
Μουσικὴ Βιβλιοθήκη 3 т.
Μουσικὴ Κυψέλη 2 т.
Πανδέκτη 3 т.

Это сборники, заключающіе въ себѣ службы цѣлаго церковнаго круга.

Помимо указанныхъ, нотныя книги имѣютъ много и другихъ частныхъ названій, какъ напр., „Ἀνοιξαντάριον“ (т. е. книга, содержащая въ себѣ 103 псаломъ, положенный на ноты), „Κεκραγάριον“ (т. е. книга съ стихирами на „Господи воззвахъ“) и др. Всѣ подобныя книжки существуютъ большею частію въ рукописяхъ. Изъ учебниковъ для знакомства съ греческими нотами пользуются извѣстностію: „Κριπίς“ и „Θεωριτικόν“.

Къ стр. 84. „Ἀρχιερατικόν“, или книга, при архіерейскомъ богослуженіи употребляемая, называется иногда такъ: „Φυλλάδα ἀρχιερατική“.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	7 сн.	большаго	большого
4	10 св.	образовало	образовала
12	5 —	ὠφελείαν	ὠφέλειαν
16	4 —	свѣдующій	свѣдущій
19	18 —	ὐβήρων	Ἰβήρων
22	13 —	въ папертѣ	въ паперти
—	3 сн.	св. Типикъ	свой Типикъ
24	15 св.	σόφον	σοφὸν
25	15 —	можетъ	можемъ
—	22 —	Ἀθῶνος	Ἄθωνος
29	3 сн.	ἐλαχίστος	ἐλάχιστος
—	2 —	τοῖς ἐν τευξαμένοις	τοῖς ἐντευξομένοις
34	6 —	написанныхъ	написанны
42	11 св.	De offciis	De officiis
61	6 —	ἡσυχῇ	ἡσύχῃ
—	8 —	воскрени	воскресни
63	11 сн.	pag.	pag. 908
65	11 св.	εὐρισκομένων	εὑρισκομένων
67	2 сн.	συνδρομήτων	συνδρομητῶν
76	14 —	καὶ ἀλιπὸς	καὶ ἀξίωσις
119	13 —	βασιλέυοντων	βασιλευόντων
120	10 св.	Τρίας	Τριᾶς

Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

У того же автора можно получать слѣдующія его книги:

I. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. ч. 1. Службы круга седмичнаго и годичнаго и чинопослѣдованія таинствъ *съ приложеніями.* Цѣна 4 руб. съ перес.

II. Путешествіе по востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887—88 году *съ приложеніями.* Цѣна 1 руб. 50 коп. съ перес.

III. Поминки преосв. Порфирія Успенскаго и проф. Московской духовной Академіи И. Д. Мансветова. Краткій очеркъ ученолитературной дѣятельности ихъ, читанный въ засѣданіи Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи 13 января 1886 г. Цѣна 75 к. съ перес.